

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»

**ЦИФРОВОЕ
РЕГИОНОВЕДЕНИЕ
БОЛЬШОГО
СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ**
**РЕЛИГИЯ КАК ФАКТОР
СОВРЕМЕННОГО БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА:
ПРОЕКЦИЯ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА**
коллективная монография

г. Севастополь
2022 г.

УДК 327.83
ББК 66.4(5)

При поддержке программы Приоритет-2030 ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» (Стратегический проект № 5 «Археонет»)

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор Койбаев Борис Георгиевич
доктор политических наук, доцент Станкевич Галина Викторовна

Авторский коллектив: к.соц.н., доц. Гапич А.Э., к.полит.н., доц. Гукасов А.В., к.полит.н. Демченко Д.А., д.полит.н., проф. Косов Г.В., к.полит.н., доц. Литвишко О.М., к.полит.н., доц. Миргород Д.А., д.полит.н., проф. Панкратов С.В., к.полит.н. Переяшкин А.В., к.полит.н. Потапов В.А., к.эконом.н., доц. Страшко Е.В., к.ист.н. Татарков Д.Б., к.соц.н., доц. Ярмак О.В.

Цифровое регионоведение Большого Средиземноморья. Религия как фактор современного ближневосточного политического процесса: проекция Персидского залива: коллективная монография / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации, Севастопольский гос. университет; отв. ред. Г.В. Косов. — Севастополь: СевГУ, 2022. — 198 с.

ISBN

В монографии в рамках междисциплинарного исследования «Создание элементов геоинформационной системы оперативного регионоведения Большого Средиземноморья», реализуемого при поддержке программы Приоритет — 2030 ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» (Стратегический проект № 5 «Археонет», Проект «Формирование научно-технологической компетенции «Цифровые технологии в сфере оперативного регионоведения»)), представлено авторское понимание политизации религии и влияния религиозного фактора на внешнеполитические процессы на Ближнем Востоке в целом и в регионе Персидского залива, в частности.

УДК 327 / 316
ББК 60.59+66.4

Материалы публикуются в авторском оригинале.

© Севастопольский государственный университет, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Часть 1. Религиозный фактор в контексте современных парадигм международных отношений	8
Часть 2. Экстернальные и интернальные факторы внешней политики современных государств	33
Часть 3. Религиозный фактор внешней политики в контексте современных политических теорий.....	66
Часть 4. Регион Персидского залива на карте мировой политики	81
Часть 5. Религиозная идентичность как источник конфликтов и сотрудничества в регионе Персидского залива	103
Часть 6. Влияние религиозного фактора на политику Саудовской Аравии и Ирана в отношении Бахрейна	121
Часть 7. Религиозные основы «отклоняющейся» политики Катарра	136
Заключение	153
Библиографический список.....	161

ВВЕДЕНИЕ

Ближний Восток представляет собой проблемный регион, в котором религия и политика (внутренняя и внешняя) переплетаются как нигде в мире. Интенсивность и масштабы этого взаимодействия сделали его привлекательным для исследований, актуальность которых с каждым годом только возрастает. Если в политическом и экономическом плане значение этого нефтеносного региона трудно переоценить, то его религиозная составляющая во многом определяет расклад сил в мусульманском мире, поскольку именно эта религия доминирует в странах восточного Средиземноморья. Несмотря на огромную «медийную» популярность Ближнего Востока (редкие новости обходятся без упоминания о нём), границы его на политологической карте не имеют чётких очертаний. Существуют, по крайней мере, 4 географических варианта Ближнего Востока, включающие от 5 до 26 стран. Наиболее лаконичный вариант включает Сирию, Ливан, Израиль, Палестину и Иорданию. Более расширенная модель добавляет к ним Кипр, Турцию, Египет и Ирак. Многие политологи включают в Ближний Восток также Иран, Кувейт, Саудовскую Аравию, Бахрейн, Катар, Объединённые Эмираты, Оман и Йемен (17 стран). Самый крупный вариант относит к этому региону страны Северной Африки: Ливию, Тунис, Алжир, Марокко, Мавританию, Судан, Эритрею, Джибути и Сомали (26 стран). На наш взгляд, наиболее исторически и культурно соответствующим данному региону является третий вариант, включающий центр Ближнего Востока (страны восточного Средиземноморья) и Саудовского

полуострова, хотя в религиозном смысле за рамки этого конгломерата стран необходимо вынести православный Кипр и иудаистский Израиль.

Не желая принизить значение ни одной из выше упомянутых стран, полагаем, что наиболее влиятельными в мире, особенно в религиозном плане, являются Иран и Саудовская Аравия. В качестве обоснования можно провести три довода:

а) эти страны представляют два главных течения ислама – шиизм и суннизм, конфликт между которыми во многом определяет климат межгосударственных отношений в исламском мире;

б) именно в этих странах имеет место сложная система взаимодействия религиозных, политических и экономических акторов, широко использующих средства как мягкого, так и жёсткого воздействия во внутренней и внешней политике;

в) именно от этих стран зависит стабильность на Ближнем Востоке и мире, что обуславливает активизацию в этом регионе политики США.

Помимо этого, следует учитывать и тот факт, что Ближний Восток является родиной трёх мировых религий: иудаизма, христианства и ислама. В результате множества примеров слияния религии и политики, таких как, например, Иранская революция 1979 года и приход к власти партии Хамас в Палестине в 2005 г., в мире стали воспринимать Ближний Восток как регион политической нестабильности, религиозной напряжённости и столкновений между различными направлениями в исламе, а также между иудаизмом и исламом. Целью религиозных акторов в этом регионе является стремление навязать государственным органам своё видение проблем на основе религиозных принципов и ценностей. И, благодаря эффективной деятельности религиозных акторов, отличительной чертой

этого региона стала теснейшая взаимосвязь между внутренней и внешней политикой.

Ближний Восток, в том числе и входящий в него регион Персидского залива, является одним из самых нестабильных регионов планеты. Г. Киссинджер в своей книге «Мировой порядок» указывает, что самый опасный вызов мировому порядку сегодня исходит именно со стороны Ближнего Востока, где крепки воспоминания о былом величии и продолжает существовать множество авторитарных режимов, не способных обеспечить себе внутреннюю и внешнюю легитимность. На страницах журнала «National Interest» специалист по вопросам обороны и национальной безопасности профессор Р. Фарли среди пяти регионов, в которых может с большей вероятностью начаться третья мировая война, называет и Персидский залив. По его словам, Саудовская Аравия четко дала понять, что готова на военную конфронтацию с Ираном, даже если для этого потребуются коалиция с Израилем.

Россия продолжает утверждаться в регионе Персидского залива в качестве одного из ведущих игроков. Военная операция России в Сирии, по сути, открыла для нее дорогу в регион Персидского залива. Россия выступила посредником в устранении разногласий между Саудовской Аравией и Ираном, возникших в ходе заключения соглашения между ОПЕК и рядом других нефтедобывающих стран, не входящих в эту организацию, о сокращении добычи нефти. Российская Федерация возвращает свою долю на рынке вооружений региона Ближнего Востока, создавая себе дополнительный рычаг влияния на составляющие его государства. Россия активно использует различные международные площадки для продвижения своих интересов в этом регионе.

Среди факторов, определяющих внешнюю политику стран Ближнего Востока вообще и Персидского залива в частности, особое место принадлежит религиозному

фактору, что объясняется как особенностями политической истории региона, так и общей политизацией религии, наблюдаемой последнее время в мире. Религия, а именно ислам, выступает для государств данного региона, во-первых, фундаментом внутренней консолидации, позволяющим устранять существующие политические противоречия и обосновывать стремления к региональному лидерству. Во-вторых, он используется для реализации стратегии «общего врага», когда возникают внешние угрозы или когда указанные выше внутренние противоречия достигают кризисного уровня. Наконец, в-третьих, он расширяет потенциальную сферу международного влияния стран региона, давая им в руки дополнительные инструменты «мягкой силы» при осуществлении своей внешней политики.

ЧАСТЬ 1.

Религиозный фактор в контексте современных парадигм международных отношений

Современные общественные науки с течением времени стали выстраивать свои концепции не только и не столько на основании господствовавшей в течение длительного периода парадигмы прогресса и единого направленного поступательного развития, но и на парадигме циклов. Начиная со времен Гераклита, Зенона, Платона и Аристотеля, а вслед за ними и А. Тойнби, О. Шпенглера и Л.Н. Гумилева, философская мысль все больше приходила к идее повторяемости, находящей свое отражение во всех областях исторического процесса и всех сферах жизни и деятельности его субъектов. Циклический подход к пониманию исторического процесса получил выражение и в современных работах ученых-постмодернистов, говорящих о сменяемости эпох и прекращении эпохи модерна. Согласно этим исследованиям, современный мир, утрачивая черты модерна, начинает движение к предшествовавшим моделям традиционного и, в целом, теоцентричного общественного уклада. Так, например, З. Бауман в своих работах «Текучая современность» и «Индивидуализированное общество» говорит о современной эпохе, как о состоянии «текущей современности», окончившегося модерна и начала эпохи междоцарствия, когда политический процесс носит ненаправленный характер, а его субъектный состав в противовес модерну приобретает чрезвычайную пестроту.

В этом контексте происходит и актуализация фактора религии в современной мировой политике, что также не может быть логически увязано с логикой модерна. Происходит не просто возврат религиозности общества, а подмена ценностей модерна, псевдорелигиозными и/или культовыми основаниями, характерными для т.н. «премодерна». По-нашему мнению, этот феномен, вслед за Г.В. Станкевич, целесообразно именовать «религиозным ренессансом». В условиях религиозного ренессанса происходит ресакрализация сознания общества, индивиды становятся своего рода «искателями смыслов», которые, не найдя ответов в мире рационального, обращаются в мир сакрального, что совершенно не свойственно эпохе типичного модерна. Высвечивая эту, противопоставленную реалистической картине мира, современную модель восприятия, П.Л. Бергер именует её – «десекуляризацией». При этом, целесообразно выделить ряд индикаторов, указывающих на усиление роли фактора религии в современных международных отношениях и, таким образом, подтверждающих реальность тенденции десекуляризации или «религиозного ренессанса».

Прежде всего, в качестве первого и важнейшего индикатора следует рассматривать уже названный нами феномен «религиозного ренессанса». Протекание исторического и политического процессов в направлении религиозного возрождения доказывается такими реалиями, как: трансформация религии; создание и расширение числа и типологии религиозных и религиозно-политических организаций; создание рядом стран государственных структур, координирующих деятельность религиозных организаций, а также государственных органов по делам государственно-конфессиональных отношений; рост влияния религиозных институтов на внутреннюю и внешнюю политику государства; участие религиозных лидеров в избирательных процессах и их вхождение

в общественно-политические структуры; интенсификация использования религиозного фактора в провокационных целях в ходе тех или иных политических акций как внутривосточного, так и внешнеполитического характера; придание религиозным праздникам государственного статуса; развитие нормативно-правовой базы государственно-конфессиональных отношений; формирование религиозно-политических доктрин нового поколения.

По мнению И. Каро и Е. Федяковой, влияние религиозного фактора на международные отношения может главным образом характеризоваться тремя ключевыми факторами. Во-первых, воздействие религиозных институтов в целом имеет географическую привязку и, как правило, осуществляется применительно к конкретному региону. Во-вторых, несмотря на различную структурную типологию, воздействие религиозных институтов на международные отношения обусловлено их выстроенной структурой. В-третьих, процесс глобализации позволяет распространить влияние религиозных институтов за рамки территории, для которых характерно фактически или декларативно проповедуемое ими вероисповедание. При этом, в качестве факторов трансляции их влияния во внешнюю среду могут пониматься миграционные движения, процессы интернационализации культуры и экономики, а также деятельность средств массовой информации.

В сфере неолибералистической парадигмы о взаимоотношениях религии и мировой политики интересное толкование дает нам Словарь-справочник «Зарубежная политология», который трактует «религию и политику» как «соотношение», характеризующееся особым направлением в социально-политической мысли в контексте государственного права и закона, то есть подчёркивается нормативно-этическая составляющая понятия «религия». Главным в этом «соотноше-

нии» является религиозное созерцание, которое указывает государству его идейное назначение в политике: установить в земной жизни людей посредством гетерономного регулирования строй, наиболее благоприятствующий духовному расцвету народа и человечества и воспитывающий граждан к постепенному облагораживанию положительного права силами братства и автономного правосознания. Религию в ее неолиберальном направлении можно свести к трем векторам: 1) способствование к сотрудничеству; 2) помощь в разрешении конфликтов и 3) миротворческая миссия. Например, что касается ислама, то он имеет самое непосредственное влияние на концептуализацию миротворческой деятельности, на способы разрешения конфликтов в зависимости от их высших моральных ценностей, этических принципов и идеалов социальной гармонии. Далай Лама, лидер тибетских буддистов, живущий в изгнании в Индии, заметил, что «для каждой религии важно совершенствование человека, любовь, уважение к ближнему, сострадание. И в том смысле каждая религия более или менее имеет схожую позицию и схожие цели». М. Гопин делает предположение, что все религии выработали правила и концепции, обогатившие цивилизацию различными подходами к проблемам миротворческой деятельности и ее ценностям. Это включает сочувствие, открытость, любовь к чужим людям, подавление эгоцентризма и корысти, соблюдение прав человека, взаимные жесты прощения и учтивости, способность к взаимному раскаянию и способность признавать ошибку как средства примирения, а также движения к социальной справедливости».

Как отмечается рядом политологов (А. Могхадам; Ф. Петито и П. Хатзопулос; С. Томас) в последней четверти XX века произошло абсолютно непредсказуемое явление: глобальное религиозное возрождение начинает оказывать огромное влияние на мировую политику, на мировые политические

процессы. Современные наблюдения красноречиво демонстрируют возрастающую роль религии как в социальной, так и политической жизни во многих частях мира. Сегодня многочисленные религиозные акторы оказывают заметное воздействие на ключевые сферы политики и международных отношений, включая экономическое развитие, вопросы войны и мира, прав человека и социальную справедливость.

В рамках школы неореализма в мировой политике имеет место политизация религии и использование ее для реализации определенных целей, за которыми стоят экономические и политические мотивы. Возрождающаяся религия не просто связана с личной верой, но и также ведет к появлению желания участвовать в решении социальных, экономических и политических вопросов. «Являясь неиссякаемым источником человеческих чувств, религия представляет собой также своеобразный генератор социальных идей, оказывающих большое влияние на различные политические движения, предлагая им готовые символы, обряды и объединения». Для достижения своих целей религиозные акторы используют различные стратегии и тактики: протесты, лоббирование, выборы, участие в дебатах и даже политическое насилие.

Поскольку в некоторых регионах мира религия играет особую роль, то, естественно, она используется религиозными организациями, участвующими в общественной и политической жизни. Степень влияния на внешнюю политику религиозных акторов зависит в некоторой степени от того, имеют ли они доступ к государственным органам, а, следовательно, возможность влиять на принятие решений. Как замечают С. Уолт и Д. Мершаймер, «заинтересованные группы» могут лоббировать избранных представителей и членов исполнительной власти, вкладывать средства в избирательные кампании, голосовать на выборах, создавать общественное мнение и так далее. Таким образом, религиозные акторы

представляют собой серьезные силы влияния, позволяющие создавать умонастроения, акцентировать общественное мнение на тех или иных проблемах, обуславливать выбор выгодной им политической терминологии. Но сфера влияния их, естественно, ограничена, и даже доступ к принимающей структуре ещё не гарантирует возможности существенно влиять на формулировку политического решения и его исполнения. Для достижения заметного политического эффекта необходимы связи с субъектами политического процесса, а также хорошие отношения со средствами массовой информации. Возможности религиозных акторов влиять на внешнюю политику зависят не только от взаимоотношения с правительством и дипломатических навыков главных игроков, но и от объективных (иногда неожиданных) внешних обстоятельств и событий.

Анализ международных неправительственных организаций религиозной направленности (МНПО) как субъектов мировой политики опирается на значимые системные эффекты от их деятельности, способные оказывать существенное влияние на мировой политический процесс.

Сегодня МНПО религиозной направленности принимают самое активное участие в политических событиях самого различного, в том числе и глобального, масштаба. Более того, сами являются эффективным механизмом воздействия на международные отношения, служат той силой, которая формирует современный и будущий облик политического пространства. При этом, МНПО религиозной направленности количественно, почти пропорционально, отражают соотношение традиционных религий мира, в структуре которых 32% (порядка 2,2 млрд человек) причисляют себя к христианской вере, на втором месте мусульмане, составляющие 23%, на третьем месте индуисты – 15%, буддисты – 7%, 0,2% – исповедуют иудаизм.

Перед тем, как перейти к анализу деятельности международных исламских неправительственных организаций, отметим, что сама мусульманская конфессия, в отличие от христианской, отличается большей политизированностью и потенциалом радикализации, а международные неправительственные организации, представляющие мусульманский мир, характеризуются разобщенностью и практически лишены вертикальных связей, формирующих единую иерархию. Надо отметить, что единства в мусульманской умме не было никогда. С самого момента возникновения ислам раздирали внутренние противоречия между суннитами и шиитами, а также множеством производных религиозных течений. В настоящее время данные противоречия также сохраняют свою актуальность и даже часто осложняются происходящими под влиянием как внутренних, так и внешних факторов, процессами радикализации. Однако, именно вследствие данной разобщенности, ставшие политологическим трюизмом рассуждения об «исламской угрозе» Европе / России/ миру, представляются несостоятельными или, по меньшей мере, требующими дополнительных оговорок и уточнений.

Тем не менее, опасность проявлений экстремистского и/или террористического характера со стороны группировок различных течений ислама сохранится еще надолго. А тот факт, что непосредственное участие в их вооружении и организации деятельности принимают не только заинтересованные государства, но и различные международные исламские неправительственные организации, взявшие на вооружение идеи мировой исламской революции или мирового халифата, указывает на необходимость тщательного анализа их специфики как субъектов мировой политики.

Часть воинственно настроенных группировок, идеологически подпитываемых некоторыми международными исламскими неправительственными организациями, на деле

прибегающих к практике экстремизма и терроризма, не скрывают агрессивного отношения не только к европейским или христианским духовным ценностям, считая их несущими тлетворное влияние «аморального Запада», но и насаждают строгие правила общественной жизни, требования жить по шариату, знать нормы поведения «истинного мусульманина». Часто, являясь самым сильным фактором приобщения людей к определенной вере, данные структуры используют в своих целях деструктивные методы влияния на сознание людей. Проповедь шариатского эгалитаризма, использование ислама в роли беспощадной революционной идеологии, террористические акты и междоусобная война – все это формирует у мирового сообщества искаженное восприятие ислама как радикальной религии и идеологии, что наносит большой урон не только самой мусульманской умме, но и фундаментальным основам мировой политики, порождая качественно новые вызовы и угрозы национальной и международной безопасности.

Наибольшую известность среди международных исламских неправительственных организаций в последние годы приобрели Лига исламского мира и Всемирный исламский конгресс. Данные организации ведут активную идеологическую, миссионерскую и агитационную работу. Однако, и их усилия не привели к преодолению упомянутых внутри конфессиональных разногласий в исламе. Вместе с тем, данные организации все же оказывают системное влияние на международные отношения путем распространения определенных знаний, ценностей, повышения осведомленности о проблемах мусульманского мира, изменения массового отношения к ним, развития общественных институтов.

Представляется, что исламские МНПО в целом могут оказывать влияние на политическое и духовное сознание, поведение и коллективный выбор больших групп людей,

косвенно влиять на процесс принятия решений во властных структурах разного уровня, следовательно, влиять на мировые политические процессы и непосредственно на международные отношения.

Обратимся к рассмотрению исламских МНПО, действия которых влекут за собой системные эффекты глобального масштаба, имеющие значение для мировой политики. Из подобных движений наибольшую известность приобрела МНПО «Исламская партия освобождения» (Хизб ут-Тахрир аль-Ислами) (запрещенная в России международная террористическая организация), основанная в 1953 году.

Сами члены Хизб ут-Тахрир аль-Ислами считают себя защитниками веры, цель которых состоит в возрождении истинных ценностей исламской уммы, в освобождении ее от влияния запада и чуждых идей. Есть и более привлекательные для сознания обывателя элементы пропаганды – это призывы искоренять коррупцию, бедность, естественно, путем строгого применения шариатских норм. Привлекает внимание то, что адепты Хизб ут-Тахрир призывают мировую мусульманскую умму поддержать «войну против США». Также интересен тот факт, что в последние годы радикальное крыло Хизб ут-Тахрир аль-Ислами активизировалось на Украине, причем легально, несмотря на то, что в России и в самих арабских странах организация действует нелегально: в октябре 2013 года они провели в Симферополе свой форум «Исламский призыв на постсоветском пространстве и «Хизб ут-Тахрир»: реалии и вызовы».

История международных отношений свидетельствует, что конфессиональный аспект действий многих МНПО религиозной направленности необходимо учитывать при выработке внутри- и внешнеполитических решений, подходов к разрешению международных конфликтов, а идеологическое обоснование внешнеполитического курса любой страны

в глазах общества имеет, в том числе и религиозное измерение. В этой связи, многие государства мира выстраивают сегодня свой внутри- и внешнеполитический курс с учетом усиления влияния МНПО религиозной направленности, в особенности исламского толка. Поэтому не удивительно, что М. Тэтчер в интервью британской газете «Guardian» назвала исламизм, распространяемый, в том числе и МНПО религиозной направленности, «новым большевизмом». М. Тэтчер обращала внимание на исламизм в качестве военной доктрины, отличающейся агрессивной идеологией, в борьбе с которой нужно выстроить всеобъемлющую долгосрочную стратегию с опорой на международное сообщество.

Заметим, что противодействие деструктивной деятельности международных неправительственных организаций, приверженных идеям исламского радикализма, достаточно затруднительно, прежде всего, в связи с тем, что такие организации способны создавать разветвленную сеть по всему миру, развивать информационно-пропагандистскую машину, активно использовать последние достижения в области коммуникации. Более того, международные исламские неправительственные организации часто распадаются и возникают вновь уже с другими наименованиями, что затрудняет их идентификацию и делает почти неуловимыми.

В то же время рассуждения об эндогенности исламского радикализма, на наш взгляд, представляются несостоятельными с академической точки зрения, так как они уводят в русло теории врожденной агрессивности, что противоречит историческим реалиям. Как справедливо высказывается по этому поводу французский исламовед Ф. Бюрга: «Коран ничуть не больше может объяснить Усаму бен Ладена, чем библия – Ирландскую освободительную армию». Поэтому анализ МНПО религиозной направленности, возникающих в лоне исламской уммы, будет неполным без упоминания

либеральных организаций, которые вполне соответствуют мирным направлениям ислама.

Под влиянием иммиграции мусульманского населения в традиционно христианские страны Европейского Союза постепенно увеличивается число исламских МНПО, открывающих в Европе мечети, исламские школы, создающих исламские политические партии. В числе таких организаций, действующих в ЕС, можно назвать, например, Исламский клуб молодежи и студентов Европы, объединяющий более 40 региональных молодежных и студенческих организаций из разных стран. Клуб проводит конференции, семинары, молодежные лагеря с целью подготовки будущих молодежных лидеров и поддерживает связи с молодежными организациями представителей других вероисповеданий.

Отметим, что исламские МНПО, функционирующие ранее только в Европе и Северной Америке, несколько десятилетий назад стали активно заниматься благотворительностью по всему миру. В частности, такие программы начали реализовывать такие МНПО религиозной направленности, как «Исламский круг Северной Америки» (ICNA), «Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца», «Исламская помощь» (IRW) и др. Указанные мусульманские организации постоянно расширяют свою благотворительную деятельность, оказывая помощь пострадавшим в результате чрезвычайных ситуаций, жителям государств третьего мира, живущим за чертой бедности.

Осуществленный анализ деятельности некоторых крупных МНПО религиозной направленности, фактически или декларативно отождествляющих свою деятельность с одной из мировых религий, показывает, что они могут являться непосредственными субъектами мировой политики, так как способны прямо или косвенно в различной степени влиять на международные политические процессы. МНПО религи-

озной направленности, активно используя особенности своей структуры и склонность населения к религиозным идеям, имеют возможность оказывать воздействие на формирование установок и политического мировоззрения населения посредством применения как средств мягкой силы, например таких, как благотворительная деятельность, участие в решении проблем международной безопасности, защита прав человека, охрана окружающей среды, так и посредством оказания помощи экстремистским группировкам в целях получения политической выгоды.

МНПО религиозной направленности можно в полной мере отнести к организациям, которые становятся звеньями глобального гражданского общества и играют важную роль в глобализационных процессах и духовной ориентации целых регионов. Они поднимают насущные для населения проблемы, которые правительства замалчивают; собирают, обрабатывают и распространяют информацию о международных вопросах, требующих общественного обсуждения; иницируют конкретные подходы к их заключению и побуждают правительства к принятию соответствующих решений, мобилизуют общественное мнение и способствуют выработке на уровне общественного сознания чувства причастности каждого к крупным международным проблемам.

Очевидно, что не все МНПО религиозной направленности играют роль международных групп влияния и/или давления, однако их функционирование зримо меняет характер мировой политики. Более того, в условиях полиакторности мирового политического процесса, черты которой обусловлены глобализацией, для любой международной неправительственной организации религиозной направленности существует возможность стать значимым субъектом мировой политики. Имея ориентацию на политический и экономический успех, МНПО религиозной направленности заинтересованы в проникновении

в сферу политики на национальном, региональном и международном уровнях. Особую настороженность в данном контексте вызывает тот факт, что МНПО религиозной направленности зачастую активизируются в странах с нарастающими эверсионными процессами и тенденцией к ослаблению политического режима. В этой связи в дальнейшем представляется важным рассмотреть использование возможностей международных неправительственных организаций религиозной направленности в качестве инструментов внешней политики государств или борющихся за власть политических элит.

Представляется, что описанная специфика трансформации мировой политики и мирового социально-политического пространства в целом могут служить объяснением базовых причин роста численности, активности и влияния международных неправительственных организаций религиозной направленности.

Однако, существующие подходы к пониманию роли международных неправительственных организаций религиозной направленности в мировой политике закономерно опираются на толкования сущности субъекта, принятые в современных политических науках. Вместе с тем, при том понимании, что понятие «субъект международных отношений» заимствовано теорией международных отношений и другими политологическими дисциплинами из юридических наук, где аналогичный институт определен как «субъект международного права», представляется справедливым при описании его базовых качеств опираться на правовые подходы. Так, согласно трактовке, предложенной в Большом юридическом словаре, субъекты международного права – это участники международных отношений, которые обладают международными правами и обязанностями и осуществляют их в рамках и на основе международного права. Очевидно, что данное определение носит абстрактный характер и, в зависимости

от толкования и контекста, может охватывать самый широкий круг лиц и институтов, так или иначе участвующих в современных международных отношениях и включенных в мировой политический процесс.

Как справедливо отмечает П. А. Цыганков, в использовании понятия «субъект» отражается внутреннее генетическое сходство теории международных отношений с международным публичным правом.

Отметим, что политологическое понимание субъекта международных отношений или мировой политики во многом обусловлено также и терминологическим аппаратом социальных наук, которые, впрочем, в рамках западной научной традиции неотделимы от корпуса общественно-социальных научных дисциплин, включающих и политические науки. Так, по мнению французского социолога А. Турена, следует отделять друг от друга понятия «субъект», «актор» и «агент». Существование субъекта сопряжено с тяготением к приобретению свойств актора, то есть субъекта, не только существующего в своей среде, но и способного оказывать на нее влияние и изменять ее.

В свою очередь, вышеупомянутая зависимость от среды функционирования выражается и в использовании понятия «агент». Под агентом в данном случае следует понимать транслятора набора ценностей и норм определенной системы, который стремится привнести данные паттерны в среду, в которой находится.

С позицией А. Турена солидаризируется М. Крозье, который, характеризуя акторы, указывает на то, что они не только стремятся выработать наиболее эффективную стратегию функционирования в системе (любой социально-политической системе, в т.ч. и системе международных отношений), но и нацелены на максимальное включение в процессы, происходящие в ней, и на понимание «правил игры».

Будучи активными участниками процессов, происходящих в среде их постоянного нахождения, акторы ищут возможность трансформировать систему в выгодном для себя ключе и по возможности повлиять на направления ее развития.

Несмотря на достаточно обширную типологию субъектов международного права, включающую как национальные государства, так и множество различающихся по институциональному характеру, специфике деятельности и задачам негосударственных участников, прежде всего неправительственных организаций, транснациональных корпораций, межправительственных организаций и других гибридных образований, ко всем ним может быть применим один из трех вышеупомянутых терминов. Более того, на протяжении эволюции международных отношений конкретные участники международных отношений могут менять свой статус или обладать одновременно признаками актора и агента.

Данная логика развития справедлива не только для национальных государств, которые, несмотря на глобализацию и изменения, произошедшие и продолжающиеся в настоящее время, остаются ключевым субъектом современной мировой политики, но и для её негосударственных участников, прежде всего, международных неправительственных организаций в т.ч. и религиозной направленности.

При этом симптоматично, что должное внимание к роли негосударственных участников мировой политики было обращено сравнительно недавно, тогда как ранее они фактически находились за рамками профильных исследований.

Так, например, Р. Кохэн и Дж. Най в 1971 году опубликовали работу, в которой обратили внимание на рост значимости негосударственных участников в международных отношениях. Данное утверждение привело к возникновению споров о возможности причисления международных неправительственных организаций к числу негосударственных

участников мировой политики. В частности, отмечалось, что негосударственные субъекты мировой политики могут быть тесно связаны с тем или иным национальным государством, которое может оказывать международной неправительственной организации финансовую поддержку через гранты, представителей государства в структуре организации и т.д., тем самым приводя к возрастающей тенденции создания гибридных образований, обладающих как признаками, характерными для государственного института, так и признаками неправительственной организации в классическом понимании.

С учетом роста числа и уровня активности международных неправительственных организаций религиозной направленности в современном мире, а также принимая во внимание возможность одновременного, последовательного или попеременного обладания данных организаций международной субъектностью или свойствами, присущими агенту, можно сделать следующее предположение: неправительственная организация религиозной направленности, возникая как локальная, обладающая только одним подразделением, может развиваться до международной и в процессе своего развития и функционирования осуществлять посредством своей сетевой структуры в ряде государств трансляцию социально-политических паттернов, обусловленных идеологическими установками самой организации, базовой части её приверженцев или, в некоторых случаях, политических элит государства происхождения или государства, тем или иным образом оказывающего определяющее влияние на логику развития организации (например, посредством финансирования). Следовательно, при определенных обстоятельствах, выражающихся в преобладании агентских качеств над собственно субъектными, международные неправительственные организации религиозной направленности могут утрачивать статус субъекта и полностью или частично, прямо или косвенно выступать

в качестве инструмента достижения внешнеполитических целей национального государства или групп элит, борющейся за власть в том или ином государстве.

При том понимании, что одним из неотъемлемых свойств неправительственной организации как института, является независимость от государства, некоммерческий характер деятельности, а также ориентация деятельности на достижение коллективного блага и/или разрешение тех или иных вызовов обществу, возможность рассмотрения международных неправительственных организаций в качестве инструментов внешней политики государств, на первый взгляд, представляется некорректной. Вместе с тем, реальность показывает, что МНПО нередко становятся средством достижения конкретных целей правительствами и иными политическими силами национальных государств. Это позволяет сделать ряд предположений:

- 1) произошла трансформация МНПО как института и, следовательно, изменились его свойства;
- 2) инструментализация возникла как «отклик» национальных государств на тенденции мирового политического процесса, обуславливающие необходимость поиска новых средств реализации политики;
- 3) кроме реальных МНПО, появились гибридные организации, выдающие себя за МНПО, но фактически являющиеся инструментом внешней политики государств.

Если исходить из данных предположений, то ни один из подходов, предлагаемых теоретиками международных отношений, не может быть признан в полной мере отражающим реальные процессы и тенденции. Реалистический подход фактически сводит на нет саму возможность существования институтов, действующих независимо от той или иной государственной власти. Транснационалистический и либерально-институционалистический взгляды на про-

блему, напротив, не уделяют достаточного внимания возможности использования МНПО для реализации внешнеполитических целей государств.

Однако, при отказе от необходимости синтетического встраивания рассматриваемой проблемы в рамку одного из существующих подходов, выстраивается более объективная картина, которая даже находит отражение в терминологических новациях, созданных западной политологической мыслью.

Так, в последнее время в активный вокабуляр политической науки вошла англоязычная аббревиатура GONGO – government organized/operated non-governmental organizations (перевод – организованные государством неправительственные организации).

В этой связи известный исследователь негосударственных акторов П. Уиллеттс отмечает, что отдельные правительства нередко пытаются влиять на т.н. «третичный сектор» путем создания НПО, действующих в контексте их политических интересов. Кроме того, в государствах с авторитарными политическими режимами МНПО оказываются под давлением и в силу фактических обстоятельств практически не могут действовать независимо. Вместе с тем, помимо этих, в целом нетипичных примеров инструментализации, есть устойчивое условие, которое, как правило, рассматривается как основной фактор перехода МНПО от фактической к декларативной независимости – непосредственное государственное финансирование по основным видам деятельности организации.

Известный латиноамериканский политолог Н. Мойзес полагает, что существуют следующие цели создания организованных государством неправительственных организаций.

Во-первых, создание лобби в международных организациях путем декларативного представления независимого общественного мнения населения страны или региона, заинтересованного в разрешении той или иной проблемы на уровне

глобальных международных институтов, на практике выступая транслятором политики конкретного правительства.

Во-вторых, создание сетевой структуры в других национальных государствах с целью пропаганды собственной политики среди населения и последующего получения влияния на принятие политических решений.

В-третьих, создание условий, благоприятных для распространения государственной религии на территории иностранных государств.

Н. Мойзес также указывает на то, что организованные государством неправительственные организации могут использоваться в качестве инструмента политики недемократическими государствами. Применение данных институтов может не только увеличить эффективность управления политическими процессами и направлением развития гражданского общества, но и создать иллюзию демократии.

В то же время, следует с пониманием относиться к стремлениям некоторых государств принимать участие в финансировании конкретных проектов и отличных от основных видов деятельности некоторых международных неправительственных организаций, имеющих структуру, механизмы и опыт в разрешении проблем, при работе с которыми государственные институты не показывают такой эффективности. Например, существуют несомненные преимущества МНПО, действующих в области гуманитарной деятельности, например, Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца, Amnesty International и др., перед соответствующими органами власти конкретных государств или подразделениями крупных межправительственных организаций. Однако, данные преимущества практически невозможно связать со стремлением правительств пользоваться механизмами международных неправительственных организаций религиозной направленности.

По нашему мнению, важным фактором, обуславливающим стремление государств к использованию международных неправительственных организаций религиозной направленности в своих целях, являются их возможности по эффективному и, вместе с тем, завуалированному влиянию на принятие решений. Это подтверждается мнением Н.А. Ковальского об основных направлениях деятельности религиозных институтов, являющихся субъектами (а в ряде случаев, по мнению Н.А. Ковальского, даже акторами) современной мировой политики. Он отмечает, что данные институты действуют по ряду направлений.

Во-первых, косвенное воздействие на социальные паттерны, под влиянием которых формируется внешняя политика государства, а также строится ее специфика, формулируется её концепция и практическое воплощение, осуществляется учет и анализ политических и экономических интересов.

Во-вторых, открытое и непосредственное участие религиозных и светских сообществ и организаций религиозной направленности, например, политических партий религиозной ориентации, в международной деятельности.

В-третьих, религиозные институты, являющиеся субъектами мировой политики, в частности, международные неправительственные организации религиозной направленности, способны прямо или косвенно оказывать серьезное влияние на конкретное лицо, формируя тем самым его личные социально-политические установки и позицию. Такое лицо, будучи вовлеченным во внутригосударственные и международные политические события и процессы (например, в выборные процессы в качестве избирателя или кандидата, в международные политические акции, движения и т.д.), может являться как их субъектом, так и объектом, и тем самым вынуждать политиков в той или иной степени считаться с его позициями и убеждениями.

По мнению Ф.Г. Войтоловского, степень воздействия религиозных организаций на международные процессы определяется возможностями их влияния на: выработку политики ведущими национальными государствами; специфику формирования транснациональной среды (которая, в свою очередь, во многом формируется под влиянием международных политических институтов); процесс принятия внутри- и внешнеполитических решений отдельными правительствами; внутриполитическое устройство и внутриполитические процессы в отдельных государствах; особенности взаимодействия отдельных государств, правительств и групп элит с другими участниками мировой политики.

Эффективность и, в то же время, основные векторы деятельности международных неправительственных организаций религиозной направленности с сетевой структурой организации могут быть проиллюстрированы через типологию основных методов деятельности транснациональных сетей влияния, предложенную М. Кекком и К. Сиккинком. Так, согласно данной типологии применительно к международным неправительственным организациям религиозной направленности, основные векторы их внешней активности следует классифицировать следующим образом:

- информационная политика, понимаемая как возможность получать и передавать политически значимую информацию быстро и эффективно туда, где её важность и, следовательно, влияние будут максимальными;
- символическая политика, которая позволяет влиять на сознание аудитории, не осведомленной о ситуации или процессе, посредством образов, символов и действий, тем самым формируя коллективное понимание проблемы;
- политика рычагов, подразумевающая возможность интегрировать в процесс решения проблемы более влиятельных и подходящих для конкретного контекста игроков

в случаях, при которых собственных возможностей оказывается недостаточно;

- политика подотчетности, понимаемая как способность оказывать влияние на более сильных игроков таким образом, чтобы они оказывались вынуждены реализовывать политику, которую одобрили лишь формально.

Вмешательство государства в деятельность МНПО может принимать разные формы и иметь различную интенсивность. Инструментализация посредством формирования зависимости от прямых инвестиций может быть ослаблена в том случае, если, например, организация не становится фактическим исполнителем «госзаказа», но ведет разработку собственных программ в формате, позволяющем максимально увеличить вероятность одобрения со стороны государственной власти и получения серьезных финансовых вливаний.

Рассматриваемая проблема приобретает специфическое преломление применительно к МНПО, действующим в религиозной сфере.

Сложившийся правовой обычай отделения церкви от государства нередко ошибочно распространяется на религиозные организации (как на церкви, так и на деноминации и даже локальные религиозные организации). Это может формировать своего рода иммунитет от возможных подозрений во включенности таких организаций в процесс реализации государственной политики.

Кроме того, конфессиональная привязка той или иной МНПО позволяет организациям использовать потенциал всего сообщества соответствующей конфессии в государстве или регионе, подчас не считаясь с существенными репутационными потерями организаций, оказавшихся втянутыми в сетевую деятельность, инспирированную GONGO.

В ряде случаев, организованные государством международные неправительственные организации религиозной

направленности могут выступать не только и не столько инструментом внешней политики государства-донора, посредством грантов и создания обстановки благоприятствования деятельности поддерживающей организацию, но также и выразителем, и транслятором идеи, объединяющей группы людей во многих государствах. При этом, распространение такой идеи и мобилизация гражданского общества путем ее внедрения может служить не только реализации ситуативных внешнеполитических задач конкретного государства. Особую важность представляет понимание того, что процессы, инициированные подобными организациями, будучи мощным инструментом управления обществом, могут являться своего рода обоюдоострым оружием, во-первых, могущим активно способствовать разрешению межконфессиональных конфликтов, решению проблем религиозной дискриминации, религиозного радикализма; во-вторых, влияющим на создание обратного эффекта – обстановки межконфессиональной напряженности, использования религии как прикрытия политической деятельности и, в конечном итоге, негативного воздействия на региональную и международную безопасность путем создания новых вызовов и угроз её стабильности.

Примером подобной организации может служить международная исламская неправительственная организация турецкого происхождения «Нурджулар». «Нурджулар» (тур. – Nurcular) основана после Первой Мировой войны курдом по национальности Саидом Нурси, который проповедовал установление в Турции шириатского государства. Организация действует более чем в 60 странах мира и представляет собой типичную международную неправительственную организацию религиозной направленности, построенную по сетевому принципу (одномерная центрическая сетевая структура). Нередко члены и ячейки организации предпочитают

не раскрывать себя, а действуют под своего рода прикрытием иных организационных форм. Так, существует так называемое «Движение Гюлена», которое, по нашему мнению, является одним из ключевых реализаторов идей нурсистов.

Согласно данным, опубликованным Институтом Ближнего Востока, существует информация о связях «Нурджулар» с фундаменталистскими центрами в Саудовской Аравии, других арабских странах, а также о причастности организации к финансированию радикальных исламистов и бандформирований на Северном и Южном Кавказе.

Особое внимание «Нурджулар» уделяет пропаганде исламских и пантюркистских идей. Их эффективная трансляция обусловлена не только активной работой самих ячеек организации, но также и выбранной зоной деятельности. Нурджулар действует преимущественно на территории государств, основному населению которого близка пантюркистская идея, т.е. в странах так называемого «тюркского мира» – Азербайджане, Иране, Туркмении, Турции, Казахстане, Киргизии, Узбекистане и др.

Причем, данная деятельность осуществляется во многом посредством специальных учебных заведений. Так, с 1990 года до настоящего времени «Нурджулар» организовала более 500 подчиненных ей учебных заведений за пределами Турции. Часто они известны как татаро-турецкие лицеи. Для обучения в таких школах отбираются дети в основном из влиятельных семей. В ходе учебного процесса у учащихся формируется протурецкая позиция. Наиболее успешные получают возможность выезжать в Турцию за счет фондов организации и получать дальнейшее образование в стране.

Существование совместных лицеев и колледжей создавало необходимую правовую основу для длительного пребывания на территории иностранных государств неограниченного количества тюрок, являющихся членами «Нурджулар»,

и благоприятные условия для сбора ими информации о социально-политической и экономической обстановке. Нередко нурджисты устраиваются в местные образовательные организации и под предлогом проведения исследований, а также используя сложившиеся связи в тюркоязычной среде, выходят непосредственно на носителей интересующей их информации, выезжают в районы с компактным проживанием тюркоязычного населения.

По нашему мнению, приведенный пример, а также теоретический анализ специфики гибридных организаций, проявляющих свойства инструмента реализации внешней политики государств одновременно с декларированием статуса независимых от каких-либо правительств и борющихся за власть политических элит международных неправительственных организаций религиозной направленности, позволяет говорить о феномене трансформации институциональных характеристик классических МНПО и появлении организаций, выдающих себя за данный институт, но фактически являющихся элементом системы институтов национального государства и, соответственно, инструментом осуществления его внешнеполитических установок.

Таким образом, представляется допустимым говорить о возможности существования международных неправительственных организаций в двух ипостасях. Во-первых, данные организации могут являться субъектами современной мировой политики, не завися от политических интенций тех или иных государств, правительств или борющихся за власть элит. Во-вторых, будучи специально созданными государствами, правительствами или борющимися за власть элитами, или попав под их влияние, могут выступать в качестве инструмента достижения их политических интересов на международной арене.

ЧАСТЬ 2.

Экстернальные и интернальные факторы внешней политики современных государств

В современных исследованиях международных отношений важное место занимают вопросы, касающиеся того, какие феномены, процессы и силы детерминируют внешнюю политику государств. Действительно, без этого невозможно объяснить и спрогнозировать многие политические события, а также построить концепцию поведения отдельных элементов международной системы. В связи с этим, пытаясь проанализировать политические процессы в контексте внешнеполитических стратегий стран Ближнего Востока, необходимо вначале рассмотреть общую систему факторов внешней политики, а затем оценить, каким значением обладает в ней религиозный фактор, согласно нашей гипотезе играющий ключевую роль в конструировании внешнеполитического курса упомянутых выше стран. При всем том оценка значения различных факторов должна быть предварена выяснением того, что сегодня понимается под внешней политикой в политической науке.

В. Хадсон определяет внешнюю политику как стратегию или подход, который выбирает национальное правительство для достижения своих целей в отношениях с иностранными субъектами. При этом она подчеркивает, что данное определение включает и решения национального правительства ничего не предпринимать в том или ином случае. К. Хилл

понимает под внешней политикой сумму официальных внешних отношений определенного независимого актора (обычно, но не обязательно государства), которыми он располагает в системе международных отношений. По мнению У. Карлсена, внешняя политика представляет собой совокупность действий, выраженных в форме эксплицитно заявленных целей, обязательств и/или директив, предпринимаемых правительственными представителями от имени своих суверенных сообществ для оказания влияния на условия или акторов, как правительственных, так и неправительственных, находящихся за рамками их территориальной легитимности.

Из приведенных определений видно, что, хотя список акторов мировой политики в последнее время существенно расширился, термин «внешняя политика» ассоциируется главным образом с деятельностью государств. Любое современное государство проводит собственную внешнюю политику, и политику, касающуюся поведения других государств. По сути, это средство, с помощью которого правительство одного государства выстраивает свои отношения с правительствами других государств, стремясь достигнуть определенных целей. Через свою внешнюю политику государства пытаются убедить другие государства следовать ее целям. Ее результативность находится в прямой зависимости от объема национальной мощи. Тем не менее даже самое сильное государство не может действовать на международной арене самостоятельно, будучи вынужденным учитывать не только свои цели и интересы, желания и проблемы, но и цели и интересы, желания и проблемы других государств. Внешняя политика основывается на собственных политических традициях и на нормах международного права и международной морали. Как следствие, исследова-

ние внешней политики не может быть изолировано от исследования детерминант или факторов, ее определяющих.

Как правило, все факторы внешней политики государства подразделяются на экстернальные (внешние) и интернальные (внутренние). Подавляющее число исследователей согласны, что внешняя политика находится под влиянием как интернальных, так и экстернальных факторов, объединяющихся в единую силу на уровне государства или лиц, принимающих решения. Дискуссии же возникают по поводу того, какая из этих групп факторов оказывает на внешнюю политику преобладающее влияние. Одни ученые полагают, что главная роль принадлежит экстернальным факторам, что заметно, в частности, на примере силовой дипломатии и экономических санкций. К. Друри, исследовав отношения США со странами, против которых они когда-то вводили санкции, обнаружил, что экстернальные факторы обладают приоритетным значением во внешней политике. Отношения с целевым государством оказывают значительно большее влияние на решение применить против него экономические санкции, чем реакция правительства на внутренние обстоятельства. Точка зрения, что внешняя политика определяется экстернальными факторами, находит дополнительное подтверждение, если обратиться к т.н. акторам глобального уровня – глобальным СМИ, глобальному общественному мнению, глобализации идей, продвигаемых международными неправительственными организациями и другими членами глобального гражданского общества. Так, усилия Канады по запрещению противопехотных мин увенчались подписанием в 1997 г. Оттавского договора (Конвенции о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении). Действия Канады и многих других стран в этом направлении не могут быть объяснены внутренними политическими интересами,

скорее они являются следствием уважения норм и ценностей, господствующих в международном сообществе.

Другие исследователи считают, что главенствующую роль играют интернальные факторы, поскольку внешняя политика есть простое продолжение политики внутренней. Так, Дж. Хаган отмечал, что политики, занимающиеся международными делами, должны найти баланс между потребностями решить внешние проблемы и потребностями максимизировать внутреннюю политическую поддержку своему режиму. Когда не удастся согласовать внешнеполитические задачи с «домашней» политической ситуацией, то политические лидеры должны так переформатировать внешнюю политику, чтобы она соответствовала внутренним реалиям. Дж.-Я. Ли подчеркивал роль внутренней политики в господстве Китая в Восточной Азии, особенно стратегий внутренней легитимизации, применяемых политическими лидерами соответствующего региона. Влияние внутренних факторов хорошо иллюстрирует процесс принятия решений касательно использования силы за рубежом. В свое время Ч. Остром и Б. Джоб пришли к выводу, что интернальные факторы оказывают значительно большее влияние на решения американских президентов использовать силу за рубежом, чем характеристики международной среды. Их выводы нашли подтверждение в исследовании П. Джеймса и Дж. Онила, отметивших, что интернальные факторы сохраняют наибольшее значение при принятии президентских решений использовать военную силу за рамками национальных границ. Таким образом, проседающая экономика, высокие темпы инфляции, высокий уровень безработицы, низкий рейтинг правительства и прочие факторы объясняют многие решения, касающиеся внешней политики.

Считается, что к главным экстернальным факторам относятся структура международной системы, международные

организации, политическое давление и реакция других государств, а также экономическая ситуация в различных международных регионах. Прежде всего внешняя политика зависит от структуры международной системы. При традиционной многополярной системе государства обладают значительно большей свободой действий, разрабатывая и реализуя свой внешнеполитический курс. Например, в таких условиях отдельному государству проще поменять центр своего политического притяжения ради обретения каких-либо выгод. Так, Италия в разгар Первой мировой войны искусно воспользовалась такой свободой, покинув Тройственный союз и вступив в Антанту с целью получить свою долю в поствоенном колониальном делении. При биполярной структуре более четкие линии раскола, связанные с идеологическим противостоянием, уже не позволяли так просто сменить центр притяжения и, следовательно, внешнеполитический курс. Во время Холодной войны восточноевропейские страны, присоединившиеся к Варшавскому договору, находились под прямым влиянием СССР. Страны Западной Европы, вступившие в НАТО, испытывали не меньшее влияние США. Европейские государства проявляли преданность своим политическим альянсам, а любые признаки свободы строго ограничивались двумя сверхдержавами. Распад СССР привел к формированию однополярной структуры, задавшей новые рамки внешнеполитического проектирования. Те государства, которые не соглашались с американским видением мирового развития, включались в группу «изгоев», которые уже не могли вести свою внешнюю политику в привычных для себя и других членов мирового сообщества условиях.

Внешнеполитическое поведение государств модифицируется членством в международных организациях. Международные организации занимают видное место в современной мировой политике, принимая участие во многих важных

эпизодах и выполняя широкий круг функций. Их деятельность не ограничивается прямыми интервенциями и миротворческими миссиями (ООН или ОБСЕ), включая в себя управление в различных областях межгосударственных отношений – от здравоохранения (Всемирная организация здравоохранения, ВОЗ) до валютных операций (Международный валютный фонд, МВФ). Более того, членство государств в разнообразных международных организациях снижает риск вооруженного конфликта между ними. Перечень международных организаций постоянно расширяется за счет новых участников, тогда как старые организации подвергаются модернизации, чтобы соответствовать новым условиям. В целом сегодня крайне трудно вообразить международную жизнь без формальных международных организаций.

Государства вступают в международные организации, ограничивая свою внешнюю политику, потому, что такие институты, благодаря своим свойствам – централизации и независимости, дают им весомые преимущества. Международные организации централизуют коллективные действия, располагая стабильной структурой и административным аппаратом. Это повышает эффективность коллективных действий, упрощая понимание динамики международной среды и реализацию интересов государств. Международные организации работают с некоторой степенью автономности, что позволяет им выступать в качестве нейтрального субъекта при разрешении межгосударственных споров и конфликтов. Хотя влиятельные государства часто ограничивают независимость международных организаций, вмешиваясь в их работу и игнорируя их требования, нейтралитет данных организаций, вытекающий из их автономности, серьезно повышает эффективность и легитимность практически любых действий, предпринимаемых этими самыми государствами. Именно поэтому государства, даже самые могущественные

из них, заинтересованы в международных организациях, несмотря на то, что они способны ограничить их внешнюю политику.

Внешняя политика любого государства испытывает на себе давление, исходящее от других государств. В современной международной системе, постепенно трансформирующейся в международное общество, каждое государство располагает определенными правами и обязанностями по отношению к другим государствам. Не имея возможностей вести одностороннюю политику, государства вынуждены учитывать и в идеале приспосабливаться к интересам других участников системы. В 1939 году А. Гитлер избрал агрессивную политику против Польши, адекватно не оценив возможную реакцию Великобритании, что, как известно, привело к катастрофическим последствиям как для самой Германии, так и для всей международной системы. В настоящее время Индия и США должны учитывать пакистанские интересы в Афганистане. Внешняя политика Китая затрудняется планами некоторых тайваньских политиков объявить о независимости острова. Отношения между Китаем и Тайванем дают хороший пример того, как национальные интересы одной страны могут постоянно ограничивать дипломатическую активность правительства другой страны. Китай прибегал к самым различным мерам, чтобы предостеречь Тайвань от объявления независимости – от проведения «ракетной дипломатии» в 1995–1996 гг. до принятия в 2005 г. закона, запрещающего сепарацию. Небольшие страны в своих международных стремлениях ограничиваются не только государствами, которые считаются их противниками, но и ближайшими союзниками. Япония очень сильно зависит в сфере безопасности от США. Во время Холодной войны США часто пользовались своей ролью гаранта японской безопасности, позволившей, например, заключить с Японией

в 1980-х гг. соглашение о добровольном ограничении экспорта ее автомобилей. Хотя с тех пор альянс между этими двумя странами стал более равным, Вашингтон по-прежнему способен оказывать влияние на внешнюю политику Токио, что доказывают, например, безрезультатные попытки перенести военную базу Футенма на Окинаве.

На внешнюю политику государства оказывает влияние экономическая ситуация в мире или отдельных регионах. Так, сегодня США все больше и больше беспокоит финансовое укрепление Китая на международном уровне. Постепенно усиливается роль юаня в мировой валютной системе, китайские компании заменяют собой американские компании, выступая крупнейшими инвесторами на многих иностранных рынках. Это революционное изменение в балансе экономической власти заставляет США поощрять развитие Транстихоокеанского партнерства как средства сохранения своего влияния в данном регионе. На это Китай отвечает собственными аналогичными инициативами, в частности, учреждением Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, который рассматривается попыткой Пекина обрести большую независимость от финансовых институтов, контролируемых США. Таким образом, внешняя политика Китая и США во многом определяется борьбой за лидерство в экономической интеграции Азиатско-Тихоокеанского региона.

К интернальным факторам, в свою очередь, причисляются факторы, которые могут быть объединены в следующие четыре группы: географические, экономические, политические и социально-культурные факторы. К географическим факторам относятся местоположение, размер территории и природные ресурсы. Местоположение будет определять, находится государство в оживленных районах, как, например, Египет, или находится вдалеке от центров мировой активности, как, например, Австралия. Местоположение опреде-

ляет, какие государства будут соседними, будет ли государство иметь выход к морю и т.д. Все эти условия сказываются на поведении государства в отношении других государств. По сути, они задают пределы возможного для отдельно взятого государства. Местоположение упрощает или затрудняет взаимодействие с другими государствами. Так, центрально-азиатские государства расположены в глубине материка, что представляет серьезное препятствие для их взаимодействия с другими государствами. Более того, от местоположения зависит восприятие потенциальных противников. Так, Индия представляет главную угрозу для Непала, тогда как для Индии таковой угрозой считается Пакистан, при этом, как известно, обе страны имеют с ней общие границы.

Размер территории как ослабляет, так и усиливает позиции государства. С одной стороны, больший размер увеличивает протяженность границ, что упрощает интервенцию других государств. С другой стороны, больший размер увеличивает глубину территории, что дает немалые военные преимущества при ее обороне. Во время Второй мировой войны протяженные границы СССР упростили нападение Германии, однако глубина территории вскоре «поглотила» вторжение, позволив советским войскам перегруппироваться и перевооружиться для последующего победоносного контрнаступления. Небольшие государства придерживаются местнической ориентации, выбирая свою внешнюю политику. По самой своей сути небольшие государства являются локальными элементами международной системы, претензии которых ограничиваются их собственной или близлежащими территориями. В отличие от небольших государств великие державы распространяют свое влияние на значительно более обширные территории. Как правило, влияние небольших государств ограничивается узкими географическими сферами, хотя сила такого влияния может быть довольно значительной. Небольшие государства

значительно больше подвержены внешнему влиянию, обладая меньшими политическими альтернативами и возможностями отделить внутреннюю политику от внешней. Малые государства часто ассоциируют свои небольшие размеры со слабостью, что сказывается на их поведении на международной арене.

В свое время Р. Кеохэйн выделил четыре типа государств в зависимости от степени их влияния на международную систему – государства, задающие параметры системы, государства, полноценно влияющие на нее, государства, влияющие на нее в ограниченном масштабе и, наконец, государства, не оказывающие на нее никакого влияния. Безусловно, что большинство небольших государств попадают в четвертую группу, практически не влияя на мировую политику и не играя видной роли в международной системе.

Природные ресурсы, такие как нефть, газ, уголь и др., имеют важное значение для любого государства. Государства, которые не располагают ресурсами, подвержены большему внешнему влиянию, чем государства, имеющие их в изобилии. Другими словами, достижение ресурсной автономии снижает степень влияния со стороны других государств. Государства, получающие высокие доходы от экспорта природных ресурсов, имеют меньше стимулов соблюдать международные нормы, в частности нормы, касающиеся защиты окружающей среды и прав человека. Они плотно интегрированы в международную экономическую систему, однако степень их глобальной политической интеграции остается на невысоком уровне. Их меньшая политическая интеграция, объясняемая опасением утратить суверенитет и автономию, затрудняет попытки решить проблемы, требующие глобального коллективного действия. Так, решение проблемы изменения климата зачастую противоречит материальным интересам нефтеэкспортирующих стран. Следовательно,

энергетические страны будут противиться всяческим попыткам глобального решения экологических проблем.

Кроме того, из-за слабой интеграции в глобальные политические институты экспортирующие энергоресурсы страны менее склонны придерживаться норм, касающихся использования силы. По причине слабых политико-институциональных связей они имеют более ограниченный доступ к площадкам и форумам, в рамках которых происходит мирное разрешение межгосударственных споров. Однако, несмотря на их относительную агрессивность, они редко вступают в вооруженные конфликты. Поскольку энергоресурсы обладают несравнимым стратегическим значением, великие державы инвестируют огромные средства, чтобы защитить каналы их поставки, и не заинтересованы в крупномасштабных конфликтах в энергоэкспортирующих странах, способных привести к росту цен на мировых рынках. Тем не менее, эти гарантии безопасности со стороны великих держав могут побудить энергоэкспортирующие страны действовать более агрессивно по отношению к другим государствам, а именно государствам, не являющимся экспортерами и не имеющими подобных гарантий.

Природные ресурсы, будучи в дефиците или в изобилии, могут служить не только источником конфликтов, но и источником сотрудничества. Так, ресурсный дефицит заставляет правительства многих стран разрабатывать и заключать соответствующие двусторонние и региональные соглашения, стремясь обеспечить своим гражданам доступ к требуемым ресурсам. Согласно Дж. Фрерксу, Т. Дитцу и П. Заагу, «появление конфликтов связано не столько с их дефицитом или изобилием, сколько с управлением ими или в более широком плане с природой режимов управления ресурсами. ... Когда управление ведется должным образом, ресурсные проблемы могут помочь развитию культуры экологического сотрудничества...

Надлежащее управление ресурсами не только может не только разрешить, но и предотвратить ресурсные конфликты, стимулируя мирные взаимные отношения».

К внутренним детерминантам внешней политики относятся и экономические факторы. По мнению марксистских теоретиков, капиталистические страны ведут более агрессивную внешнюю политику, чем страны социалистические. Инвесторы, работающие за рубежом, или военно-промышленный комплекс могут быть заинтересованы в агрессивной внешней политике, приносящей им прибыли. Дж. Гобсон отмечал, что неравное распределение доходов и богатства в капиталистических странах, не позволяющее поднять уровень потребления бедных слоев, вынуждает капиталистов инвестировать за рубеж и тем самым конкурировать с другими за контроль над иностранными рынками. Капиталисты могут искренне желать мира, однако в условиях кризиса возрастает политическое давление, отстаивающее необходимость активизации экономической экспансии, способной привести к войне. Желанию мира противостоит понимание, что национальная экономика должна расширяться, приобретая доступ к иностранным рынкам и ресурсам. Войну никто не желает, однако во время кризиса у политиков остается так мало альтернатив, что они вынуждены предпринимать действия, которые они в ином случае предпочли бы избежать. Говоря иначе, развивающиеся страны, располагающие меньшими экономическими возможностями, зависят от развитых стран, которые служат для них как источником инвестиций и технологий, так и рынком сбыта ресурсов и сырья. Как следствие, экономически развитые страны влияют на развивающиеся страны, что, безусловно, сказывается на направлении и характере их внешней политики.

Особое место среди экономических факторов занимают технологии, уровень развития которых в современном мире

прямо пропорционален уровню развития экономики в целом. Как известно, технология – это средство достижения целей, предполагающее использование знаний, навыков и умений. Технологии позволяют государствам преодолевать препятствия и ограничения, налагаемые дефицитом природных ресурсов. Во многом технологии задают границы допустимых действий для отдельно взятого государства. От технологий зависят масштабы власти, которой располагает государство, а также степень его заинтересованности в ее полном использовании. Технологии, хоть и не прямым образом, влияют на внешнюю политику. Технологически развитые государства способны доминировать над менее развитыми в этом плане государствами. Появление спутникового телевидения и интернета кардинально трансформировали отношения между гражданами, СМИ и правительством. Из-за бурного развития технологий правительства, определяя внешнеполитический курс, уже не имеют былых возможностей манипулировать информацией в своих интересах.

Политические факторы включают в себя тип политического режима, форму правления и партийную структуру. Следуя положением теории демократического мира, государства с демократическими режимами менее склонны вести войну, чем государства с авторитарными режимами. Первые исследователи, обратившие внимание на этот феномен, объясняли его просто свойствами, характерными для демократий. Спустя некоторое время в научной среде выделились две группы объяснений – институциональные (структурные) и нормативные (культурные).

Согласно институциональному объяснению «миролюбивость» демократий проистекает от наличия институтов представительного правления, делающих лидеров и политиков ответственными перед электоратом. Поскольку издержки и риски войны ложатся тяжелым бременем на все население,

граждане не будут поддерживать подобную альтернативу. Предполагается, что средний избиратель вряд ли отдаст свой голос лидеру, который начал проигрешную или ненужную войну. Следовательно, лидерам в демократических системах приходится действовать в более жестких институциональных рамках, учитывая подобные настроения электората в процессе принятия решений относительно начала войны. Это не означает, что все граждане и избранные лидеры будут рассуждать подобным образом, однако демократические структуры дают в руки граждан рычаг воздействия на правительство, делая менее вероятным начало войны отдельно взятым демократическим лидером. Таким образом, даже если к власти придет лидер, не разделяющий либеральные принципы, то институты, такие как свобода слова, политический плюрализм и конкурентные выборы, будут затруднять убеждение людей в необходимости войны.

Исходя из нормативного объяснения, «миролюбивость» демократий связана не столько с отдельными институтами, сколько с общими демократическими и либеральными ценностями, защищаемыми демократическими государствами. Демократическая политическая культура поощряет использование мирных средств урегулированию конфликтов. По сути, демократии просто переносят процедуры, свойственные для их внутренних политических процессов, на международные отношения со всеми вытекающими отсюда последствиями. Демократии, представляющие и действующие в интересах своих граждан, будут вести себя на международной арене более уважительно и осмотрительно, чем недемократии, использующие насилие и репрессии против своих граждан.

На внешнюю политику оказывает влияние форма правления, существующая в том или ином государстве. При президентской системе власть в области внешней политики будет сконцентрирована в руках президента, тогда как легислату-

ры будут выполнять роль «зрителя, дающего ненужные советы». При всем этом власть президента в области внешней политики будет непропорционально сильнее, чем в области внутренней политики. В своей известной статье А. Вилдавски отмечал, что в государстве с президентской системой, подобном США, существует как бы два президента – один в области внутренней политики, а другой, более влиятельный, в области внешней. При парламентской системе власть в области внешней политики будет сконцентрирована, наоборот, в легислатуре, что будет сказываться на ее характере, придавая ей иные параметры. Как считает Л. Мартин, в анархичной международной среде институционализация участия легислатур в международных отношениях укрепляет убедительность обязательств, взятых государствами, тем самым углубляя и стабилизируя международное сотрудничество. Любые попытки исполнительных властей снизить влияние легислатур на международные отношения ведет к утрате доверия со стороны противоположной стороны по международным переговорам. Игнорируя предпочтения легислатур в процессе международных переговоров, исполнительные власти лишаются возможностей давать надежные гарантии исполнения взятых на себя политических обязательств.

Хотя давно считается, что партии играют во внешней политике значительно меньшую роль, чем исполнительная власть и бюрократия, они могут быть названы одним из факторов, влияющих на политику этого рода. Масштабы подобного влияния будут зависеть от числа партий в системе. В беспартийных системах партийное влияние будет полностью отсутствовать, в многопартийных – будет умеренным, а в однопартийных – будет самым сильным, поскольку правящая партия будет неотъемлемым элементом иерархии принятия политических решений. Влияя на внешнюю политику, партии пытаются по мере возможностей согласовать

ее со своими партийными программами и стратегиями. При этом влияние может быть как компромиссным, как во многих европейских странах, так и конфликтным, как, например, в Пакистане, где многие партии не согласны с союзом с США в деле борьбы с терроризмом.

Наконец, на внешнюю политику оказывают влияние социально-культурные факторы. Внешняя политика зависит от национального самосознания, сплоченности общества, структуры и ценностей социальной системы. Внешняя политика представляет собой наследие его истории. Каждое государство обладает своей собственной индивидуальностью, являющейся следствием определенной исторической конфигурации. Подход отдельного государства к внешним проблемам детерминируется его ценностями и верованиями, которые сложились у его населения в течение исторического развития. Хотя политические лидеры могут модифицировать эти ценности и верования, однако никто из них не в силах изменить их полностью. Представления Индии о Китае и наоборот являются продуктом их исторических традиций. Этим странам приходится преодолевать общее историческое недоверие, чтобы заложить фундамент для взаимовыгодных торговых отношений.

Именно социально-культурные факторы определяют, насколько общество интересуется и поддерживает внешнюю политику, проводимую правительством. Хотя лидеры принимают решения независимо от представляемого ими населения, они всегда заинтересованы в том, чтобы заручиться общественной поддержкой. О степени общественной поддержки позволяет судить общественное мнение, которое становится одним из факторов, влияющих на внешнюю политику. Общественное мнение может как способствовать, так и препятствовать реализации того или иного внешнеполитического курса. Например, Дж. Кеннеди проявлял желание

улучшить отношения с Китаем, однако ничего не изменилось, поскольку американское общественное мнение было решительно против таких шагов. При этом следует заметить, что правительство может игнорировать общественное мнение, придерживаясь непопулярной внешней политики. Во время войны в Ираке 2003 года опросы общественного мнения показывали, что британские граждане были против нее, однако правительство продолжало принимать в ней активное участие. Общественное мнение меняется со временем, поскольку оно сильно зависит от обстоятельств, проблем и состава правительства. Американское общество в целом поддерживало борьбу собственного правительства с распространением в мире коммунизма, однако к концу войны во Вьетнаме, где американские войска сражались за демократию, оно уже испытывало острую антипатию к любым военным действиям в этой стране.

Таким образом, исследование внешней политики того или иного государства не отделимо от исследования факторов, ее детерминирующих. Внешняя политика находится под влиянием целого спектра факторов, имеющих как экстернальный (структура международной системы, международные организации, политическое давление и реакция других государств, экономическая ситуация в различных международных регионах), так и интернальный характер (географические, экономические, политические и социально-культурные факторы) (таблица 1).

Таблица 1. Факторы внешней политики современных государств

Факторы внешней политики	
Экстернальные факторы	Интернальные факторы
Структура международной системы	Географическое положение
Международные организации	Экономическое развитие
Поведенческие паттерны государств	Политическая система
Внешняя экономическая ситуация	Социально-культурный ландшафт

От государства к государству сила влияния того и иного фактора меняется, что зависит от многих параметров конкретного государства. Для ряда государств одним из важнейших факторов выступает такой внутренний социально-культурный фактор, как религия.

В данной части рассмотрим влияние исламских организаций в частности на политику США и ряда европейских государств. Так, Ислам является самой быстро растущей религией в США. К концу XX века число людей, исповедующих эту религию, приблизилось к 5 млн. Этот рост обеспечивается в основном переходом в ислам из других религий, главным образом, из христианства. В своём большинстве американские мусульмане не отличаются повышенной политической пассионарностью и не поддерживают исламский радикализм в Иране, Афганистане, Ираке и т.д. Хотя есть и исключения в некоторых афроамериканских общинах «НИ», особенно среди неопитов.

«Нация Ислама» была создана в 1930 году в Детройте неким У.Д. Фардом, который принял имя Фарад Мухаммад и провозгласил себя богом, а одного южного крестьянина по имени Илайжа Пул объявил своим святым пророком, дав ему своё имя. Фард умер в 1933 году, передав свою паству Илайже, который усилил её, сделав частью мирового ислама. Хотя большинство мусульман Америки не поддерживали политику «НИ», это движение пополняло свои ряды особенно в годы Великой депрессии и после Второй мировой войны. В 1950–60-е годы, когда «Нацию Ислама» возглавлял Малькольм Х, помимо религии, она стала проповедовать «чёрный национализм», то есть насаждать в своих рядах идею исключительности чёрной расы.

В 1970-е годы в «Нации Ислама» во время лидерства в ней Имама Варифа Дина Мухаммада (сына Илайжи Мухаммада) произошли теологические изменения: организация приняла

суннитский вариант ислама и стала самым большим его подразделением в Америке. Имам Мухаммад стремился адаптировать своих сторонников к американскому образу жизни и пользоваться плодами Американской мечты: повышать своё благосостояние и социальный статус. Для реализации этих задач мусульманам в рамках их общин рекомендовалось развивать в себе типично американские черты характера такие, как национальная гордость, уверенность в себе, самодостаточность, гражданская активность и др.. Не всем мусульманам «НИ» нравилась политика Имама Мухаммада. В 1977 году Луис Фарракхан создаёт политически воинственное крыло «Нации Ислама», исповедующее радикальные взгляды. Эта группа отличалась от остальных членов организации тем, что не верила в Американскую мечту и исповедовала не «американизированный», а ортодоксальный ислам. Помимо этого программа Фарракхана не отличалась последовательностью, она была связана с традицией афроамериканского религиозного национализма и одновременно стремилась к мировой исламской ортодоксии и сотрудничеству с исламистами других стран. Проповедуя антисемитизм, общинное сознание, борьбу с коррупцией, афроамериканский сепаратизм, Фарракхан стремился использовать социальные и экономические проблемы афроамериканцев в своих политических целях. Количество радикалов Фарракхана колеблется от 10000 до 30000, но сочувствующих им не менее полумиллиона. Главная идея организации – развитие религиозно-расовой солидарности и на её основе достижение своих групповых целей. Фарракхан выступил против политики навязывания мусульманам американского образа жизни. Идеологи радикальной «НИ» представляют основные символы «гражданской религии» в своей интерпретации, вскрывающей «дьявольскую природу американского общества». Как и христианские евангелисты, сектанты

Фарракхана верят, что Америка – это погибающая цивилизация, занимающаяся самоуничтожением. Наркотики, преступность, безработица, нищета и порнография есть верные признаки «последних дней». А пока Армагеддон не наступил, радикалы «НИ» требуют создания отдельного «чёрного государства» на какой-нибудь богатой природными ресурсами земле и рассматривают это как компенсацию за долгие годы существовавшего в стране «бесплатного рабства». А для этого необходимо создание отдельной исключительно афроамериканской инфраструктуры.

До 1970-х годов под руководством Илайжи Мухаммада организация процветала экономически, реализуя сотни бизнес-проектов, и, по мнению некоторых аналитиков, превращалась в «потенциально значимую организованную экономическую силу в чёрном сообществе страны». В конце 1970-х бюджет «НИ» составлял \$60–80 млн. Имам Мухаммад, придя к власти, разрушил эту финансовую империю ради присоединения к исламскому мейнстриму. Следствием этого стало стремление Л. Фарракхана восстановить финансовую базу организации главным образом посредством программы «Люди, организованные и работающие для экономического возрождения». В результате, начиная с середины 1980-х, радикалы «НИ» создавали множество различных предприятий мелкого бизнеса, включая агрофирмы, издательства, отели, агентства и пр.

Радикалы Л. Фарракхана были ярыми критиками внешней политики администрации Буша, особенно, связанной с иракским конфликтом. В октябре 2002 года, за шесть месяцев до вторжения, Л. Фарракхан заявил, что «угрозой миру» является не Ирак, а президент Дж. Буш. Подлинными причинами войны лидер исламских радикалов считает иракскую нефть и давление Израиля, которое он назвал «хвостом, виляющим собакой», а заявления госдепа об иракском оружии

массового уничтожения ложными и лицемерными. В мае 2004 года Фарракхан заявил, подтверждая свои слова библейскими пророчествами, что, если Америка не изменит своей политики на Ближнем Востоке, её ждёт неминуемый крах. В своих письмах президенту Дж. Бушу он также обвинял правительство в том, что оно отдало власть небольшой группе неоконсерваторов, считающих главной задачей обеспечение безопасности Израиля в исламском окружении, и назвал конкретных политиков, заинтересованных в свержении С. Хусейна. Это люди, связанные с военно-промышленной политикой США: Р. Пёрл и П. Вулфовиц, а также писатели Б. Кристола и У. Беннет. И, если бы, по мнению Л. Фарракхана, президент Дж. Буш не был так одержим «неоконсервативной» ненавистью к Ираку и прислушивался бы к предостережениям настоящих друзей страны, возможно, удалось бы избежать трагедии 11 сентября. Л. Фарракхан заявил, что для арабского мира Ирак – это то же самое, что Германия для Европы, так как это самая развитая страна региона, и призвал мусульман Африки, Ближнего Востока и Азии воспринимать войну в Ираке как войну с исламом, таким образом, подвергнув угрозе всех американцев, находящихся за пределами своей страны. Следовательно, в непростой для Америки период, радикалы из «НИ», обвинявшие правительство в антиисламской политике, были в свое время серьёзной головной болью для администрации Дж. Буша.

С начала XXI века в Европе отношения между коренным населением и мусульманской общиной вошли, по терминологии Дж. Розенау, в состояние «фронтيرا». В работе этого знаменитого американского политолога «Вдоль фронта между внутренним и внешним в нашем турбулентном мире» слово «фронтир» используется в духе американских традиций и означает границу-пространство, обладающее качествами подвижности, неопределенности, проницаемости

и конфликтности. В Европе, по мнению ряда политологов, концепция «фронттира» соответствует отношениям между исламским меньшинством и коренным населением, помимо этого она метафорически ассоциируется также с понятием «фронттира» из «Манифеста судьбы» и работы Ф. Тёрнера «Фронттир в американской истории», где он рассматривает границу между освоенными и неосвоенными территориями колонизируемого континента (помимо всего прочего) как линию соприкосновения двух несовместимых культур и даже как рубеж между варварством и цивилизацией.

Подобное напряжение между христианской и исламской общинами в Европе сложилось после американо-британского вторжения в Афганистан (2001) и Ирак (2003), что заметно обострило межконфессиональные отношения в этих странах и сказалось на выборах, на которых Дж. Буш и Т. Блэр практически не получили поддержки со стороны исламской общины, поскольку мусульмане восприняли вторжение как откровенную антиисламскую акцию. Положение усугубилось после провокационной публикации в 2005 году карикатур на пророка Магомета в датской газете «Ютланд пост». Реакцией стали массовые акции протеста во многих странах. Дания стала фокусом ненависти всех мусульман, а её посольства на Ближнем Востоке, Иране, Афганистане подверглись угрозам и нападениям. Реакция была такой громкой, что в феврале 2006 года премьер-министр Дании Андерс Фогх Расмуссен назвал этот кризис самым сильным после Второй мировой войны. Акция датской газеты представлялась и как преднамеренная, хорошо спланированная антиисламская вылазка, и даже как агрессия западного мира против ислама. Европейская же общественность восприняла это как демонстрацию тотального отсутствия толерантности в эпоху исламского терроризма. Попытки умеренной исламской прессы погасить конфликт воспринимались общественным

мнением крайне негативно. Так, например, иорданская газета «Аль-Шихан», призвавшая не накалять страсти вокруг инцидента, исчезла с прилавков, а её редактор уволен. Наконец, от лица Организации исламской конференции, Объединённых наций и Европейского Союза было сделано совместное заявление о крайней обеспокоенности ситуацией, вызванной как публикацией оскорбительных карикатур, так и бурными насильственными акциями протеста в исламском мире. Ситуация с карикатурами в датской газете продемонстрировала, насколько серьёзно стоит проблема межконфессионального мира на европейском континенте и каких осторожных продуманных решений она требует с обеих сторон. Есть предложение использовать опыт вхождения в коммунистический Китай чуждого ему идеологически Гонконга на основе свободного выбора гражданами идентичности в плане совмещения привычных и новых культурных ценностей. Таким образом, «этничность» и культура образуют формы самоидентификации, которые могут наполняться различным содержанием в зависимости от свободного выбора человека ценностным содержанием.

Проблема идентичности мусульман в Европе неоднозначна и противоречива, уже потому, что различными поколениями она воспринимается по-разному. Поколение детей и внуков первых переселенцев не так привязаны к своим корням, как их родители, помнящие свою жизнь на исторической родине. Об этом говорит сегодня и факт оживлённой полемики вокруг понятия «европейская идентичность» в контексте ислама. Хотя всего пару десятилетий назад для большинства европейцев ислам представлял собой *terra incognita*, олицетворённую несколькими мечетями в крупных городах и экзотической внешностью их немногочисленных посетителей. В настоящее же время исламский колорит стал неотъемлемой частью европейского культурного пейзажа. Первая волна иммиграции

с Востока в 1970-годы имела чисто экономические причины и была вызвана рецессией 1972–74 годов, отсюда появилось и новое слово «*gastarbeiter*» (приезжий рабочий). Название это подчёркивало экономическую функцию этой категории людей. На расу, национальность и язык тоже обращали внимание, но к религиозно-культурному статусу «гостей» толерантная Европа была равнодушна, что, безусловно, способствовало обособлению общины, и создавало определённые психологические комплексы внутри неё. Результатом стало то, что мигранто-рабочий статус этой группы людей стал обретать все черты социальной общности, укореняющейся в новой культурно чуждой среде. К концу 1980-х годов в Британии, Франции и Германии было около 5 миллионов мусульман. Особенно политизированным было «второе поколение», которое, считая Европу своей родиной, усвоило некоторые политические навыки её коренного населения, отсюда и многочисленные выступления в защиту своих социальных, политических и экономических прав.

Зачастую исламизм как маргинальный тип религиозности бездумно смешивают с исламом, хотя, по сути, между ними нет ничего общего. Абсолютно ясно то, что мусульмане Европы – это не религиозные фанатики Саудовской Аравии или Ирана. Подавляющее большинство из них не живут по фундаменталистским заповедям типа «не продавай и не употребляй алкоголь, не голосуй за светские партии, не дружи с христианами, выбирай мужа или жену только из мусульман и т.д. Игнорируя подобные требования, многие, тем не менее, считают себя порядочными мусульманами. Ряд политологов (Д. Эспозито, Н. Ауби, Д. Пискатори) считают, что проблема религиозно-культурной несовместимости надумана и всегда есть место для компромиссов, даже на уровне ценностей (Д. Пискатори). Г. Ноннеман полагает, что конфликт носит не столько религиозный, сколько культурный характер,

и протест вызван сознанием «культурной дискриминацией меньшинства» и поиском неких «точек сплочения». В утверждении Ноннемана есть доля истины. То, что он называет «дискриминацией», по существу есть неприятие мусульманами европейской «толерантности к греху», что вызывает серьёзную обеспокоенность нравственным здоровьем молодого поколения. Фактом является и то, что для многих адептов ислама западная цивилизация с её крахом традиционной семьи, гедонистическим индивидуализмом, подростковой преступностью и проституцией является бессмысленной и губительной для самой природы человека. Многие видят в исламе приемлемую альтернативу гибнущему западному миру, а в «исламизации» – путь к «неофундаментализму», который, начав свой путь из Европы, посредством интернета приведёт к созданию «транснациональной исламской общины». Для неофундаменталистов святы законы шариата в их ритуальной и юридической ипостаси. В этом смысле их призыв вызвал неоднозначную реакцию. Франкоязычный швейцарский учёный Тарик Рамадан, не приемля европейские «ценности», предложил «либерализировать» шариат, но не отказываться от него как принципиальной основы исламского образа жизни. Призыв Рамадана, несмотря на внешний «объединительный» антураж и антизападный пафос, по сути, является раскольническим и сеет рознь в исламской среде. Рамадан, которого журнал «Тайм» в 2000 году включил в сотню самых перспективных новаторов XXI века, в книге «Западные мусульмане и будущее ислама» (2003) утверждает, что ислам вполне может прижиться на Западе, поскольку особого антагонизма между ценностными системами шариата и европейскими идеалами он не видит. Он отмечает те сферы, где принципы ислама вполне могут вписаться в западную парадигму: образование, межконфессиональный диалог, духовность, экономическая надёжность. А если учесть то, что

количество мусульман в Европе постоянно растёт, то вопрос, каким должен быть евроислам, чрезвычайно актуален сегодня для всех, проживающих на континенте. Несмотря на спорность многих аргументов и утопичность идеалов Рамадана, заслуга его состоит в том, что на фоне раздутой средствами массовой информации исламофобии, он старается найти посредством «тихой революции» путь к гармонии между исламской и западноевропейской культурной традициями. По всей видимости, идеальной, по Рамадану, была бы французская, английская, немецкая, скандинавская или какая другая вера, основанная на ценностях ислама, украшенная европейской культурой и выросшая на западной почве.

Проблема ислама в Европе нагляднее всего проявилась в Британии и во Франции. Британия стала родиной для 1,6 миллиона мусульман – выходцев из стран Азии и Африки, а позднее – и из Восточной Европы (Боснии и Герцеговины). До 1960 года ислам был почти незаметен в Англии. Положение коренным образом изменилось в 1970-годы в результате трудовой миграции. В 1980-е начинается политизация «второго поколения», что вызывает недовольство коренных жителей, обеспокоенных не только разрушительными акциями неповиновения, но и наступлением воинствующего исламского фундаментализма, в котором англичане увидели серьёзную угрозу миру и стабильности в своей стране. Тревога была не беспочвенной: радикалы всех мастей образовали в Британии широкую сеть различных экстремистских организаций типа «Молодые мусульмане», «Аль Мунтада аль Ислами», «Исламский дом благополучия», «Аль-Мухаджирон» и «Хизб ут-Тахрир», которая переводится с арабского как «Партия освобождения» и считается самой многочисленной и радикальной сектой с ячейками по всему миру. Организация эта была основана в 1953 году в Иерусалиме юристом Таквиддином ан-Набхани. Её активисты призывают к полно-

му разрыву с западным обществом, к борьбе с либерализмом и к войне с Израилем. Приток британских мусульман в Хизб ут-Тахрир объясняется, как правило, дискриминацией меньшинств, активизацией правых группировок, наступлением на демократию в борьбе за безопасность и крутые меры по отношению к беженцам. Британские мусульмане обеспокоены двумя обстоятельствами. Первое связано со стремлением сохранить (отстоять) для своих детей право на традиционное культурно-религиозное воспитание и образование. Второй фактор связан с проблемами терроризма и международной безопасности, ставшими особенно актуальными после англо-американского вторжения в Афганистан и Ирак вторжения, ещё более обострившим ситуацию в этих регионах. Наиболее остро проблема межкультурного взаимодействия стоит в образовании. С целью сохранения своих традиций и веры британские мусульмане требуют отдельного (сегрегационного) обучения. По мнению родителей, школьная программа для их детей должна включать молитвы, изучение Корана, соблюдение исламских праздников, включая Аид аль Фитр и Аид аль Адху (в России «Курбан байрам»); они также требуют исключения любых уроков по «половому воспитанию», употребление только халяльной пищи и ношение «скромной» одежды для девочек. Безусловно, ни одна из государственных школ Британии не приняла таких условий. В результате огромное количество мусульманских детей покинули систему государственного образования и пошли в специально образованные мусульманские школы, количество которых резко возросло: с 24 в середине 1990-х до 100 в 2002 году, в которых обучаются более 10000 детей. Цифра, учитывая общее количество мусульман в Англии, небольшая.

Но опрос, проведённый в 2004 году среди 500 мусульман об их предпочтениях в плане образования, более половины выбрали бы для своих детей мусульманские школы. Результаты

опроса свидетельствуют о не реализованном желании огромного количества мусульман перевести своих детей из светских учебных заведений в религиозные. Примечательно и то, что желание это выразили в основном молодые исламские семьи. Помимо этого, опрос продемонстрировал ещё одну очень важную вещь – нежелание мусульман интегрироваться в западное общество, обусловленное и тем, что большинство из них воспринимали вторжение в Афганистан и Ирак как «войну против Ислама», а «борцов с терроризмом» – Буша и Блэра – считают просто врагами своей веры. Помимо этого, 64% опрошенных были уверены, что «антитеррористические» законы Британии направлены исключительно против британской исламской общины. По всей видимости, и террористическая атака в Лондоне 7 июля 2005 года, в которой погибло 50 человек, в немалой степени была спровоцирована внешней политикой Британии и США в странах исламского мира. Безусловно, при таком раскладе настроений в британском обществе идеи Тарика Рамадана о «тихой революции» и мирном вживании ислама в либеральное европейское общество кажутся абсолютно несбыточными.

Во Франции мусульман в три раза больше, чем в Англии – 5 млн человек, что составляет 7–8% от всего населения, и около половины из них имеют французское подданство. Цифры эти приблизительны, поскольку Франция декларируется светским государством и чиновникам запрещено задавать гражданам вопросы об их национальности и религиозности. Но уже давно не секрет, что в (пока ещё) католической Франции мусульман в настоящее время больше протестантов и иудеев, исторически представлявших крупнейшие религиозные общины страны. То есть сегодня ислам во Франции представляет собой вторую по численности религию после католичества. Если в Британию поток трудовых мигрантов с Востока начался в 1970-е годы, то во Франции этот про-

цесс начался десятилетием раньше и имел не экономический, а политический характер, поскольку первая волна переселенцев состояла из сотни тысяч алжирцев, воевавших на стороне Франции в войне за независимость 1954–1962 годов. Приток иностранцев увеличивался и за счёт гастарбайтеров из бывших колоний, так как страна в тот период переживала экономический бум. Но в 1970-е годы правительство Франции стало проводить политику «нулевой миграции», однако исламское население продолжало расти за счёт высокой рождаемости, нелегальной иммиграции и «воссоединения семей». Французская политика в этой сфере чётко определена: легитимизация и интегрирование мусульман во французское общество. Это не совсем то, что мы видим в Британии, где правительство держит курс на «мультикультурализм», поощряя развитие отдельных культур в общебританском контексте. Интегрирование мусульман во французское общество» началось с борьбы с внешними атрибутами ислама на французских улицах, например, с хиджабами. Первой реакцией на такую политику был протест исламской общины в городе Крейле (1989) и требование разрешить девочкам носить хиджабы в школах. В прессе это было представлено попыткой национально-религиозных кругов внести в сферу образования элементы «коммунализма». Аргументы властей были просты и логичны: Франция – родина Просвещения, здравый смысл – основа национальной идеи, а религиозность вторична. Большинство французов – люди светского воспитания, и различные признаки религиозности во внешнем виде, такие как хиджабы, вызывают у них раздражение, поскольку это подрывает базовые ценности секуляризма.

Как и в Англии, массовый поток мигрантов во Францию пришёлся на 1980–1990-е годы. Главным образом, это были выходцы из Марокко и Алжира. Некоторые исламские активисты, используя как повод тему с хиджабами, выступили

против секуляризма в целом, считая, что власти могут пойти на так называемую «позитивную дискриминацию» или определённые уступки шариату. Интересно то, что исламские оппоненты секуляризма нашли сторонников в лице французской католической церкви и иудейского раввина, которые тоже были не против усиления своих позиций в обществе на фоне эскалации атеистических тенденций. Несмотря на этот религиозный всплеск, протесты и угрозы, Французская национальная ассамблея в феврале 2004 года подавляющим большинством проголосовала за запрещение хиджабов и других внешних признаков религиозности в государственных школах. 78% французов одобрили это решение (в Германии 54%, Нидерландах – 51%).

Эта внутренняя проблема, также как и в Британии, имела своё международное измерение, связанное с антитеррористическими операциями в Афганистане и Ираке. Если англичане были инициаторами этих акций, то Франция выступала против вторжения. Это продемонстрировало солидарность всех слоёв французского общества, включая и исламскую общину, что значительно повысило популярность президента Ширака, но не предотвратило октябрьские бунты молодёжи в Париже и других городах страны.

Можно объяснить эти события двумя причинами. С одной стороны, это реакция на глобализацию, разрушающую самобытность национально-религиозных анклавов и насаждающую мультикультурализм, с другой, – различные внутренние факторы. Первое обстоятельство можно считать «столкновением цивилизаций», поскольку в конфликте сошлись ценности западной культуры и исламского фундаментализма. Парадоксом ситуации можно считать только то, что протестующие по виду больше походили на американских рэперов, чем на воинов ислама, и говорили они не на арабском, а на чистом французском языке.

То есть ситуация даже по внешним признакам была запутанной и противоречивой, но на тот момент министр внутренних дел Н. Саркози дал происходящему однозначное объяснение, подчеркнув, что причиной беспорядков было «неумение» мусульманской молодёжи жить согласно французским нормам и ценностям. Среди внутренних факторов называли безработицу, дороговизну и бедность как следствие европейской интеграции, и в этом смысле насилие было вызвано справедливым негодованием молодёжи, а не происками международной сети исламистов. Были попытки найти и «психологические» причины случившегося. Например, французский социолог Л. Шамбон утверждал, что бунты не были вызваны радикальным исламом, а являлись частью движения против «ненадёжности» повседневной жизни на окраинах французских городов, то есть бунты были продуктом отчуждения и экзистенциального страха. В целом, большинство комментаторов не усмотрели в этих событиях ни национального, ни ярко выраженного религиозного элемента, хотя большинство из участников этих беспорядков называли себя мусульманами. Безусловно, для многих главным фактором и детонатором ситуации стал «закон о религиозных знаках», в котором, например, один из участников бунта в Лилле М. Ильхаджуи увидел вызов толерантному духу французского секуляризма, гарантирующего религиозную свободу. Действия полиции не вызвали интифады, а в мечетях призывали к спокойствию. Важно и то, что бунтари не выступали против французских идеалов, скорее негодование было вызвано несбыточностью или нереализованностью этих идеалов. По всей видимости, причиной беспорядков были не происки исламистов, не желание общины отделиться от светского французского общества, не расовые проблемы, а сознание дискриминации, которой подвергнуты тысячи проживающих в пригородах потомков первых иммигрантов. Это было выступление за равные права

меньшинств в духе «свободы и равенства», некогда провозглашённых Французской революцией. Одним словом, это были бунты против маргинализации религиозно-культурных меньшинств. В то время эксперты опасались, что силовые же методы, к которым прибегал Н. Саркази, «могут в будущем придать беспорядкам воинственный дух джихада и перевести социально-культурный конфликт в религиозный, не знающий пощады. Тогда на знамени протеста будет не французская Марианна – символ свободы и разума – а зловещая фигура Мусава аз-Заркави, лидера террористической организации «Единобожие и джихад».

Насколько серьёзна эта проблема не только для Франции, но и других стран Европы говорит следующая таблица результатов опроса 17000 человек в 17 странах, включая 7 европейских. Международный опрос, проведённый исследовательской организацией «The Pew Research Center» в рамках глобального проекта «Pew Global Attitudes Project» указывает и на то, что для многих европейцев страх перед исламским экстремизмом связан с исламскими общинами в их странах. Помимо этого, большинство опрошенных считают, что мусульмане стремятся к религиозно-культурному обособлению, не следовать европейским устоям, традициям и образу жизни.

Таблица 2. Озабоченность европейцев исламским экстремизмом

Страна	В вашей стране (%)		В мире (%)	
	очень	не совсем	очень	не совсем
Испания	43	34	45	37
Германия	35	43	48	39
Британия	34	36	43	37
Нидерланды	32	44	46	44
Франция	32	41	46	43
Польша	7	30	23	39

На основании выше изложенного материала можно сделать следующие выводы. Религиозный фактор в американской и европейской внутренней и внешней политике большое значение. Начиная с 1970-х годов, процесс ассимиляции мусульманского меньшинства в европейское и американское общество стал сложной политической и социальной проблемой, как во внутреннем, так и в международном плане. Во многих странах Европы, главным образом, в Великобритании и Франции, исламский экстремизм имеет маргинальный характер, поскольку его носителями являются небольшие группы радикалов, не пользующихся большим влиянием среди основной массы мусульман. Существует разделение ислама на «хороший» и «плохой». В этой связи обозначилась тенденция на развитие так называемого «неофундаментализма» или «просвещённого ислама», цель которого состоит в интегрировании мусульман в культурно-исторический контекст Европы. Автором этой концепции является швейцарский богослов Тарик Рамадан, считающий, что ислам должен быть не «приватизированным» теми или иными группировками, а публичным, всенародным и помогающим людям в их повседневной жизни.

ЧАСТЬ 3.

Религиозный фактор внешней политики в контексте современных политических теорий

Согласно широко распространенному мнению, международные отношения представляют собой сферу социальной жизнедеятельности, охватывающую взаимодействие государств, межгосударственных и транснациональных неправительственных организаций. Эта сфера испытывает на себе влияние различных факторов, в том числе и религии. В отличие от «международных отношений», термин «религия» не имеет более или менее общепризнанного определения. Религией называется и вера в сверхъестественное, и фундаментальная сила, которая движет и мотивирует людей, и определенный тип человеческой практики. В рамках международно-политических исследований доминирует определение Дж. Хэймса, понимающего под религией систему взглядов, которая задает высшее предназначение, формирует специфическую общность, апеллирует к мифам и символам, выражается на практике через ритуалы и церемонии и требует от своих приверженцев определенного поведения.

Долгое время теория международных отношений не признавала религиозный фактор, отдавая приоритет секуляризационным положениям. В контексте политической науки секуляризация, в самом общем виде, есть процесс понижения значимости религии в политических отношениях, вызванный модернизацией. Секуляризация находит проявление в трех

моментах. Во-первых, она увеличивает различие между религиозной и светской сферами. Во-вторых, она переводит религиозную веру в разряд частных вопросов. В-третьих, она создает условия для появления либеральной демократии. С развитием теории международных отношений среди ученых, занимающихся данной проблематикой, сложился своеобразный консенсус, заключающийся в скептицизме относительно роли религии в их области исследования. По этому поводу Дж. Снайдер отмечал, что «главные канонические работы по теории международных отношений, которые продолжают задавать контуры большей части эмпирических исследований, практически не затрагивают религию». Это наблюдение поддерживает и Д. Филпот: «Доминирующие теории в данной области подразумевают, что государства, нации, международные организации, партии, классы, бизнес, группы интересов, неправительственные организации и лоббисты, занимающиеся политикой, преследуют цели, связанные с властью, завоеванием, свободой, богатством, перераспределением богатства, социальным обеспечением, правами человека, справедливостью, чистотой окружающей среды и пр., но не религиозные цели, не испытывая при этом на себе влияния религиозных акторов».

Популярность в теории международных отношений секуляризационные положения получили из-за того, что сами ее истоки, уходящие к 1648 г., неразрывно связаны с неприятием религии. Более века религиозные войны и сопутствующие им нарушения суверенитета служили главной причиной раздоров в европейской политике, однако после Вестфалии этот тип конфликтов исчез. Эпоха Просвещения сформировала мировоззрение многих основателей современной социальной науки. Е. Беллин обращала внимание, что «тенденция игнорировать религию происходит ... от теоретического влияния работ Вебера, Дюркгейма и Маркса. Все три теоретика считали

религию досовременным реликтом, которому предназначено исчезнуть с наступлением индустриализации, урбанизации, бюрократизации и рационализации». В политической науке, выделившейся в XX в. в самостоятельную дисциплину, скептицизм по отношению к религии достиг еще большего уровня. Предпочитаемые в области международных отношений аналитические инструменты и парадигмы вообще плохо сочетались с религией, размывавшей границу с компаративной политикой. Все эти проблемы усугублялись тем, что почти все те, кто задавал исследовательскую повестку дня равнодушно относились к религии.

Однако время показало, что модернизация вызвала политическое возрождение религии. Процесс экономической модернизации и социальные изменения отлучили людей от формировавшихся веками локальных идентичностей, ослабили государство как источник идентичности. В большей части мира религия закрыла этот разрыв, что проявилось, в частности, в росте фундаменталистских движений. Мир не стал менее религиозным, по крайней мере если судить по проценту верующих среди населения планеты. А. Могхадам, собрав огромный объем данных о распространении религий, обнаружил, что за некоторым исключением с 1900 по 2000 гг. численность верующих возрастала быстрее (мусульман в среднем на 2,11% в год, индуистов на 1,54%, христиан на 1,27%), чем общая численность населения планеты (в среднем на 1,22% в год). При этом темпы роста численности тех, кто относит себя к неверующим или атеистам, были меньше темпов роста численности всего населения. Одновременно с первой четверти XIX в. по начало XXI в. постоянно возрастало число межгосударственных и гражданских войн, в которых стороны представляли различные религии. Возрастало и число войн, где религиозные разногласия выступали главной или одной из главных причин.

Политическое возрождение религии вызвало дискуссии о ее роли в международных отношениях. С. Хантингтон выдвинул теорию о столкновении цивилизаций. По его мнению, мировую политику будет определять характер взаимоотношений между цивилизациями, понимаемыми им как культурные группы, главной отличительной особенностью которых является именно общая религия.

Однако не все ученые согласились с тезисом о возрождении религии в качестве фактора международных отношений. Одни из таких ученых считают, что религия является источником современных международных отношений, и поэтому всегда влияла на их характер, скрываясь за светской ширмой. Еще К. Шмитт указывал на всепроникающее влияние религии: «Все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризированные теологические понятия. Не только по своему историческому развитию, ибо они были перенесены из теологии на учение о государстве, причем, например, всемогущий Бог становился всевластным законодателем, но и в их систематической структуре, познание которой необходимо для социологического рассмотрения этих понятий». По мнению Д. Филпота, религиозные идеи находятся в основании современных международных отношений. Например, без Реформации, как он подчеркивает, не получила бы развития система суверенных государств, по крайней мере в той форме и в то время.

Другие ученые указывают на трудности, которые сопровождают любую попытку определить смысл термина «религия» в контексте международных отношений. По их мнению, религия остается сложным и комплексным термином, содержание которого зависит от места и времени. А поскольку не существует общепризнанного определения, то любые оценки ее влияния на мировую политику не могут быть адекватными. У. Кавана отрицает саму возможность выде-

ления религии в качестве отдельного социального фактора. По его словам, не существует никакого трансторического и транскультурного концепта религии, поэтому невозможно отделить религию от экономических и политических мотивов. Именно потому, что очень трудно отделить религию от других факторов, влияющих на мировую политику, ее роль в соответствующих процессах остается неясной и дискуссионной.

Как бы то ни было, религия выступает сильным мотивирующим фактором, определяющим поведение значительно числа лиц, принимающих важные внешнеполитические решения. Будучи элементом мировоззрения, религия оказывает влияние на восприятие ими событий окружающего мира и, как следствие, на их действия. В современном мире многие политики не придают значения религии, но не меньшее число искренне считают ее важнейшим элементом политической жизни. С. Гунер полагает, что государственные лидеры и лица, принимающие политические решения, придают смысл реальности, оценивая внешнюю политику через свою религиозную призму. По его мнению, религия влияет на то, в чем они найдут причину глобальных проблем, кого они выберут в союзники, а кого причислят к врагам, а также на характер национальных интересов.

Религия влияет на политиков как прямым, так и косвенным образом. Прежде всего, политики непосредственно интерпретируют происходящие события, опираясь на свои религиозные убеждения. Эти убеждения находят отражения в конкретных политических решениях и курсах, которые, в свою очередь, могут привести к самым различным международным инцидентам. Атаки 11 сентября 2001 г. породили широкие дебаты о связи ваххабизма с террором, в которых элита Саудовской Аравии часто обвинялась в появлении Аль-Каиды. Другой прекрасный пример дает арабо-израильский

конфликт, только в современной форме длящийся уже многие десятилетия. Обе стороны конфликта предъявляют включающие права на одну и ту же территорию, во многом опираясь на религию. Этот спор уже привел к ряду войн, в которых участвовали даже супердержавы. Даже если участникам и удастся достичь окончательного соглашения о мире, то с большой долей вероятности с каждой стороны появится серьезная религиозная оппозиция, которая будет препятствовать выполнению взятых обязательств. Многие считают, что сторонами этого конфликта руководят все же светские идеологии. Даже если это и так, то религиозные соображения не могут быть полностью исключены, учитывая, например, выводы Э. Смита, усматривающего истоки многих светских идеологий, в частности национализма, в религии.

Последний пример показывает и другой, косвенный, способ влияния религии на лиц, принимающих внешнеполитические решения. Религиозная вера населения серьезно ограничивает политические альтернативы, доступные для политиков, даже если эти самые политики и не относят себе к верующим. Даже при авторитарных режимах маловероятно, чтобы политики принимали решения, идущие вразрез с религиозными убеждениями населения, которое они представляют. И израильские и арабские лидеры придают серьезное значение тому, как воспримет их решения собственное население. В другом примере именно религиозные соображения затруднили союзнические отношения США с арабскими странами, когда они выступали против Ирака. Союз неисламского государства с исламскими государствами против другого исламского государства вызвал серьезное недовольство по всему арабскому миру. Не меньшее недовольство вызывало и то, что неисламская армия получила право дислокации на территории, считающейся у мусульман священной.

Влияя на политических лидеров, религия также служит эффективным источником легитимности, к которому обращаются многие элементы международной системы. Легитимность в целом есть свойство, показывающее, что существование и поведение некого актора обосновано с моральной точки зрения. Убедить кого-либо в собственной легитимности означает ничто иное как убедить его в правильности своего поведения, что позволяет заручиться поддержкой или по крайней мере исключить сопротивление. Таким образом, легитимность является важным активом для любых государств, лидеры которых могут воспользоваться им применительно к самым различным аудиториям: для влияния на лидеров других государств, на население других государств, лидеры которого занимают оппозиционную сторону, на собственное население. При этом легитимность наряду с балансом силы и распространением общих норм выступает одним из важнейших элементов стабильности международной системы. К настоящему времени сложились четкие представления, что считать легитимным, а что нет. Например, самооборона считается легитимным поведением, тогда как геноцид – нелегитимным действием. Однако сохраняется множество форм поведения, которые нельзя однозначно охарактеризовать с точки зрения легитимности. Именно такие формы поведения в первую очередь занимают внимание политиков, стремящихся оправдать свои цели и свои действия.

Тезис, что религия является потенциальным источником легитимности, далеко не нов и не вызывает серьезных возражений. Даже те, кто искренне считает, что религия утратила былое значение, признают ее роль в легитимизации широкого круга активности и институтов. Например, известное изречение К. Маркса, называвшего религию «опиумом народа», скрывает за собой двойной смысл. С одной стороны, это изречение критикует религию в том, что она

уводит людей от адекватного восприятия действительности. С другой же стороны, оно признает силу религии, которая эффективно обосновывает экономическую систему, противоречащую интересам большинства общества.

Фактически до эпохи Просвещения религия выступала единственной основой легитимности в Европе. Считалось, что правители получают свои права от бога. Как следствие, простые люди не имели права судить о том, кто и как ведет государственные дела. С эпохой Модерна религия утратила свою легитимизирующую силу для большинства европейских государств. С тех пор большинство государств легитимизируют свое существование тем фактом, что они представляют волю народа. В государствах, основанных на идеологии либерализма, а также во многих государствах, далеких от такой идеологии, легитимность обеспечивается через процедуры демократического представительства или просто видимость подобных процедур. При этом и многие другие идеологии Модерна связывают легитимность с волей народа. Различные формы коммунистической идеологии ориентированы на интересы рабочих, составляющих подавляющее большинство общества. Фашистские идеологии основаны на том, что только лидер знает истину, поэтому в интересах простого народа следовать за ним. Национализм, если его отличать от упомянутых выше идеологий, легитимизирует государство как олицетворение нации.

Религия продолжала оставаться одним из источников легитимности для многих элементов международной системы. Другим словами, хотя правительства все чаще находили себе оправдание в национализме, демократии, защите прав человека и в прочих аргументах, религиозный элемент продолжал выполнять базовые легитимизирующие функции. Главным образом это было характерно для стран Третьего мира, в которых по целому ряду причин западные светские идеологии всегда пользовались плохой репутацией. Во-первых, они

считались навязанными извне идеологиями, которые продвигают местные элиты, попавшие под чрезмерное влияние Запада. Им всегда противостояли индогенные религиозные традиции, которые воспринимались более адекватными. Во-вторых, западные идеологии не вызывали доверия потому, что местные правительства оказались не в состоянии обеспечить блага, которые они сулили, в частности свободу, экономическое благополучие, социальную справедливость. В-третьих, попытки местных правительств внедрить эти идеологии привели ко многим негативным последствиям, в частности к отчужденности тех, кто выпал из модернизационных процессов. В-четвертых, современные информационные технологии расширили сферу влияния религиозных институтов. В-пятых, из-за расширения политического участия к власти пришли те, кто отстаивал религиозную повестку дня. В-шестых, религиозная свобода повысила интерес к религии.

Официальная религия	Предпочтительная религия	Нейтральное отношение к религии	Враждебное отношение к религии
43 страны (22%)	40 (20%)	106 (53%)	10 (5%)

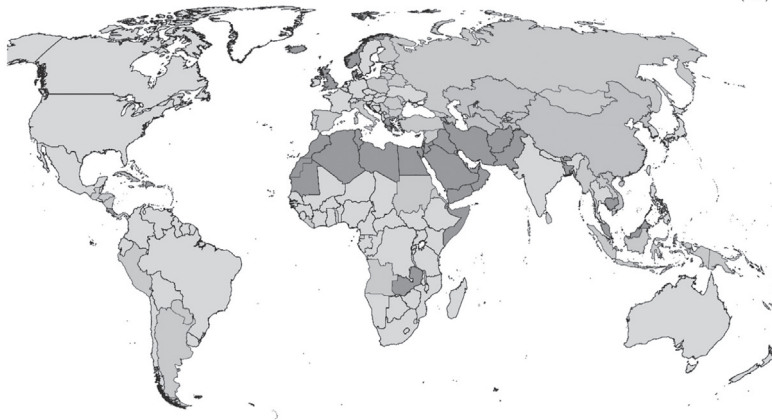

Рисунок 1. Религиозные государства современного мира

Источник: Pew Research Center (PRC). Many Countries Favor Specific Religions, Officially or Unofficially. Washington: PRC, 2017. P. 4.

Хотя, как обычно считается, международная система как таковая не обладает религиозными качествами, под влиянием религии в ней появляются специфические элементы – религиозные государства. Религиозные государства – это те государства, которые выбирают определенную религию в качестве своей национальной идеологии. Дж. Фокс, изучив религиозную политику 177 государств за период с 1990 по 2008 гг., показал, что официальная поддержка одной единственной религии является в современном мире довольно распространенной практикой. У 43 государств (23,1%) имелась официальная религия, еще 42 государства (24,8%), хоть и не заявляли об официальной религии, поддерживали одну религию значительно сильнее, чем другие. Более современные исследования указывают на примерно такое же соотношение [Рисунок 1]. Таким образом, почти половина государств современного мира рассматривает религию важным фактором, формирующим их политику.

От религиозных государств можно ожидать, что они будут более плотно сотрудничать с государствами, имеющими аналогичную официальную религию. Скорее всего, они будут крайне активны в экспорте своей религиозной идеологии. Например, Саудовская Аравия открыто ведет политику по распространению своей версии ислама, ваххабизма. По всему миру она финансирует существующие и строит новые мечети, культурные центры, школы и университеты, оказывая помощь в паломничестве в Мекку. Она распространяет религиозные учебники и другие работы, написанные мусульманской интеллигенцией. Прошедшие обучение в финансируемых ею школах и центрах студенты, возвращаясь в свои родные страны, открывают там новые школы и центры, составляющие единую международную сеть, протягивающуюся от Марокко до Индонезии. Королевство спонсирует несколько панисламских организаций, в частности Организацию исламского сотрудничества и Всемирную

ассамблею мусульманской молодежи. Таким образом, все это показывает, что для религиозных государств религия – это не просто один из факторов, влияющих на внешнеполитические цели, а собственно важнейшая внешнеполитическая цель, учитывая тот факт, что некоторые государства активно занимаются экспортом своей религиозной идеологии.

Современную международную систему составляют не только религиозные государства, но и религиозные межгосударственные, как уже упоминавшаяся Организация исламского сотрудничества, и религиозные неправительственные акторы, как, например, Всемирный совет церквей (ВСЦ). Последний, в частности, сыграл одну из важнейших ролей в свержении южноафриканского правительства, придерживающегося политики апартеида. В 1970 г. ВСЦ, представлявший сотни христианских конфессий и охватывающим миллионы человек по всему миру, учредил программу, призванную бороться с расизмом. Половину средств этой программы было решено направлять на борьбу с апартеидом в ЮАР. Хотя объемы этих средств не превышали сотен тысяч долларов в год, данная часть программы имела символическое значение, оказав не последнее влияние на уничтожение системы апартеида. Вместе с тем, открытая оппозиция организации, представлявшей интересы миллионов христиан, породила для южноафриканского правительства, считавшего себя руководящим органом христианской нации, серьезную проблему, связанную с его легитимностью. ВСЦ поддержал международные санкции против ЮАР, способствуя прекращению экономических отношений с ее национальными компаниями. Только с 1984 по 1989 гг. данный экономический бойкот обошелся ЮАР практически в 10 млрд долларов.

Поскольку религия редко ограничивается одним государством, она формирует отдельную и значимую область международных отношений, что хорошо иллюстрируют локальные

религиозные конфликты. В отличие от религиозных международных войн локальные конфликты, имеющие религиозный подтекст, являются довольно распространенным событием, оказывающим разноплановое влияние на мировую политику. Во-первых, с окончанием Холодной войны локальные религиозные конфликты выступают одной из основных причин международного вмешательства, осуществляемого как в форме посредничества и гуманитарной помощи, так и в форме прямой военной интервенции, призванной защитить притесняемое меньшинство. В подавляющем числе случаев одни государства вмешиваются в дела других государств, чтобы защитить единоверцев. Во-вторых, интенсивные религиозные конфликты приводят к тому, что граждане пытаются найти убежище в соседних странах. Наоборот, ряды комбатантов религиозного конфликта пополняются добровольцами из соседних стран, желающими помочь своим единоверцам. В-третьих, религиозный конфликт в одной стране провоцирует подобный конфликт в других странах, причем не только в соседних. Успех религиозной группы вдохновляет подобные группы в других странах. Так, считается, что революция в Иране оказала влияние на многие оппозиционные исламские группы по всему миру. Зачастую победившая группа начинает оказывать прямую помощь таким оппозиционным группам в других странах, как то было в случае Ирана и Афганистана. В-четвертых, конфликтующие стороны могут сознательно интернационализировать конфликт, пытаясь использовать различные международные форумы. Сегодня крепнет мнение, что некоторые преступления, например, военные преступления или преступления, затрагивающие права человека, выходят за национальные границы, и поэтому попадают под юрисдикцию различных судов, а также Международного уголовного суда. Многие европейские страны приняли законы, позволяющие их судам рассматривать подобные дела,

став тем самым своеобразным форумом для участников религиозных конфликтов. Так, палестинские организации часто используют эти форумы для обвинения израильских солдат и политиков, ответственных по их мнению в совершении преступлений, попадающих под т.н. универсальную юрисдикцию. В-пятых, локальные религиозные конфликты оказывают влияние на экономические отношения, которые, в свою очередь, отражаются на политической сфере. В условиях экономической взаимозависимости, локальные экономические потрясения, вызванные религиозными конфликтами, очень быстро распространяются по всему миру.

Религия может использоваться не только для легитимизации правительства, но и политики, которую оно ведет. Иногда ее используют для оправдания политики, нарушающей права человека, а именно политики, влекущей за собой дискриминацию и даже насилие против религиозных меньшинств. В этом случае притеснение религиозных меньшинств позиционируется как необходимая акция, призванная якобы нейтрализовать угрозу благополучию и ценностям религиозного большинства, исходящую от меньшинства. Апелляция к «необходимой обороне» оправдывает экстремизм по отношению к врагу, существование которого представляет серьезную опасность. Пример дискриминационной политики, оправдываемой религиозными соображениями, дает политика Ирана по отношению к местным бахаи. С момента исламской революции иранское правительство рассматривает бахаи изменниками и контрреволюционерами, хотя они не представляют никакой серьезной опасности для государства. Несмотря на это, правительство проводит политику, направленную на уничтожение общины бахаи. Их религия не признается таковой, что негативно отражается на статусе и положении ее приверженцев. Бахаи, желающие вступить в брак, должны перейти в ислам, в противном случае они рискуют подвергнуться уголовному преследованию за со-

жительство. Бахаи запрещено хоронить умерших по своим традициям. В 1983 г. иранское правительство причислило членство в институтах, связанных с бахаи, к уголовному преступлению, что вызвало волну конфискаций, грабежей, пожаров, арестов и казней. Все это показывает, что иранское правительство активно использует религиозный фактор для легитимизации своей кампании против бахаи, нарушая ряд конвенций ООН.

С не меньшим успехом религиозный фактор используется для легитимизации внешней политики. Религия выступает мощным инструментом убеждения, позволяя влиять на лидеров и население других государств. Из-за комплексности и многосторонности присущих ей традиций она используется как для оправдания воинственной, так и миролюбивой внешней политики. Религия в рамках международных отношений является обоюдоострым оружием, способным принести выгоды любому актору. Одно государство может успешно применять его против другого государства, но последнее с таким же успехом может применять его против первого. Несмотря на свою универсальность, религиозная легитимность имеет свои пределы. Религиозные аргументы способны убедить далеко не всех акторов. Поэтому для проведения той или иной политики требуется больше, чем просто религиозная легитимность. С помощью религиозной легитимности трудно, а порой и вовсе невозможно, поддержать политику, далеко выходящую за конвенциональные рамки. Политика может быть настолько непопулярной, что никакая религиозная легитимность не поможет ее реализации. Более того, использование ее в таких целях может нанести урон ее будущему потенциалу в деле легитимизации политических инициатив. Эффективность религиозной легитимности зависит от единообразия аудитории, для убеждения которой она используется. Чем более специфичным будет призыв, тем меньше акторов откликнутся на него. При этом для тех

государств, которые близки к этому призыву, он будет более убедительным. Если же призыв будет общим, то он затронет более широкую группу акторов, однако потеряет значительную часть своей убеждающей силы.

Отдельные элементы международной системы находят в религии оправдание международному терроризму, который они практикуют для достижения своих целей. Международный терроризм – это враждебная деятельность, альтернативная традиционной войне, одного государства против другого с использованием террористов в качестве подставных игроков. К подобному виду терроризма прибегают государства, желающие скрыть свое участие, опасаясь либо возмездия со стороны более сильного противника, либо негативной международной реакции.

Из вышесказанного следует, что в современном мире религия серьезно влияет на международные отношения, и поэтому может быть названа одним из факторов, определяющих их состояние и динамику. Влияние религиозного фактора на международные отношения заметно по крайней мере в трех направлениях: касательно элементов международной системы, областей международного взаимодействия и легитимизации. Во-первых, в международную систему среди прочего формируют религиозные элементы – религиозные государства, религиозные межгосударственные и негосударственные организации. Во-вторых, религия создает специфическую область взаимодействия между самими разнообразными акторами мировой политики, независимо от их характера. В-третьих, религия выступает эффективным средством легитимизации как существования отдельных акторов, так и проводимой ими политики. При всем этом влияние религии на международные отношения зависит от географической переменной, поскольку его степень существенно меняется от одного международного региона к другому.

ЧАСТЬ 4.

Регион Персидского залива на карте мировой политики

Термин «регион» имеет несколько значений, однако в любом случае скрывает за собой пространство, границы которого не соответствуют границам отдельно взятого суверенного государства. Более того такое пространство всегда занимает некое промежуточное положение, отличающее его от других видов географических пространств. С одной стороны, регионом называется пространство, занимающее положение между национальным и локальным пространствами. При таком подходе речь идет о микрорегионах или субнациональных регионах, примерами которых может служить край или область в России или штат в США. С другой стороны, под регионом понимается пространство, занимающее положение между национальным и глобальным пространствами. В таком случае регион в буквальном смысле представляет собой макрорегион или международный регион. Примерами здесь может быть Западная Европа или Юго-Восточная Азия. Обычно микрорегион выступает объектом анализа исследований, посвященных внутренней политике, а макрорегион – объектом исследований, анализирующих международные отношения и мировую политику. Однако стоит заметить, что в настоящее время границы между внутренними делами и международными отношениями все больше и больше размываются, в результате чего микрорегионы приобретают трансграничный характер, требующий совместного исследования феноменов макрорегионализма и микрорегионализма.

Значительная часть современных исследований, выполненных в области международных отношений, концентрируется на глобальном пространстве, вотчине наиболее влиятельных государств. Однако в последнее время все более и более возрастает роль международных регионов, где главными акторами выступают региональные державы. Не случайно, сегодня возрастает число работ, авторы которых подчеркивают значение таких регионов для понимания сути международных отношений и мировой политики. Международное значение регионов объясняется тем, что именно в их рамках формируются специфические механизмы влияния и появляются кандидаты в глобальные державы.

В настоящее время не существует общепризнанного определения международного региона и тем более общепризнанного метода, который бы позволил выработать такое определение. Еще четыре с половиной десятилетия назад У. Томпсон насчитал по меньшей мере 22 различных определения региона, число которых с того момента, безусловно, только возросло. Современные трактовки региона отличаются крайним разнообразием, включающим в себя как самые простые, так и самые сложные дефиниции. Так, П. Катценштайн приравнивает регион к континенту, выделяя Азию, Европу и Америку с их субрегионами. Б. Бузан и О. Уэвер определяют регионы с точки зрения наличия формальной, совместной структуры, задающей их границы. С. Хантингтон относит к регионам пространства, объединенные культурными, религиозными чертами. Однако в современной политической науке чаще используется более строгие определения, которые можно обобщить следующим образом: регион – это группа или кластер географически близких государств, обладающих общими политическими, экономическими и культурными свойствами.

Данное определение состоит из двух основных компонентов – географической близости и общности свойств, каждый

из которых является обязательным условием. Египет может быть частью Ближнего Востока или Магриба, но никак не частью Азии, даже если он и обладал бы свойствами, характерными для государств этого региона. Наоборот, государства могут располагаться по соседству друг с другом, но из-за резкой разницы свойств никогда не составлять единого региона, как то имеет место в отношении Средиземноморья. При таком определении единицей анализа могут выступать трансконтинентальные регионы, как Латинская Америка, MENA или Ближний Восток, а также такие узкие, внутриконтинентальные регионы, как Магриб, Левант или Африканский рог. При этом такое определение допускает наличие изолированных и пограничных государств. Изолированные государства не составляют с близлежащими государствами региона, занимая особое место. Пграничные государства, наоборот, входят одновременно в два региона.

Принимая данный подход, мы можем утверждать, что Оман, ОАЭ, Катар, Бахрейн, Саудовская Аравия, Кувейт, Ирак и Иран составляют отдельный международный регион, полностью соответствуя его определению. Эти государства находятся на относительно небольшом расстоянии друг от друга, напрямую гранича друг с другом посредством вод Персидского залива. Персидский залив тянется от Оманского залива на юге до топей реки Шатт-эль-Араб на севере, представляя собой относительно закрытое водное пространство, соединенное с мировым океаном (Аравийским морем Индийского океана) лишь узким Ормузским проливом. Максимальная длина залива 926 километров, тогда как ширина не превышает 320 километров. Его площадь составляет 240000 квадратных километров, а глубина не выходит за отметку в 115 метров. Параллельно упомянутые выше государства схожи в политическом, экономическом и культурном плане. Во-первых, для всех них характерны сильные авторитарные традиции. За исключением Ирака и Ирана, перешедших к республике в 1958 и 1979 годы. соответственно,

в них по-прежнему сохраняется монархическая форма правления (абсолютная монархия в Омане, ОАЭ, Катаре и Саудовской Аравии, конституционная монархия в Бахрейне и Кувейте). Независимо от формы правления, все они, с некоторым спорным исключением Ирака, причисляются к странам с авторитарным режимом. Во-вторых, главной статьей доходов для всех этих государств являются углеводородные ресурсы, которые они в больших масштабах экспортируют за пределы собственного региона. Саудовская Аравия, например, больше всех в мире экспортирует сырой нефти (7,5 млн баррелей в сутки), тогда как Катар занимает второе место в мире по экспорту природного газа (130 млрд кубометров в год). В-третьих, во всех этих государствах ислам признается официальной религией (из 43 стран мира с государственной религией 8 – это страны Персидского залива) (таблица 2).

Таблица 2. Общие характеристики стран Персидского залива

Страны региона	Политический режим (Индекс демократии)	Экспорт нефти/газа, млн баррелей в день/ млрд кубометров в год	Ислам как государственная религия
Оман	Авторитарный (3.04)	0,9/10,1	+
ОАЭ	Авторитарный (2.75)	2,4/13,2	+
Катар	Авторитарный (3.18)	0,5/130,3	+
Саудовская Аравия	Авторитарный (1.93)	7,5/-	+
Бахрейн	Авторитарный (2.79)	-/-	+
Кувейт	Авторитарный (3.85)	2,2/-	+
Ирак	Гибридный (4.08)	3,8/-	+
Иран	Авторитарный (2.34)	1,9/8,6	+

Источник: The Economist Intelligence Unit (EIU). Democracy Index 2016: Revenge of the «Deplorables». London: EIU, 2017. P. 10–11; Organization of the Petroleum Exporting Countries (OPEC). OPEC Annual Statistical Bulletin 2017. Vienna: OPEC, 2017. P. 60, 126; Pew Research Center (PRC). Many Countries Favor Specific Religions, Officially or Unofficially. Washington: PRC, 2017. P. 4.

Географическое положение региона делает его мостом между Европой, Африкой и Азией, своеобразным перекрестком в международной системе, значение которого признавалось глобальными державами прошлого и продолжает признаваться нынешними глобальными державами. Уникальность ему придает и смесь политических, экономических и культурных свойств, приобретенных за долгую и богатую событиями историю. В своем современном виде он сформировался в XX в. В процессе его политического формирования можно выделить два этапа: этап, связанный с последствиями Первой мировой войны (начало сокращения британского влияния в Иране с 1925 г., объединение Саудовской Аравии, завершившееся в 1932 г., обретение Ираком независимости в 1932 г.), и этап, связанный с последствиями Второй мировой войны (консолидация современного Омана в 1959 г., обретение независимости Кувейтом в 1961 г., Бахрейном, Катаром и ОАЭ – в 1971 г.). Йемен играет важную роль в системе региона Персидского залива, оказывая серьезное влияние на отношения составляющих его государств. Однако пространственная удаленность, отсутствие энергетических ресурсов и особое политическое развитие исключают его из рассматриваемой региональной структуры.

Регион Персидского залива является одной из трех частей современного Ближнего Востока. Вплоть до конца XIX в. в общественном дискурсе фигурировало понятие «Восток», включавшее ближнюю и дальнюю части с точки зрения европейских держав. Однако в 1902 году А. Т. Мэхэн опубликовал статью «Персидский залив и международные отношения», в которой впервые использовал термин «Средний Восток», понимая под ним азиатские территории, омываемые Аравийским морем с его Оманским, Аденским и Персидским заливами. По мнению А. Т. Мэхэна, эти территории имели важное стратегическое значение, располагаясь в непосредственной

близости от морских путей, соединяющих Суэцкий канал с Сингапуром. Окончательный распад Османской империи и разделение ее территории между Францией и Британией заставили британских политиков изменить содержание термина «Средний Восток», исключив из него Индию и включив Левант, ранее относившийся исключительно к Ближнему Востоку.

С окончанием Второй мировой войны поменялась конфигурация мирового порядка, что повлекло за собой изменение смыслового содержания термина «Средний Восток». Британия уступила место главного актора в данном регионе США, стремящимся контролировать его энергетические ресурсы. Но для США, удаленных от региона на значительно большее расстояние, чем Британия, разница между «ближним» и «средним» уже не имела значения, в результате чего начал приобретать популярность американский термин «Средний Восток», который включал британский и Ближний и Средний Восток. Не случайно, что сегодня англоязычный термин «Middle East» переводится на русский и как Средний Восток, если речь идет об исторических событиях, и как Ближний Восток, если речь идет о более современных событиях.

Именно в течение Холодной войны, в таком американоцентричном смысле, этот термин и укоренился в науке о международных отношениях. Тогда же были определены и границы этого региона, хотя они могли несколько разниться в зависимости от поставленных исследовательских целей и применяемых критериев. Я. Гуревич называл Ближним Востоком регион, простирающийся от Марокко до Афганистана. К. Браун считал, что Ближний Восток – это регион, включающий бывшие владения Османской империи. По мнению М. Хадсона, Ближний Восток представляет собой некое территориальное целое, состоящее из трех частей: Арабского Востока (Машрик), Северной Африки (Магриб)

и региона Персидского залива (Халидж). Позже Б. Тиби, соглашаясь с делением М. Хадсона, выделил в каждой из этих составных частей Ближнего Востока группы центральных и периферийных стран. Придерживаясь классификации Б. Тиби, можно утверждать, что регион Персидского залива, выступая неотъемлемым компонентом Ближнего Востока в его современном понимании, является полноценным международным регионом, включающим восемь государств (таблица 3).

Таблица 3. Территориальная структура Ближнего Востока

Арабский Восток (Машрик)		Регион Персидского залива (Халидж)		Арабский Запад (Магриб)	
Центральные страны	Пограничные страны	Центральные страны	Пограничные страны	Центральные страны	Пограничные страны
Египет Израиль Сирия Иордания Ливан	Турция Кипр Судан Йемен	Ирак Иран Саудовская Аравия Кувейт	Бахрейн Катар ОАЭ Оман	Алжир Марокко Ливия	Тунис Мавритания

Источник: Tibi B. Konfliktregion Naher Osten: Regionale Eigendynamik und Grossmachtinteressen. Munchen: C. H. Beck, 1989. P. 76.

Базовым элементом международного региона выступает государство. Среди государств, составляющих международный регион, особое значение имеют региональные державы. Государство, превзошедшее по своим возможностям средний уровень региона, и при этом проявляющее специфическую активность, говорящую о ее желании взять на себя статус лидера, называется региональной державой. Как правило, возможности оцениваются в двух функциональных областях – военной и экономической. Военные возможности оцениваются на основе ежегодных расходов государства на военные нужды, которые публикуются, например, Стокгольмским институтом исследования проблем мира. Экономические

возможности могут оцениваться по показателю ВВП либо по показателю рыночной капитализации отечественных компаний, причем последний является более предпочтительным. Рыночная капитализация, представляющая собой стоимость всех компаний определенного государства, акции которых торгуются на ведущих мировых фондовых биржах, дает возможность исключить влияние численности населения. Например, Сингапур обладает в Восточной Азии серьезным экономическим влиянием, но по ВВП он примерно соответствует Филиппинам и Вьетнаму, государствам с очевидно меньшим экономическим влиянием в регионе. Рыночная же капитализация приравнивает это небольшое по численности населения, но экономически сильное государство к таким «азиатским тиграм», как Южная Корея и Тайвань.

Статус региональной державы определяется не только возможностями, но и желанием или готовностью взять на себя все издержки, вытекающие из такого статуса. Региональная держава должна проявить волю использовать свои возможности для достижения широкого круга политических целей в рамках соответствующего региона. Показателем готовности принять на себя статус региональной державы служит уровень взаимодействия определенного государства с другими государствами региона. Причем это взаимодействие может принимать как форму сотрудничества, характеризующую большим числом двухсторонних соглашений и взаимных одобрений, так и форму конфликта, о которой будут говорить самые разнообразные события, от простой негативной риторики до открытых военных действий. Оценить готовность довольно проблематично, однако наиболее ярким свидетельством этого может служить открытое вмешательство одного государства во внутренние дела других государств региона.

Таблица 4. Показатели влияния в регионе Персидского залива

Страны региона	Военные расходы в 2007–2016 гг., млрд долларов	Стоимость отечественных компаний, млрд долларов	Иницилирующая роль в интервенциях, Бахрейн/Ирак
Оман	83,1	23,3	-/-
ОАЭ	195,4	213,2	-/-
Катар	26,1	154,8	-/-
Саудовская Аравия	622,8	448,8	+/-
Бахрейн	11,6	19,4	-/-
Кувейт	55,4	107,1	-/-
Ирак	55,7	-	-/-
Иран	121,7	108,8	-/+
Среднее значение	146,5	134,4	-/-

Источник: Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). Military Expenditure by Country, 1988–2016. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/Milex-constant-2015-USD.pdf>; World Bank (WB). Market Capitalization of Listed Domestic Companies. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/CM.MKT.LCAP.CD>; собственные расчеты.

В зависимости от количества имеющихся держав регионы могут быть однодержавные, мультидержавные и бездержавные. Проведенный анализ показывает, что в регионе Персидского залива существует одна региональная держава, а именно Саудовская Аравия. В данном регионе по показателям военных и экономических возможностей, оцененных по объему военных расходов и рыночной капитализации собственных компаний, преобладает Саудовская Аравия. Ее военные расходы и рыночная стоимость компаний превосходят средний региональный уровень. За последние десять лет, с 2007 по 2016 гг., она потратила на военные нужды по меньшей мере 622,8 млрд долларов соответственно. На 2016 год совокупная стоимость ее компаний достигла 448,8 млрд долларов соответственно. В рамках региона Персидского залива наибольшую активность, характеризующую желание играть

роль региональной державы, проявляют Саудовская Аравия и Иран, принимающие участие во внутренних делах стран региона (например, восстание в Бахрейне, гражданская война в Ираке) (таблица 4).

В регионе проживает более 174 млн человек, больше всего в Иране (81,2 млн), а меньше всего в Бахрейне (1,5 млн). При этом в структуре населения стран региона, за исключением Ирана и Ирака, высок процент иностранной рабочей силы. В ОАЭ, Катаре и Кувейте он превышает 70%, порождая целый ряд политических и других проблем. Высокая доля иностранных рабочих объясняется нежеланием коренных жителей выполнять непрестижную и, как следствие, малооплачиваемую работу. Помимо этого, можно выделить и три другие особенности региона: высокую милитаризацию, повышенный уровень внешнего вмешательства и низкий уровень стабильности в целом.

Регион Персидского залива характеризуется высоким уровнем милитаризации. Все государства постоянно повышают свои военные возможности, пытаясь защититься от других государств региона и внешних сил. На вооружение и сопутствующие услуги они ежегодно тратят огромные суммы денег, получаемых за счет продажи углеводородных ресурсов. В таких условиях, по мнению многих наблюдателей, повышается лишь субъективно воспринимаемый уровень безопасности, но не реальный, а также усиливается зависимость от Запада. Главным поставщиком оружия для всех государств региона, за исключением Ирана, выступают США. Они зависят от американских технологий, а также от технической и консультационной поддержки. Это ставит США в привилегированное положение, позволяя полностью контролировать военное развитие своих региональных союзников. В этом плане особое место занимает Иран. Из-за своей конфронтационной позиции к США и другим западным

странам у Ирана нет другого пути, как сотрудничать в этой сфере с Россией. Вместе с тем из-за санкций он вынужден развивать собственную военную промышленность. Результатом ставки на собственные силы в обеспечении безопасности являются современные баллистические ракеты и ядерная программа.

Международные регионы отличаются друг от друга не только по числу региональных держав, но и по интенсивности своего взаимодействия с внешним окружением. Во-первых, важным представляется степень вмешательства в дела региона глобальных держав и ведущих держав других регионов. Такое вмешательство может как усугублять существующие в регионе конфликты, так и способствовать укреплению сотрудничества. Как правило, вмешательство происходит, когда государства региона не могут создать удовлетворяющую всех модель взаимодействия или, когда региональная держава демонстрирует поведение, противоречащее интересам глобальных держав. Во-вторых, значение имеет степень участия в глобализационных процессах, которая может варьироваться от относительной изоляции до полного погружения. В-третьих, значением обладает и политический статус региона, которым его наделяет глобальное сообщество государств. Чем выше совокупный статус региона, тем выше вероятность того, что он способен защищать себя от вмешательства со стороны внешних государств и выстраивать отношения сотрудничества с членами других регионов.

Регион Персидского залива испытывает сильнейшее внешнее влияние, прежде всего со стороны США. До Второй мировой войны США проявляли лишь незначительный интерес к региону Персидского залива. США вышли из войны одной из двух глобальных супердержав, став постепенно заменять собой Британию в качестве главной внешней силы

в данном регионе, приобретшем безусловное стратегическое значение. Сфера их влияния, ранее ограниченная лишь первым региональным союзником – Саудовской Аравией, вскоре охватила и Иран, когда в 1946 г. Г. Трумэн пообещал жесткий ответ СССР, если тот отложит вывод своих войск из этой страны. Подобные намерения вызвали в Иране положительный отклик, послуживший благодатной почвой для дальнейших американских шагов в регионе. США закрепили свое влияние в Иране в 1953 г., проведя успешную операцию с М. Мосаддыком, завершившуюся установлением официальных дружественных отношений и получением ряда значительных экономических выгод, в частности существенной доли в нефтяной индустрии и замены валюты расчетов за иранскую нефть со стерлинга на доллар. В 1958 г., сразу после произошедшей революции, Ирак занял нейтральную позицию по отношению к глобальным супердержавам. Через несколько лет партия БААС, свергнувшая правительство генерала А.К. Касема, взяла курс на тесное сотрудничество с СССР. После изменения политики Ирака США переформатировали СЕНТО, подписав оборонные соглашения с Ираном, Пакистаном и Турцией. Эта организация стала частью американской глобальной стратегии, направленной на ограничение советского влияния в различных регионах планеты.

В конце 1960-х гг. Британия приняла решение отказаться от прямого политического контроля, который она сохраняла по отношению к ряду государств региона. Чтобы устранить создававшийся политический вакуум, который в противном случае мог быть заполнен СССР, США требовалось увеличить свое присутствие в регионе, в том числе и военное, однако этому мешала продолжавшаяся война во Вьетнаме, поглощавшая огромное количество людских и материальных ресурсов. Пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, США пошли на усиление Ирана и Саудовской Аравии, ко-

торые по замыслам должны были стать барьером, сдерживающим распространение советского влияния (доктрина Никсона). Ставка на Иран и Саудовскую Аравию, сделавшихся главным рынком для американского оружия, вызвала недовольство не только со стороны Ирака, но и других государств Персидского залива, числящихся в союзниках Вашингтона.

Революция в Иране, приведшая к установлению исламской республики, изменила модель взаимодействия глобальных держав с региональными игроками. Иран превратился из самого лояльного союзника в главного оппонента США, из защитника сложившейся региональной системы – в главную угрозу региональному статус-кво. Кризис, связанный с захватом американского посольства, вывел отношения между двумя странами на грань войны. Иран расторг оборонное соглашение 1959 г., вышел из СЕНТО и примкнул к движению неприсоединения. Конфронтационная политика нового режима, заключающаяся в экспорте революции в другие страны Персидского залива, поставила США в крайне неудобное положение, заставив их избрать более агрессивную стратегию по защите своих интересов в регионе. Американский ответ на произошедшие события прозвучал в заявлении Дж. Картера, предостерегшего, что всякая попытка какой-либо внешней силы установить контроль над регионом Персидского залива будет считаться нападением на США и поэтому будет отражена всеми имеющимися в распоряжении средствами, в том числе и военными (доктрина Картера). Опасаясь за поставки нефти, США создали группу быстрого развертывания и заключили соглашение с Оманом о предоставлении его военных объектов для решения возможных кризисов в регионе.

Ирано-иракская война, длившаяся восемь лет, привела к еще большей вовлеченности США в политику региона. В начале США прилагали усилия, чтобы не допустить победы ни одной

из сторон конфликта. Когда в середине 1980-х гг. у Ирана появился шанс одолеть своего противника, то США поддержали Ирак, оказав ему логистическую, финансовую и даже военную помощь. Война не изменила систему в регионе, лишь подтолкнув консервативные арабские монархии к более тесному сотрудничеству с США, в которых они видели единственного гаранта своей безопасности. К концу 1980-х гг. США расширили действие доктрины Картера, которая теперь охватывала не только внешние силы, но и государства региона, изъявившие желание изменить статус-кво.

После аннексии Кувейта Ираком в 1990 г. США провели операцию «Буря в пустыне», полностью соответствующую доктрине Картера. Кроме Ирака, а также Ирана, настаивающего на создании региональной системы, в которой вмешательство внешних игроков было бы сведено к минимуму, все государства региона заключили с США оборонные соглашения, окончательно связав обеспечение своей безопасности с этой супердержавой. В 1990-х гг. главная цель США в регионе заключалась в том, чтобы заставить Ирак и Иран признать их гегемонию и помешать этим странам восстановить свой потенциал. Прежде всего США пытались не допустить того, чтобы они получили ядерное оружие, применяя для этого как ограниченные военные меры, так и масштабные экономические санкции. После атак 11 сентября США начали войну с террором, одним из фронтов которой стал именно регион Персидского залива. США полностью оккупировали Ирак, свергнув режим С. Хусейна. Потеряв тысячи жизней и затратив миллиарды долларов, США подтвердили свое доминирование в данном регионе. Хотя в регионе активность ведут Китай, Россия, Великобритания, Франция и другие государства, никто из них не может конкурировать по уровню влияния здесь с США, а тем более подорвать их доминирующее положение. Таким образом, политические процессы

в регионе Персидского залива остаются под сильнейшим влиянием США, которое должно обязательно учитываться при политологическом анализе, имеющем отношение к этому географическому пространству.

Каждый международный регион характеризуется тем или иным уровнем стабильности, достигнутым входящими в него государствами. Уровень стабильности зависит, по крайней мере, от пяти критериев. Во-первых, от наличия неразрешенных территориальных споров. Чем больше таких споров, тем меньше стабильность. Бесспорно, что в Западной Европе, Северной и Южной Америке территориальных разногласий значительно меньше, чем в Африке южнее Сахары, Восточной Азии и на Ближнем Востоке. Во-вторых, от наличия в истории региона событий, повлиявших на мировую политику. Как правило, такие события порождают соперничество, негативно влияющее на уровень стабильности. Соперничество между Германией и Францией в Европе, Бразилией и Аргентиной в Южной Америке и США и Мексикой в Северной Америке к настоящему времени потеряло свою актуальность, способствуя стабильности соответствующих регионов. Наоборот, продолжающееся соперничество между Южной Кореей и Северной Кореей, Китаем и Японией, Израилем и Ираном, Руандой и Конго, несмотря на меняющийся характер международной системы, не ослабевают, лишь повышая вероятность диффузии этих конфликтов по всему региону и за его пределы. В-третьих, от наличия претендентов на роль региональной державы. Появление претендента на роль региональной державы практически всегда дестабилизирует ситуацию в регионе. В-четвертых, от компетенции правительств государств, входящих в тот или иной регион. Прежде всего, здесь речь идет о способности эффективно извлекать ресурсы для реализации намеченных политических целей. В регионах, где преобладают государства со слабыми

и неэффективными правительствами, поддержание стабильности оказывается более проблематичной задачей. Чем выше способность извлечения ресурсов для политических целей, тем меньше вероятность конфликтов, в том числе и на региональном уровне. Наконец, в-пятых, от наличия неурегулированных внутренних религиозных и этнических конфликтов. В подавляющем большинстве случаев такие конфликты распространяются за пределы отдельного государства, дестабилизируя ситуацию по всему региону. Зачастую формально внутренний государственный религиозный или этнический конфликт трансформируется во внутренний региональный конфликт, особенно когда обострение соответствующих противоречий сопровождается ослаблением государственной легитимности.

Для региона Персидского залива характерно наличие неразрешенных территориальных споров. До XX в. территориальность в рамках региона не играла практически никакой политической роли. Суверенитет связывался не столько с контролем над территорией, сколько с контролем над людьми. Именно по этой причине местные правители не знали точных границ своих владений, учитывая лишь стратегически важные места, такие как порты и оазисы. Границы и территории приобрели значение для местных правителей лишь в первой половине XX в. под очевидным внешним влиянием. В это время Британия, установившая ранее протектораты, проложила над Персидским заливом ряд воздушных маршрутов, сопровождавшихся сетью аэродромов и посадочных площадок на случай чрезвычайных ситуаций. Британия, опираясь на заключенные соглашения, обязала правителей обеспечивать безопасность определенной группы авиационных объектов, что потребовало делимитации территории. Начало разработки нефти в регионе оказалось еще более мощным фактором в установлении границ, поскольку только

точные координаты позволяли избежать споров как между правителями, так и между добывающими компаниями. С постепенным обретением странами региона независимости произошла окончательная институционализация границ, выступающих обязательным атрибутом любого современного суверенного государства.

Примером неразрешенного спора может служить спор между Ираном и ОАЭ за острова Абу-Муса, Большой и Малый Томб, истоки которого уходят в историю на более чем столетие. Иранские доводы основываются на том, что до XIX в. острова принадлежали Ирану и, хотя позже на них установили господство представители рода аль-Касими, они продолжали делать финансовые выплаты Тегерану. Со своей стороны, ОАЭ настаивают на том, что во время ухода Британии острова принадлежали им. В 1913 г. эти острова отошли Британии, и когда в 1921 г. произошел раскол в роду аль-Касими она административно подчинила Абу-Мусу Шардже, а Большой и Малый Томб – Рас-эль-Хайме. Проблема, связанная с принадлежностью остров, не вызвала открытых разногласий вплоть до 1968 г., когда Британия заявила о скором уходе из Персидского залива. Понимая ценность островов, в прибрежных водах которых могли быть богатые нефтяные запасы и положение которых гарантировало защиту от недружественного закрытия входа в Персидский залив, Иран вновь поднял вопрос об их правовой принадлежности. В середине ноября 1971 г. шах Ирана и правитель Шарджи заключили соглашение о совместном использовании острова Абу-Муса. За день до официального ухода Британии с островов, запланированному на 1 декабря 1971 г., Иран оккупировал Большой и Малый Томб, несмотря на возражения Рас-эль-Хаймы. В 1992 году Иран неожиданно отправил на остров Абу-Муса войска, установив полный контроль над его территорией,

несмотря на протесты ОАЭ. С тех пор и Иран и ОАЭ непреклонно заявляют о своем суверенитете над всеми островами.

Регион Персидского залива выступил местом одного из самых влиятельных международных кризисов с момента завершения Второй мировой войны. Война в Заливе 1990–1991 гг. ознаменовала собой начало новой эпохи в развитии международных отношений. Конфликт разгорелся, когда в августе 1990 года. Ирак оккупировал соседний Кувейт, назвав его частью своей территории, своей девятнадцатой провинцией, незаконно отторгнутой западными державами. Помимо восстановления исторической справедливости и помощи антиправительственным силам, якобы требующим помощи от «братской» страны, Ирак имел и чисто экономические мотивы аннексировать Кувейт. По мнению властей Ирака, Кувейт при помощи технологий наклонного бурения добывал нефть с иракской части месторождения Румайла, нарушая установленные ОПЕК квоты и оказывая давление на понижение цен на этот стратегически важный ресурс на мировом рынке. Посредством захваченных кувейтских активов Ирак мог решить проблему все увеличивающегося внешнего долга, который к тому времени уже превысил отметку в 80 млрд долларов.

Впервые с 1945 года одно государство попыталось полностью аннексировать суверенное и признанное государство, существующее уже достаточно продолжительное время. До этого случаи аннексии сильным государством более слабого «соседа» имели место, однако они затрагивали государства, только что обретшие независимость (например, Палестина, разделенная Израилем и Иорданией в 1948–1949 гг., Западная Сахара и Восточный Тимор в 1975 г.). США вмешались в конфликт, пытаясь поддержать Кувейт, не как соперник СССР по Холодной войне, а скорее уже как единственная сверхдержава, успешно и быстро сформировавшая

широкую международную коалицию. В конфликте преобладала одна из сторон, абсолютно господствовавшая в воздухе и из-за этого сумевшая завершить наземную операцию за очень короткое время – всего лишь за 100 часов. Очевидное технологическое неравенство, вылившееся в неравенство потерь, поставило эту войну в один ряд с традиционными колониальными войнами, имевшими место в прошлом. Она больше напоминала собой британскую оккупацию Тибета в 1904 году, чем привычную войну в Третьем мире, характерную для периода после завершения Второй мировой войны. Война положила начало новой вехе противостояния между западными странами и исламским миром. Пытаясь заручиться региональной поддержкой, С. Хусейн апеллировал к исламским чувствам, призывая к джихаду и поместив исламское кредо «Аллах акбар» на национальный флаг.

Наконец, данная война оказалась поворотным моментом в истории всего современного Ближнего Востока, сопоставимым с крахом Османской империи. Она сформировала уникальную коалицию, в рамках которой одни арабские страны воевали в союзе с западными странами против другого арабского государства. США впервые прямо вмешались в дела региона, развернув здесь огромные силы. Она привела к окончательному упадку панарабского национализма, породив феномен исламского недовольства вмешательством западных держав в региональные процессы. Таким образом, в ближайшей истории региона Персидского залива есть события, которые по-прежнему оказывают мощнейшее дестабилизирующее влияние.

В регионе Персидского залива помимо очевидной региональной державы Саудовской Аравии существуют и т.н. кандидаты или претенденты на данную роль, что также дестабилизирует ситуацию. Причем претенденты обнаруживаются при любом используемом подходе к их выявлению и определению.

Если брать в расчет военные и экономические возможности, превосходящие средний уровень по региону, то претендентом оказываются ОАЭ. По военным расходам и стоимости своих компаний только они, исключая Саудовскую Аравию, превышают средний уровень. Если же учитывать, как то делают К. Клайн и др., выделяющие имеющиеся возможности и проявляемую волю, то претендентом может быть назван, безусловно, Иран. Тегеран ведет активную региональную внешнюю политику, но формальные показатели его возможностей не дотягивают еще до среднего по региону уровня.

Не в лучших условиях находится регион и по степени эффективности правительств. Данная эффективность может быть оценена по Индексу слабости государств, ежегодно публикуемому общественной организацией The Fund for Peace и журналом Foreign Affairs. Данный индекс составляется на основании двенадцати критериев, объединенных в четыре группы – индикаторы сплоченности, экономические индикаторы, политические индикаторы, социальные индикаторы плюс отдельный индикатор внешнего вмешательства. Каждый из двенадцати критериев рассчитывается по шкале, градированной от 0 (минимальная слабость, низкие риски и угрозы) до 10 (максимальная слабость, высокие риски и угрозы). Теоретически 120 баллов означает полностью недееспособное государство. Из 178 государств, учитываемых Индексом, Оман занимает 132 строчку (52,6), ОАЭ – 146 (42,8), Катар – 140 (48,1), Саудовская Аравия – 99 (70,2), Бахрейн – 113 (64,4), Кувейт – 126 (55,9), Ирак – 11 (102,2), а Иран – 52 (84,3). Из восьми государств региона четыре не могут быть названы стабильными и эффективными (Бахрейн, Саудовская Аравия, Иран и Ирак). При этом Ирак и Иран находятся в «красной» группе, характеризующейся наименьшим уровнем стабильности и эффективности (таблица 5).

**Таблица 5. Отличительные особенности
региона Персидского залива**

Страны региона	Военные расходы, % от ВВП	Иностранные военные базы, шт.	Индекс слабости государств, значение/ место
Оман	12,1	2 (США)	52,6/132
ОАЭ	5,6	6 (США, Австралия, Франция, Италия)	42,8/146
Катар	1,5	3 (США, Великобритания, Турция)	48,1/140
Саудовская Аравия	10,3	2 (США, Пакистан)	70,2/99
Бахрейн	4,1	3 (США, Великобритания)	64,4/113
Кувейт	5,8	4 (США)	55,9/126
Ирак	3,9	1 (Турция)	102,2/11
Иран	3,1	0	84,3/52

Источник: Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). Military Expenditure by Country as Percentage of Gross Domestic Product, 2003–2017. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/3_Data%20for%20all%20countries%20from%201988-2017%20as%20a%20share%20of%20GDP.pdf; The Fund for Peace (FFP). The Fragile States Index 2018. Washington: FFP, 2018. P. 6–7; собственные расчеты.

Таким образом, если считать международным регионом группу или кластер географически близких государств, обладающих общими политическими, экономическими и культурными свойствами, то регион Персидского залива может, безусловно, быть назван таковым. Страны, составляющие его, помимо того, что они граничат друг с другом либо напрямую, либо посредством вод соответствующего залива, обладают общими политическими (авторитарные тенденции), экономическими (упор на углеводородные ресурсы) и культурными (признание ислама государственной религией) характеристиками. В пользу того, что страны Персидского

залива составляют отдельный международный регион, говорит и ряд дифференцирующих его особенностей: повышенные уровни милитаризации, внешнего вмешательства и нестабильности. Полагаем, что к ним должна быть добавлена и особая роль религиозного фактора во внешней политике всех составляющих его стран.

ЧАСТЬ 5.

Религиозная идентичность как источник конфликтов и сотрудничества в регионе Персидского залива

После завершения Холодной войны в теории международных отношений получил популярность тезис, что детерминантами конфликтов и сотрудничества впредь будут в основном культурные, в том числе и религиозные, факторы. С. Хантингтон заявил, что в новом мировом порядке самые главные и опасные конфликты будут происходить между людьми, принадлежащими к различным культурным сообществам. Резкий рост числа религиозных конфликтов, последовавший за распадом СССР и Югославии, подтверждал подобное предположение. Некоторые ученые пошли дальше, называя разность идентичностей не просто условием, коррелирующим с уровнем враждебности, а одним из главных драйверов современных конфликтов. Д. Хоровиц рассматривал отсутствие общей идентичности одним из факторов конфликтов. В подобном русле С. Сейдман считал, что государства втягиваются в конфликты, отталкиваясь от своих идентичностей, т.е. они будут поддерживать ту сторону, которая им ближе в культурном плане. Конструктивисты утверждали, что ощущение общей идентичности устраняет ощущение угрозы, что, в свою очередь, повышает вероятность межгосударственного сотрудничества.

Несмотря на господство в научном дискурсе указанной точки зрения, отдельные ученые не соглашались с ней, утверждая, что общая идентичность может способствовать враждебности и конфликтам. Р. Аксельрод считал, что сближение индивидов или групп может обернуться серьезными противоречиями и разногласиями для них. Факторы, создающие общую идентичность, например, в контексте панарабизма или панисламизма, могут вести к более острому восприятию различий. Опираясь на количественный анализ, Э. Гартцке и К. Гледич пришли к аналогичному выводу, подчеркивая, что конфликты более вероятны между культурно близкими государствами, чем между культурно различными государствами. Враждебность возникает из-за того, что государство, столкнувшееся с вызовом от культурно похожего государства, утрачивает собственную идентичность. А утрачивая свою индивидуальность и самобытность, оно утрачивает свой политический смысл. С появлением культурного конкурента, государства избирают два средства защиты своей идентичности. Во-первых, они демонизируют конкурентов, подчеркивая уникальность своей идентичности. Во-вторых, они предпринимают попытки создать новую идентичность. Другими словами, акторы перестраивают отношения с другими, создавая новые отличия.

Переходя к непосредственному предмету нашего исследования, отметим, что религиозный фактор определяет политику всех без исключения государств Персидского залива, а также природу регионального порядка, где господствует одна держава. Саудовская Аравия тщательно оберегает свою основанную на религии государственную идентичность, используя все указанные выше средства ее защиты. Саудовская Аравия постоянно изображает иранских шиитов и египетских «Братьев-мусульман» в виде неких девиантных групп, сбившихся с истинного пути ислама. Она дважды пересмо-

тrelа свою идентичность, отказавшись от панисламизма в пользу суннизма, а затем и в пользу салафизма, чтобы отличаться от Ирана и других суннитских стран соответственно. Попытки Саудовской Аравии защитить свою религиозную уникальность выступают одним из важных факторов, порождающих в регионе как конфликты, так и сотрудничество.

В отличие от других арабских государств идентичность Саудовской Аравии сформирована не на основе национализма, связанного с антиколониальной борьбой, а на основе религии. Современная Саудовская Аравия появилась как результат попыток А. ас-Сауда создать на Арабском полуострове исламскую монархию. В ее государственной идентичности преобладает исламская составляющая. Именно ислам, в его салафитской интерпретации, позволяет Саудовской Аравии отличать себя от других региональных акторов. Как отмечал Дж. Нево, имея в виду Саудовскую Аравию, «религия сыграла выдающуюся роль не только в формировании частных и коллективных идентичностей отдельных лиц, но и в консолидации ее национальных ценностей». Для Саудовской Аравии религия выступает наиболее важным элементом ее идентичности, тогда как территориальный национализм играет второстепенную роль.

В течение долгого времени Саудовская Аравия апеллировала к исламу, обеспечивая свою уникальную идентичность и защищая себя от секулярной волны панарабизма, прокатившейся по региону в 1950–1960-х годы в результате прихода к власти в Египте Г.А. Насера. Пытаясь дискредитировать панарабизм, Саудовская Аравия делала акцент на панисламизме, считая себя защитником веры в регионе. Панисламизм, опиравшийся на единство мусульман, рассматривался руководством страны того времени, в частности королем Ф. ас-Саудом, *raison d'être* саудовского государства. С провалами панарабистских проектов панисламизм получал все большую

популярность. Саудовская Аравия могла смело изображать из себя представителя всего мусульманского мира, гордясь тем, что только она управляется в соответствии с шариатом. Однако на рубеже 1970–1980-х годов ситуация кардинально поменялась.

Мусульмане с иным мировоззрением, проживавшие в непосредственной близости от Неджа, прежде всего многочисленные шииты, всегда вызывали особую неприязнь суннитов. Еще в 1802 году суннитские фанатики разграбили Кербелу, священный для шиитов город. Хотя основатель современного саудовского государства А. ас-Сауд прекратил открытую войну с шиитами оазисов Хатиф и Хаза, составившими Восточную провинцию Саудовской Аравии, суннитские клерики продолжали подвергать их критике. Со становлением Ирана как претендента на региональное лидерство, выстраивающего свой курс на новой экспансионистской и освободительной идеологии, конфессиональные разногласия вновь оказались в политической повестке дня Эр-Рияда.

Революция 1979 года подорвала религиозную идентичность Саудовской Аравии, сместив вектор иранской политики от персидского национализма к исламскому универсализму. Базовые лозунги революции не признавали никаких национальных границ в исламском мире, призывая всех мусульман к объединению. Иран, сменив свою идентичность, предстал авангардом революционного и антиимпериалистического ислама, претендуя на роль легитимного лидера мусульманской уммы. Новая идентичность Ирана пересеклась со сложившейся идентичностью Саудовской Аравии, также основывающейся на солидарности всех мусульман.

Лидер революции Р. Хомейни настаивал, что мусульмане составляют единое сообщество, а существующие между ними границы являются просто следствием империализма и внешнего господства. По его мнению, не может быть дру-

гого ислама, поэтому и мусульмане должны быть едины. Эти идеи отразились в новой конституции исламской республики, провозгласившей единство мусульман. Иран избрал внешнеполитическую стратегию, обращенную ко всем мусульманам, а также взял на себя обязанность решить палестинскую проблему. Панисламизм оказался общим знаменателем для Ирана и для Саудовской Аравии. С началом политики панисламизма в Иране Саудовская Аравия утратила свою самобытность, на которую она до того опиралась в отношениях с другими акторами. Иран пытался всячески дискредитировать религиозную идентичность Саудовской Аравии, которая занимала его больше, чем США. В ноябре 1979 года по Восточной провинции Саудовской Аравии прокатилась волна шиитских протестов, в который Эр-Рияд обвинил Тегеран. Хотя убедительных доказательств вмешательства Ирана во внутренние дела Саудовской Аравии не существовало, многие шиитские клерики разделяли идеи Р. Хомейни, особенно касавшиеся экспорта исламской революции.

Все эти обстоятельства заставили правителей Саудовской Аравии обновить религиозную идентичность государства, чтобы обособиться от Ирана с его панисламской риторикой. В итоге идентичность была увязана с суннизмом, не признающим шиитов легитимным исламским сообществом. Стремясь отличить свою версию ислама от версии Ирана, Саудовская Аравия интенсифицировала конфессиональные разногласия. Суннизм пропитал внешнюю политику Саудовской Аравии, выступая не столько источником легитимности, сколько компонентом национальной идентичности. Сведение саудовского панисламизма к суннизму придало Саудовской Аравии новую отличительную черту, выражавшую противостояние суннитов шиитам. Она адаптировала антишиитский дискурс с целью дискредитации панисламских нарративов иранской революции, параллельно усилив власть

улемов, получивших более полный контроль над социальной и религиозной жизнью, в которую теперь внедрялось понятие об «ущербности» шиитских символов.

Создавая себе новую идентичность, Саудовская Аравия изображала в негативном свете Иран, очерняя его панисламские требования. Саудовский религиозный истеблишмент, используя речи и публикации, занялся борьбой на идеологическом фронте с призывами иранской революции. С точки зрения суннитских улемов, ряд религиозных практик и обрядов, которых придерживались шииты, однозначно указывал на их политеизм. Рассматривая шиитов как политеистов и безбожников, они настаивали, что истинные верующие должны проявлять по отношению к ним подлинную неприязнь, которая могла перерасти даже в священную войну, джихад. Короче говоря, описывая шиитов как отступников, Саудовская Аравия попыталась вывести Иран из исламского сообщества, подчеркивая свою религиозную уникальность, постепенно находившую отражение в ее внешней политике.

Суннитский подход, избранный Саудовской Аравией, обеспечил безопасность ее идентичности лишь на несколько десятилетий. «Арабская весна», свергнувшая диктаторов, открыла дорогу во власть исламистским движениям, наибольшего успеха из которых добились «Братья-мусульмане», захватившие верховную власть в Египте. Идентичность Саудовской Аравии, представляющей себя единственным лидером суннитов, оказалась под вопросом, поскольку «Братья-мусульмане» претендовали на аналогичную роль. Идеологические основы «Братьев-мусульман» изначально отличались от основ Саудовской Аравии, но постепенно они впитали саудовские идеи, разделив с ней общую парадигму. В 1950-е годы многие члены организации, скрываясь от преследований режима Г.А. Насера, нашли убежище в Саудовской Аравии, где они приняли участие в социальной

и экономической модернизации страны. Взаимодействуя с саудовской религиозной средой, члены группы впитали ее идеи, ставшие впоследствии интегральной частью их идеологии. Когда «Братья-мусульмане» возобновили свою деятельность в Египте в 1970-х гг., то их идеология уже была иной, чем ранее. Интеграция саудовских идей в идеологию «Братьев-мусульман» проявилась в повышении нетерпимости к другим исламским и неисламским группам, таким как копты, интенсификации дискуссий о необходимости введения шариа, а также в изменении одежды и нравов проповедников.

Новый подход «Братьев-мусульман» сблизил их в идеологическом и интеллектуальном плане с Саудовской Аравией. Именно суннитские ценности послужили источником идентичности для «Братьев-мусульман», начавших в 2011 году свой путь на вершину власти, а позже и для всего Египта, когда М. Мурси, член их группы, возглавил страну. Египет во главе с «Братьями-мусульманами» вновь подорвал, как когда-то исламская революция в Иране, основы идентичности Саудовской Аравии. Королевство оказалось не единственным актором, претендующим на роль лидера суннитского мира, т.е. в ситуации крайне опасной для ее политического будущего. В сложившихся условиях перед Саудовской Аравией встала задача пересмотра своей идентичности. Также, как и в случае с иранской угрозой, Саудовская Аравия сузила масштаб своей идентичности, на сей раз до «подлинного» салафизма, и инициировала кампанию по дискредитации «Братьев-мусульман», нового «другого», используя ряд механизмов. Во-первых, она отказалась причислять «Братьев-мусульман» к «настоящим» салафитским группам, отмечая, что они имеют иное происхождение. Во-вторых, она обвинила их в прагматизме, потому что они якобы использовали религию в качестве инструмента обретения власти. В-третьих, Саудовская Аравия подвергла их критике за «радикализм» и «фундаментализм». В марте

2014 года она объявила «Братьев-мусульман» террористической группой, поставив их в один ряд с Аль-Каидой, действующей в Йемене и Ираке. Таким образом, чтобы восстановить свою уникальную идентичность, Саудовская Аравия назвала себя защитником строго салафитской версии ислама. Изображая «Братьев-мусульман» как неверных, предателей и радикалов, она пыталась сохранить свою лидирующую идеологическую роль в регионе.

Признавая роль религиозного фактора в обострении конфликтной ситуации, следует не упускать из виду и его консолидирующую роль, проявляющуюся в интенсификации международного сотрудничества в рамках региона. Защищая свою идентичность, Саудовская Аравия не только расширила конфессиональный раскол региона, но и способствовала интеграции вдоль линии данного раскола, примером чего может служить Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Различные школы международных отношений по-разному объясняют создание этой организации. Для неореализма субрегиональная интеграция есть ответ государств на угрозу их безопасности, исходящую от потенциального гегемона. Исходя из неореалистской теории баланса угрозы С. Уолта, государства, объединяясь, пытаются нейтрализовать угрозу их суверенитету. Следуя этой логике, монархии Персидского залива учредили ССАГПЗ для того, чтобы противодействовать исходящим от Ирана угрозам, уровень которых резко возрос после ухода из региона Британии. Однако теория баланса угрозы не объясняет ни время, ни характер ответа, данного Ирану суннитскими монархиями. После революционных событий 1979 года военные возможности Ирана значительно сократились, как по причине трудностей транзита, так и по причине недоступности запасных частей для американского оружия и обслуживания, закупленного в период правления шаха. Кроме

того, ССАГПЗ был создан до того, как Иран продемонстрировал свои агрессивные намерения. Иран провел свою первую успешную наступательную операцию против Ирака только в сентябре 1981 г., тогда как ССАГПЗ начал свою работу еще в мае. Теория С. Уолта также не объясняет, почему монархии ответили на региональную угрозу созданием преимущественно экономической организации, ориентированной на устранение торговых барьеров, согласование тарифов, увеличение мобильности рабочей силы и капитала. Несмотря на создание совместных вооруженных сил, названных «Щит полуострова», постоянные военные учения и увеличение оборонных расходов, региональная военная интеграция играла все же второстепенную роль. Созданию совместных вооруженных сил, отличавшихся бы полноценной функциональной совместимостью, мешала вероятность политизации военных, риск переворотов с их участием, а также перспектива доминирования представителей Саудовской Аравии.

Экономические мотивы создания ССАГПЗ ассоциируются с неолиберальной парадигмой международных отношений. В русле неолиберализма субрегиональная интеграция есть способ улучшить благосостояние всех стран, участвующих в таком процессе. Д. Прис соглашается, что Иран представляет угрозу монархиям, но эта угроза связана не с территориальными границами или политической независимостью, а с внутренней стабильностью. По его мнению, Иран пытается политически расколоть общества монархий Персидского залива, обращаясь со своими призывами к недовольным меньшинствам. Отсюда вытекает, что интеграция, имеющая экономическую подоплеку, — это средство улучшить положение недовольных меньшинств и, как следствие, укрепить их лояльность к династическим правителям. Однако неолиберальная теория, как и неореализм, тоже многое не объясняет. В монархиях Персидского залива не существует условий,

способствующих экономической кооперации. Все они торгуют на мировом рынке примерно одинаковыми производственными наименованиями. Кроме того они импортируют практически все промышленные и потребительские товары, а также рабочую силу из стран, не входящих в регион Персидского залива.

Лучшее объяснение созданию ССАГПЗ дает конструктивистская парадигма, допускающая влияние религиозного фактора. С позиций конструктивизма субрегиональная интеграция является следствием осознания общности, открывающей путь к созданию т.н. сообщества безопасности. В 1950-х годах К. Дойч и его коллеги предложили термин «сообщество безопасности», под которым они понимали группу государств, объединенных осознанием своей общности, которое гарантировало мирное решение возникающих между ними разногласий и проблем. Не желая того, эти ученые заложили фундамент для конструктивистского подхода к международным отношениям в целом и региональному развитию в частности. В 1990-е годы Э. Адлер и М. Барнет, используя свою методологическую платформу, вновь обратились к термину «сообщество безопасности», сделав акцент не на общих потребностях, а на общих ценностях. Чтобы стать подобным сообществом, группа государств должна пройти как минимум три стадии. На первой стадии, стадии зарождения, участники будущего сообщества рассматривают возможности координации их отношений, от которой ожидаются уменьшение издержек и увеличение выгод. На второй стадии, стадии роста, участники начинают воспринимать друг друга как надежных союзников, уплотняя сеть взаимоотношений. На третьей стадии, стадии зрелости, участники перестают мыслить категориями игры с нулевой суммой, полностью исключая возможность войны между друг другом. С точки зрения конструктивизма, ССАГПЗ представляет собой сообщество без-

опасности, вызванное к жизни прежде всего общими ценностями, а не материальными факторами. Общность ценностей проистекает от общей религии – ислама суннитского толка. Оказавшись по соседству с революционным шиитским Ираном и светским Ираком, вступивших в кровопролитную войну, они приняли решение об интеграции, сформировав неформальный суннитский блок в виде региональной организации.

Действительно, ССАГПЗ появился как ответ на два идеологических вызова, враждебных религиозным ценностям монархий. Первый, более весомый вызов, исходил от шиизма. В 1979 году исламские революционеры, возглавляемые Р. Хомейни, свергли шаха и провозгласили о создании в Иране исламской республики. И если претензии шаха на региональную гегемонию просто тревожили монархии, то аналогичные претензии нового исламского режима шокировали их. Уже в 1980 году Р. Хомейни начал идеологическую атаку на монархии, поддерживая оппозиционные группы по всему региону. Иран начал агитировать шиитов в арабских странах Персидского залива выступить против правящих династий, обещая им финансовую и военную поддержку. Успех иранской революции преподносился как победа ислама в современном мире, которую нужно развивать. Религиозные лидеры Ирана не скрывали своего желания экспортировать революционные достижения во все страны Персидского залива. Монархии оказались в трудном положении: хотя во всех из них у власти находились сунниты, значительную долю их поданных составляли именно шииты.

Второй вызов, менее значимый, исходил от панарабизма, утрачивающего свою мощь. Долгое время арабский мир входил в состав Османской империи, составляя одну из ее крупнейших частей. Во второй половине XIX в. с ослаблением Османской империи и утратой ее центром контроля над периферией, а также проникновением в регион европейской

культуры в этой части мира получила популярность панарабистские идеи, заключающиеся в том, что все арабы составляют единую нацию, поскольку связаны между собой общим языком, религией, культурой и историей. В эпоху деколонизации в регионе распространилась теория, утверждавшая, что в скором времени процесс суверенизации будет заменен процессом политической интеграции всех арабских стран. Ряд государств предприняли практические меры, чтобы добиться этой цели. В 1958 году Египет и Сирия, опираясь на идеологии насеризма и баасизма, сформировали Объединенную арабскую республику (ОАР). По мнению лидеров этих государств, объединение двух социалистических исламских республик означало собой первый шаг в сторону полного арабского единства. В этом же году Ирак и Иордания ответили созданием собственного политического союза, который однако вскоре распался под давлением революционных событий в Багдаде. Подобная судьба постигла и ОАР, прекратившую свое существование в 1961 году. В 1971 году Ливия, Египет и Сирия попытались возродить панарабизм, сформировав Федерацию арабских республик, но и она очень быстро прекратила свое существование. Как отмечал Я. Лустик, история Ближнего Востока полна примерами местнических конфликтов, бессмысленных схем объединения и режимов, успешно подавляющих диссидентов, но не способных наладить реальное плотное сотрудничество со своими соседями. Суннитские монархии, объединившись друг с другом, окончательно уничтожили практические перспективы панарабизма, показав значимость более узких блоков.

Объединившись перед лицом идеологических угроз, монархии получили ряд преимуществ, подтверждавших их идентичность. Создание ССАГПЗ отстранило Сирию, Йемен и Египет от политических процессов в регионе Персидского залива. Оно позволило монархиям избежать уча-

стия в экономических процессах, характерных для арабского мира в целом. Превратив распределение нефтяных богатств из обязанности в милосердие и альтруизм, монархии получили право требовать ответных политических «презентов» – уважения государственных границ и признания легитимности их форм правления. ССАГПЗ выделил монархии в особый субрегион, который мог теперь выстраивать собственные отношения с внешними государствами, такими как США. Тесные отношения Саудовской Аравии, Омана и после 1991 г. Кувейта с США оказались главными причинами разногласий в арабском мире. Больше всего критике подверглась Саудовская Аравия, давшая разрешение на размещение на своей территории американских вооруженных сил.

Монархии, объединившиеся в рамках ССАГПЗ, стали отождествлять себя в первую очередь не с арабским, а с международным сообществом, часто проводя политику, противоречащую арабским интересам и изолирующую их от более общей арабской политической игры. Обнажились отчетливые различия между религиозными идентичностью и практиками, поддерживаемые арабскими объединителями, и идентичностью, и практиками, защищаемыми монархиями. Хотя между монархиями и другими арабскими государствами существовало много общего, главная задача ССАГПЗ состояла в том, чтобы легитимизировать различия. Ведущие государства Запада поддерживали создание границ в арабском мире, отделив богатые нефтью страны Персидского залива от остального арабского мира. После завершения Второй мировой войны американские стратеги понимали под Юго-Западной Азией регион, охватывающий только страны Залива и Пакистан. Следовательно, западные государства выстраивали с монархиями Залива иные отношения, чем с другими арабскими странами, в частности давая им молчаливые гарантии безопасности.

Как следствие, интересы и взгляды членов ССАГПЗ все чаще расходились с интересами и взглядами других арабских стран, что демонстрируют, например, их подходы к проблеме Ирака. Страны ССАГПЗ, также как Сирия и Египет, поддержали кампанию против Ирака 1991 года. Однако в отличие от указанных арабских стран после завершения войны монархии продолжили вести политику, враждебную Багдаду. Они поддержали санкции против Ирака в 1990-е годы и разрешили уменьшившейся к тому времени коалиции использовать свои аэродромы и воздушное пространство для ударов по Ираку в 1993 и 1998 годах, а также для контроля над зонами, свободными от полетов. Опасаясь нападения Ирака, монархии начали укреплять свои отношения с США, которые только подпитывали конфессиональные разногласия в регионе.

С наступлением нового столетия монархии Персидского залива получили новые стимулы для дальнейшей интеграции. Вторая война США в Персидском заливе привела к тому, что власть в Ираке через законные электоральные процедуры захватили шииты, переориентировав политику в сторону Ирана и тем самым кардинально изменив региональную геополитику. Воодушевленный таким изменением, Иран инициировал новую волну экспансионизма, выступая политическим и военным покровителем для сирийского правительства, Хезболлы в Ливане и ХАМАС в Газе. Саудовская Аравия ответила изменением своей внешней политики, а также сопровождавшего его дискурса: если ранее в салафитском дискурсе к шиитам применялся термин «неарабы», подчеркивающий лишь их внешнее происхождение, то теперь термин «отклонившиеся», четко указывающий на их религиозное отличие. По сути, с этого момента начался новый этап противоборства между Саудовской Аравией и Ираном, получивший название «новой Холодной войны», в которой

каждая из сторон, одна – плотно сотрудничающая с западными державами, а другая – энергично им противостоящая, используют для реализации своих интересов доверенных акторов по всему региону.

Успешное вторжение международной коалиции во главе с США в Ирак изменило существовавший региональный баланс силы, выгодный монархиям. Одна из главнейших задач их внешней политики заключалась в сохранении баланса между Ираком и Ираном, гарантирующего, что никто из них не займет доминирующего положения. Вторжение ослабило Ирак, одновременно расширив сферу влияния Ирана. Эти изменения вызвали беспокойство монархий, поскольку у Ирана резко повысились шансы решить в свою пользу имеющиеся с ними разногласия, в частности проблему островов Абу-Мусы, Большого и Малого Томба, берущую свое начало еще в 1970-х гг. Вместе с тем война изменила политическую ситуацию в самом Ираке. Обретение власти шиитами могло негативно повлиять на внутреннюю стабильность монархий. Действительно, как свидетельствуют многие источники, война усилила политические притязания шиитов. Усилив недоверие суннитов, это привело к острому обострению конфессиональной напряженности, сопоставимому лишь с обострением 1979 года. Среди множества доказательств выделяются взрывы 2006 года в мечети Аскари, находящейся в иракском городе Самарра и считающейся священным местом для шиитов.

Опасения за собственную политическую стабильность, увязываемую напрямую со стабильностью в Ираке, позволяют понять внешнеполитическую позицию, занятую монархиями после свержения С. Хусейна. Кратко ее можно сформулировать как сохранение территориальной целостности Ирака. На различных межгосударственных встречах лидеры монархий не раз подчеркивали, что они заинтересованы в целостности

и независимости Ирака, которые будут гарантировать невмешательство во внутренние дела их стран и сохранение их религиозной идентичности. Наконец, война в Ираке, повысившая уровень угроз для внутренней стабильности монархий, подорвала их веру в искренность намерений и безграничность способностей США. Не случайно, некоторые аналитики назвали Ирак «кладбищем американо-арабских отношений». Война в Ираке послужила стимулом для создания новой структуры безопасности, опирающейся не только на США, но и на региональных соседей. Региональный диалог и консенсус приобрел значительно большее значение для руководства монархий. Таким образом, изменение регионального баланса, новая конфигурация политического ландшафта Ирака и ослабление веры в США интенсифицировали интеграционные процессы в рамках суннитского блока.

Следующей вехой развития конфессиональной интеграции оказалась «Арабская весна», непосредственно столкнувшая Саудовскую Аравию и Иран. В апреле-мае 2013 г. лидер Хезболлы Х. Насралла объяснил свою поддержку Б. аль-Асада необходимостью борьбы против салафитских джихадистов, выступающих средством в руках западных держав, задумавших уничтожить «сопротивление», т.е. силы, противостоящие гегемонии Запада и его региональных союзников. Тогда Х. Насралла назвал салафитских джихадистов такфирами, мусульманами, которые обвиняют других мусульман в отступничестве. Комментарии Х. Насраллы активизировали общественные дебаты в странах Персидского залива, особенно в Саудовской Аравии и Катаре, нашедшие отражение в их ведущих СМИ, Аль-Арабии и Аль-Джазире. Один из духовных лидеров Ю. аль-Карадави, долгие годы живущий в Катаре и регулярно появляющийся на Аль-Джазире, призвал суннитов со всего мира направиться в Сирию, чтобы вести джихад с режимом Б. аль-Асада: «Иран способствует

оружием и людьми, так почему мы ничего не делаем? Ныне мы знаем, чего хотят иранцы ... Они хотят продолжать убивать суннитов». Позднее, назвав ваххабизм единственно верным течением, он признался Аль-Арабии, что ошибался, защищая Хезболлу в 2006 г., когда саудовские духовные лица причисляли тему войны с Израилем к антисуннитской повестке дня, выгодной Ирану: «Я заблуждался и, познакомясь с реальностью этой партии, понял, что ученые королевства были более разумными, чем я».

С начала 2011 года по конец 2012 года по Саудовской Аравии прокатилась волна шиитских протестов, вызванных дискриминацией и маргинализацией. Полиция жестко ответила на эти протесты, в результате чего погибло по крайней мере 20 человек. Были арестованы десятки шиитов, а один из их духовных лидеров, шейх Н. ан-Нимр – приговорен к смертной казни за разжигание вражды и подрыв национального единства. В марте 2013 года Министерство внутренних дел заявило, что разоблачило существовавшую долгое время в стране шпионскую организацию, работавшую на Иран. Тогда же СМИ получили распоряжение не упоминать в своих материалах о саудовских шиитах при освещении проблем, касающихся Ирана и Сирии.

Проведенный обзор показывает, что религиозная идентичность определяет политику всех акторов региона Персидского залива, выступая главным фактором как конфликтов, так и сотрудничества. Убедительным подтверждением данного тезиса является политика Саудовской Аравии, поскольку политика региональной державы не может не отражать суть происходящих процессов. С одной стороны, Саудовская Аравия, пытаясь сохранить свою идентичность, обостряет существующие разногласия в регионе. С другой стороны, она, преследуя ту же самую цель, активно участвует в интеграции суннитских, салафитских монархий. Религиозный

фактор заставляет региональных игроков конфликтовать и сотрудничать, как за рамками региона, например, в Сирии, так и в пределах исследуемого региона, что, с учетом географических рамок настоящего исследования, представляется более важным. Наиболее ярким примером влияния религиозного фактора, причем в двух его ипостасях, могут служить события в Бахрейне, где на волне «Арабской весны» шииты попытались усилить свои властные позиции за счет суннитов.

ЧАСТЬ 6.

Влияние религиозного фактора на политику Саудовской Аравии и Ирана в отношении Бахрейна

Из-за своих особенностей Бахрейн оказался одной из основных арен, где события разворачиваются в соответствии с национальными ролями, играемыми региональными акторами по религиозному сценарию. Допуская это утверждение, мы не можем обойти стороной теорию ролей. Впервые для анализа международных отношений данную теорию, берущую свое начало в социологии, применил К. Холсти, отметивший, что государства следуют определенному набору действий, правил и обязательств. Теория ролей построена на метафоре, переносящей свойства театра на международные отношения. Также как в театре актеры действуют предсказуемым образом в соответствии с определенными сценариями, так и государства (актеры) действуют в системе международных отношений (театр) в соответствии со своими национальными ролями (сценарии). Теория ролей, переложенная на сферу международных отношений, предполагает, что государства ведут себя в соответствии со специфическими ролями, которые они сами приписывают себе, чтобы закрепить свою идентичность. Эта теория находится в центре конструктивистского подхода, придавая первоочередное значение идентичности и влиянию на нее существующей структуры.

Концепт «национальная роль» определяет обязанности государства в его внешней политике, показывая намерения

и мотивы. Согласно А. Альтораифи, отношения между внешней политикой и идентичностью государства лучше всего объясняются через теорию ролей: многие национальные роли, которые государства берут на себя, являются следствием их идентичности, которую они желают продемонстрировать перед международным сообществом. Кроме того, государства заботятся о своем онтологическом присутствии, т.е. они стремятся показать, что они важны для других акторов. Именно через свои национальные роли они оправдывают свое положение и свои виды на будущее в мировой политике. Анализируя национальные роли, можно понять, кто будет для отдельного государства союзником, а кто противником. Национальные роли дают возможность понять не только то, как государства представляют себя в международной системе, но и как они будут воспринимать другие государства и прочих акторов мировой политики. Здесь важно подчеркнуть, что отдельно взятое государство может играть большое количество ролей, которые могут меняться с течением времени и в зависимости от международной конъюнктуры.

Исходя из теории ролей, в Бахрейне столкнулись интересы двух государств, а именно Саудовской Аравии и Ирана, претендующих на одну и ту же роль – защитника ислама. И если Саудовская Аравия выступает «консервативным» защитником, то Иран – «прогрессивным». Ислам выступает неотъемлемой частью Саудовской Аравии с момента ее образования в 1932 году в виде самостоятельного государства. Саудовская Аравия, придерживающаяся салафитских принципов, считает себя защитником ислама по двум причинам. Во-первых, на ее территории располагаются два из трех священных исламских города – Мекка и Медина. Во-вторых, с 1986 года король Саудовской Аравии носит титул «Хранителя двух святынь». С 1970-х годов, когда произошло улучшение ее материального благополучия вследствие рез-

кого роста цен на нефть, Саудовская Аравия начала инвестировать в страны региона, чтобы обеспечить себе лидерство и помещать распространению не выгодных для себя идеологий. Она финансировала менее богатые страны, представляя себя защитником ислама и распространяя свои консервативные религиозные взгляды. Однако после революции в Иране у нее появился на этом идеологическом поле прямой конкурент, заставивший увеличить помощь другим государствам и иностранным организациям, чтобы сохранить за собой роль международного защитника веры. Шииты стали все чаще называться девиантной и опасной сектой, вышедшей за рамки ислама. Так, верховный муфтий Саудовской Аравии, А.-А. ибн Абдуллах Аль аш-Шейх, в сентябре 2016 года сказал местному журналисту: «Ты должен понимать, что иранцы не являются мусульманами, они потомки маджусов. Их враждебность к мусульманам, особенно к суннитам, идет из глубины веков».

С 1979 года Иран, в свою очередь, презентует себя также защитником веры, осуществившем подлинную исламизацию политической жизни и руководствующимся в своей внешней политике религиозными принципами. Иран взял на себя роль духовного руководителя всех мусульман, ответственного за то, чтобы никакой политический лидер не сбился с религиозного пути. Представляя себя защитником ислама, он пытается преодолеть конфессиональные барьеры. По сравнению с Саудовской Аравией Иран находится в менее выгодном положении, поскольку суннитов в мире значительно больше, чем шиитов. Тем не менее Иран настаивает на том, что роль защитника веры должна принадлежать государству, отстаивающему панисламизм и не отдающему приоритет той или иной группе. Саудовская Аравия, с официальной позиции Тегерана, не представляет интересы даже

своего народа, придерживаясь разъединяющей ветви ислама – салафизма (ваххабизма).

Здесь можно процитировать высказывания одного из влиятельнейших генералов КСИР К. Сулеймани. По его словам, «хотя сегодня многие государства заявляют о своем лидерстве в исламском мире, никто из них не готов в полной мере возложить на себя крайне опасное бремя ответственности, кроме Ирана». Долголетняя поддержка исламских борцов, защита мусульман и ислама от происков врагов, оказываемая Ираном, позволяет только ему взять на себя лидерство в исламском мире. Главным источником легитимности иранского лидерства, по его мнению, выступает «величие исламской революции», а также масштабы и степень ее влияния в регионе и на международной арене.

Для К. Сулеймани и в целом современных иранских властей сегодня в мусульманском мире сформировалось два лагеря – тех, кто поддерживает ислам, и тех, кто поддерживает врагов ислама. Иран и его союзники относятся к первому лагерю, тогда как его суннитские соседи, получающие помощь от Запада, принадлежат ко второму лагерю. Практически все конфликты на Ближнем Востоке идут по этой линии, постоянно подпитываясь сознательными и целенаправленными действиями врагов ислама. В этом контексте ИГ и другие подобные группы есть ничто иное, как средство, созданное и используемое Западом для разрушения исламского сообщества изнутри. Генерал КСИР И. Масджеди подчеркивал, что «саудиты, американцы и сионисты используют ИГ для уничтожения настоящего ислама, защищаемого фронтом во главе с шиитами». Описывая роль Ирана в Ираке и Сирии, другой командир КСИР, И. Хейдари, отмечал, что боевые действия в этих странах представляют собой не обычную гражданскую войну, а «борьбу ислама против неверных, войну добра против зла». На стороне добра находятся Иран, Хезбол-

ла, иракские и афганские борцы, а на стороне зла – Израиль, Саудовская Аравия, Турция, Катар, ОАЭ, США, Франция и другие европейские страны. Подобным образом, но уже в контексте обязательств перед палестинцами, секретарь Высшего совета национальной безопасности Ирана А. Шамхани заявлял, что «в то время как другие государства, в том числе суннитские, не замечают бесчеловечные преступления сионистского государства, Иран оказывает львиную долю всей помощи угнетаемому палестинскому народу, большая часть которого является суннитами».

Эти роли, играемые Саудовской Аравией и Ираном, нашли отражение в их современной политике по отношению к Бахрейну. С обретением независимости от Британии Бахрейн получил одну серьезную, до сих пор неразрешенную, проблему, заключающую в том, что власть в стране неизменно находится в руках суннитского меньшинства, тогда как большинство населения составляют шииты. В 1979 году бахрейнские шииты, как их реформистская, так и революционная часть, приобрели мощного покровителя в лице Ирана. Новые иранские лидеры рвались помочь шиитам в соседних странах свергнуть суннитских правителей, создав даже специальное управление, занимающееся «экспортом революции». Р. Хомейни никогда не скрывал международные масштабы своих преобразований, предостерегая от разделения мусульманской уммы границами национальных государств. В июне 1979 года аятолла С. Рохани вернулся к старым территориальным претензиям, назвав Бахрейн четырнадцатой провинцией Ирана. Вместе с тем он объявил недействительным решение Ирана о признании Бахрейна суверенным государством, принятое в 1971 году. Хотя министр иностранных дел Ирана И. Язди отверг заявления С. Рохани, не являющегося официальным представителем правительства, суннитские правители Бахрейна прекрасно понимали,

что в переходные периоды мнение влиятельных лиц может иметь гораздо больший вес, чем мнение даже самых высокопоставленных чиновников. Учитывая такую опасность, они стали с большим подозрением относиться к шиитам своей страны, воспринимая их «пятой колонной» недавно созданной Исламской республики.

Обретя внешнего покровителя, шииты за последующие два десятилетия провели несколько крупных демонстраций протеста, будучи даже обвиненными суннитскими властями в попытке государственного переворота. Новый правитель, Х. аль-Халифа, анонсировавший политические реформы и преобразовавший эмират в королевство, оставил за собой широкие полномочия, гарантирующие сохранение власти в руках суннитской элиты и мешающие прекращению дискриминации шиитов. Наряду с практиковавшимся лишением гражданства шиитских диссидентов правительство запустило программу по натурализации иностранцев-суннитов, желающих служить в вооруженных силах или полиции. Чтобы усилить электоральный вес суннитов, правительство согласилось на реинтеграцию в бахрейнское общество потомков племени давасир, изгнанному в 1926 году в Саудовскую Аравию за сопротивление реформам, инициированным Британией. До 20000 человек, живущих главным образом в саудовском Даммаме, получили право на двойное гражданство. Те из них, кто пожелал переехать в Бахрейн, могли рассчитывать на жилье и пособие от государства. Дискриминация нашла отражение и в процессе формирования избирательных округов. Так, некоторые шиитские округа включали тысячи избирателей, тогда как некоторые суннитские округа – всего сотни избирателей.

Протесты в Северной Африке, Йемене и Сирии подтолкнули шиитов в очередной раз открыто выступить против политики, ведущейся правящей семьей. Демонстрации на-

чались 14 февраля 2011 года, вскоре сконцентрировавшись на Жемчужной площади в центре Манама. В начале к демонстрантам присоединились и многие сунниты, но очевидное преобладание шиитов заставило их отказаться от дальнейшего участия в протестах. К рассвету 17 февраля правительство силой очистило площадь от демонстрантов. 20 февраля демонстранты вновь собрались на Жемчужной площади, расширив свои требования. Если ранее речь шла о смене политики, то теперь уже о свержении правящей семьи и уничтожении монархии. Власти попытались наладить диалог с оппозицией, но ситуация продолжала ухудшаться. Когда демонстранты заблокировали находящийся рядом с Жемчужной площадью деловой квартал, угрожая двинуться к королевскому дворцу, правящая семья обратилась за помощью к ССАГПЗ. 14 марта 1200 военнослужащих Саудовской Аравии и 800 полицейских ОАЭ вошли в Бахрейн, заняв все стратегически важные позиции в столице и ее окрестностях. Заручившись внешней поддержкой, бахрейнские силы безопасности вновь разогнали демонстрантов с Жемчужной площади, инициировав волну арестов шиитских лидеров.

Официально ССАГПЗ развернул свои силы в Бахрейне по просьбе его правительства, которое начало терять контроль над демонстрантами. Однако существуют все основания верить, что данная интервенция была проведена не стихийно, как следствие резко изменившихся условий, а в соответствии с заранее разработанным планом. В декабре 2011 года журналист ВВС Б. Лоу сообщил, что источник близкий к министру внутренних дел Саудовской Аравии сказал ему, что еще за две недели до введения войск, бахрейнцы получили сообщение, что если они самостоятельно не справятся с демонстрантами, то за них это сделают саудовцы. Саудовская Аравия обоснованно опасалась за свою национальную безопасность, которой угрожало расширение

сферы влияния Ирана в регионе Персидского залива. По мнению директора каирского Центра региональных и стратегических исследований «Аль-Шарк» М. аль-Лаббады, решение Саудовской Аравии отправить войска в Бахрейн мотивировалось не столько желанием помочь дружественной монархии, сколько желанием помочь самой себе.

Свержение в Бахрейне семьи аль-Халифа в результате шиитского восстания негативно сказалось бы на экономических и стратегических интересах Саудовской Аравии и, как следствие, на интересах ее союзника США. Шиитское правительство в Манаме «приблизило» бы Иран к границам Саудовской Аравии, повысив риск дестабилизации ситуации в ее Восточной провинции, где проживают шииты. Саудовская элита понимала, что победа шиитов в Бахрейне повлияет на настроения шиитов Восточной провинции, учитывая традиционно крепкие транснациональные связи, существующие между ними в регионе Персидского залива. Саудовские шииты могли поднять восстание, лишив Эр-Рияд контроля над своим главным экономическим центром. Именно в Восточной провинции расположены основные нефтяные месторождения, нефтехимические заводы и экспортные терминалы. На территории этой провинции и прилегающих к ней водах находятся крупнейшее в мире береговое месторождение Гавар и крупнейшее морское месторождение Сафания, крупнейший в мире нефтехимический завод по стабилизации сырой нефти (рядом с Абкайком), а также крупнейший в мире морской терминал для погрузки нефти Рас-Танура, через который экспортируется две трети всей саудовской нефти. Политические изменения в Манаме могли привести к тому, что Саудовская Аравия потеряла бы свои инвестиции как собственно в Бахрейне, так и в других странах, сделанных через финансовые структуры Бахрейна.

Экономическое ослабление Саудовской Аравии, которое бы последовало за выходом Бахрейна из ее сферы влияния, противоречило интересам США. После Канады Саудовская Аравия является вторым крупнейшим поставщиком сырой нефти в США, а также крупным инвестором в американскую экономику. Со своей стороны Саудовская Аравия ежегодно покупает огромные объемы американского оружия, способствуя сохранению тысяч рабочих мест. Высокая доля импорта и невоенных товаров. Таким образом, экономические интересы заставили Вашингтон сделать все возможное, чтобы удержать монархии Персидского залива в орбите влияния Саудовской Аравии. Приход к власти в Бахрейне шиитов подорвал бы экономическое благополучие США, поскольку подтолкнул Иран усиливать свои связи со странами ССАГПЗ в ущерб США.

Иран довольно сдержанно отреагировал на события в Бахрейне, не оправдав ожиданий монархий Персидского залива, считавших, что он никогда не упустит возможности укрепить «шиитский полумесяц». Тегеран заявил, что он не причастен к демонстрациям в Бахрейне, которые, по его мнению, следует рассматривать в контексте «Арабской весны», т.е. как результат недовольства населения политической системой. По словам А. Хаменеи, причины недовольства народа Бахрейна мало чем отличаются от причин недовольства народов Египта, Туниса или Ливии, во всех этих случаях народ требовал свободных выборов и ничего больше. Он подчеркнул, что Иран поддерживает все народные движения, действующие под исламскими освободительными лозунгами, и не проводит различий между Газой, Палестиной, Тунисом, Ливией, Египтом и Бахрейном. По сути Иран не хотел, чтобы его обвиняли в причастности к событиям в Бахрейне, подчеркивая, что они носят не религиозный, а чисто политический характер. Иран, исходя из его официальной позиции, поддержал восставших

в Бахрейне именно потому, что не мог оставаться в стороне, когда в соседнем государстве единоверцы, по словам спикера Меджлиса А. Лариджани, борются за легитимное право быть услышанными собственным правительством.

Придерживаясь своей роли, Иран обвинил США в ложной интерпретации событий «Арабской весны» в своих собственных интересах. М. Ахмадинежад, занимая в то время пост президента, заявил, что Запад провоцирует никому ненужный конфликт между Саудовской Аравией и Ираном, уверяя, что в Бахрейне идет война между суннитами и шиитами. В русле тех же рассуждений А. Хаменеи объявил, что те, кто считает протесты жителей Бахрейна против деспотизма конфликтом между шиизмом и суннизмом оказывают огромную услугу США. Вместе с тем Иран попытался ответить на обвинения, касавшиеся его вмешательства во внутренние дела Бахрейна. Интересно, но многие ученые также настаивали, что подобные обвинения не имели под собой серьезных доказательств, а Иран никак не связан с людьми, вышедшими на улицы Бахрейна в ходе «Арабской весны».

Иран не изменил своей роли и после интервенции в Бахрейн сил «Щит полуострова», которые помогли семье аль-Халифа. Он осудил интервенцию и Саудовскую Аравию, стоящую за ней. Согласно иранским официальным СМИ, король Саудовской Аравии и другие монархи вмешались во внутренние дела Бахрейна, опасаясь, что революция достигнет и их государств. При этом подчеркивалось, что Саудовская Аравия действовала и в интересах США, с которыми она находится в союзнических отношениях. Иран вновь подтвердил свой нейтралитет по отношению к Бахрейну, упрекнув Саудовскую Аравию в избрании неверного пути, ведущего к серьезным последствиям.

Действия Ирана носили ответный характер, оставаясь на уровне риторики. Действительно, Иран осудил репрессии

властей Бахрейна к своим подданным и военную интервенцию во главе с Саудовской Аравией, но не предпринял никаких шагов, по крайней мере о которых было бы известно широкой общественности, по вмешательству в бахрейнские события и наказанию стран ССАГПЗ, например, он не разорвал дипломатических связей. Наоборот, Иран отправил своего министра иностранных дел в своеобразное турне по странам Персидского залива, чтобы избежать ухудшения отношений. Скорее всего, как считает Ш. Чубин, Иран оказался не готовым к «Арабской весне» в Персидском заливе, крайне удивившись, как быстро страны ССАГПЗ смогли разработать и провести военную операцию в Бахрейне. Национальная роль определила дискурс лидеров Ирана, при этом оказавшись своеобразным ингибитором прямого вмешательства в дела Бахрейна. Считая себя лидером исламского мира, чуждого конфессиональных разногласий, насаждаемых Западом, Иран не предпринял никаких прямых действий, интенсифицировавших региональное соперничество, а наблюдал за происходящим в Бахрейне, надеясь, что оппозиционные силы все же захватят власть и провозгласят о приверженности близким ему ценностям.

Саудовская Аравия понимала, что «Арабская весна» означает как новые угрозы, так и новые возможности, по-разному реагируя на конкретные ситуации. Она пользовалась двойными стандартами, поддерживая одни оппозиционные движения и противостоя другим. Выбор такого подхода объяснялся национальной ролью Саудовской Аравии, представлявшей себя традиционным защитником религиозной веры и гарантом стабильности в регионе. Саудовская Аравия восхваляла революции в странах за пределами региона Персидского залива, но придерживалась крайне контрреволюционной линии в рамках этого региона. События в Бахрейне представляли угрозу Саудовской Аравии, поскольку могли

поколебать статус-кво. Опасаясь их влияния на свое шиитское население и расширения влияния Ирана, Саудовская Аравия заняла сторону правящей семьи аль-Халифа и потребовала от бахрейнцев уважать свое легитимное правительство.

Саудовская Аравия согласилась с позицией Бахрейна, что восстания спровоцировал Иран. Эр-Рияд, указывая на Иран, отмечал, что полностью осуждает любое внешнее вмешательство во внутренние дела Бахрейна. Вместе с тем Саудовская Аравия сразу же отреагировала интервенцией на просьбу правительства Бахрейна, посчитав его безопасность и стабильность крайне важными для ССАГПЗ. Согласно заявлениям ССАГПЗ, цель операции состояла в том, чтобы защитить Бахрейн от подрывных, разрушительных и безответственных действий оппозиционных групп. Также представители ССАГПЗ всячески подчеркивали, что операция не может считаться иностранной интервенцией, поскольку она проводится в рамках договора о взаимной обороне, подписанного всеми его членами.

Защищая свою религиозную роль, Саудовская Аравия активно использовала тему «шиитского полумесяца», изображая шиитов главными провокаторами региональной дестабилизации. С 1980-х годов Эр-Рияд предпочитал союзы с суннитскими странами и политическими группами, хотя в его дискурсе присутствовала идея панисламизма. Лидеры Саудовской Аравии отмечали, что они толерантны к любому направлению в исламе, если это не связано с трансформацией регионального порядка. Однако многие авторы заметили, что Саудовская Аравия стала в последнее время все более использовать конфессиональные разногласия для обеспечения своей власти в регионе. Столкнувшись с угрозой расширения иранского влияния, она активизировала агрессивный конфессиональный дискурс, противопоставляя ССАГПЗ и суннитов, с одной стороны, Ирану и шиитам, с другой.

События в Бахрейне продемонстрировали Саудовской Аравии, что США уже не желают обеспечивать безопасность в регионе в прежней манере. Еще после вторжения США в Ирак среди монархий Персидского залива возникло подозрение относительно способности США в одиночку гарантировать безопасность региона. Как следствие, Саудовская Аравия и другие страны ССАГПЗ начали наращивать свои военные возможности, в больших масштабах закупая современное вооружение. Так, в 2010 году Саудовская Аравия заключила крупнейшую в своей истории сделку, купив американского оружия и систем вооружения на сумму более 60 млрд долларов. Расширяя свои военные возможности, Саудовская Аравия стремилась добиться большей самостоятельности в деле обеспечения своей безопасности, поскольку испытывала немалые сомнения в готовности США поддерживать своих союзников в случае какого-либо кризиса. События в Бахрейне подтвердили предположения Саудовской Аравии. США подвергли критике силовое подавление демонстрантов, заявив, что правительству следует рассматривать их как легитимных политических акторов, выступающих с вполне правомерными требованиями. Вашингтон высказался в пользу нового политического соглашения и конфессионального примирения в Бахрейне. Саудовская же Аравия, несмотря на позицию США, противостояла каким-либо политическим реформам, поскольку они могли увеличить власть шиитов. В итоге Саудовская Аравия провела военную операцию, названной ее лидерами вынужденной мерой, направленной на защиту Бахрейна от иранского влияния, без официального одобрения США.

Интервенция в Бахрейн, осуществленная под суннитскими флагами, придала новую энергию давнему стремлению Саудовской Аравии закрепиться в качестве безусловного лидера в ССАГПЗ. Как отметил М. Камрава, «Арабская

весна», а точнее события в Бахрейне, доказали Саудовской Аравии актуальность и своевременность ее проактивной дипломатии, без которой невозможно представить никакого регионального лидера. В мае 2011 года Саудовская Аравия пригласила присоединиться к ССАГПЗ Иорданию и Марокко, пытаясь изменить смысл организации. После успешного расширения данная организация, которая уже основывалась бы на политической, а не на географической близости, объединила бы все суннитские монархии мира под руководством Саудовской Аравии.

Подводя итог, отметим, что события 2011 года в Бахрейне обострили конфессиональные разногласия, радикализовав конфликтующие стороны. В среде шиитского сообщества появились никому не подчиняющиеся воинственные молодежные группы, устраивающие столкновения с силами безопасности в пригородах Манама. Действуя под общим флагом «Движение 14 февраля», эти группы не составляли единого целого, контактируя друг с другом через социальные сети. Они не признавали никакие политические организации, считая их слишком «мягкими», при всем том их численность достигала нескольких тысяч человек. В правящей семье наибольший вес приобрели сторонники бескомпромиссного подавления оппозиции. На фоне событий 2011 года король Х. аль-Халифа, унаследовавший трон как реформатор, более открытый к диалогу, чем его отец, оказался не в силах победить консерваторов. Успех сторонников жесткой линии поведения во многом объяснялся их тесными связями с правительством Саудовской Аравии. И саудовское руководство, и бахрейнские сторонники жесткой линии видели в протестах иранский заговор, направленный на свержение легитимного правительства в интересах шиитов. Любая попытка прийти к взаимопониманию с шиитской оппозицией интерпретировалась ими как опасное проявление слабости. Саудовская

Аравия всегда настаивала, что не допустит конституционной монархии в Бахрейне, которую требовали представители шиитской оппозиции.

Таким образом, вся история международных отношений суверенного Бахрейна, где власть находится в руках суннитов, тогда как большинство населения принадлежит к шиитам, иллюстрирует значение религиозного фактора во внешней политике государств, составляющих регион Персидского залива. Попытка государственного переворота 1981 года, «бахрейнская интифада» 1990-х годов и многие другие эпизоды противопоставили друг другу Иран и Саудовскую Аравию, играющие собственные национальные роли, определяемые религиозной составляющей. «Арабская весна» в Бахрейне вновь доказала значение религиозного фактора для региональных акторов, проецирующих влияние на это небольшое государство. У Саудовской Аравии было несколько причин для прямого вмешательства во внутренние дела Бахрейна, однако среди них преобладало желание сохранить монархическую власть суннитов. Иран же довольно сдержанно отреагировал на интервенцию, мотивируя свое поведение приверженностью панисламизму. Действительно, как показывает борьба за Бахрейн, религиозный фактор многое объясняет в сотрудничестве и конфликтах в регионе Персидского залива, однако его нельзя абсолютизировать, учитывая, в частности, недавний раскол в суннитском блоке и самостоятельную политику Катар.

ЧАСТЬ 7.

Религиозные основы «отклоняющейся» политики Катара

На протяжении всей своей истории суверенного существования Катар часто вел политику, не соответствующую привычным для региона Персидского залива паттернам. Среди прочего его политика шла вразрез с политикой регионального лидера – Саудовской Аравии, что периодически порождало различные инциденты, всплески напряженности и недоверия. На первый взгляд может показаться, что поведение Катара опровергает тезис о важности религиозного фактора для стран рассматриваемого региона. Однако детальный анализ, проведенный с позиций конструктивистской парадигмы, показывает, что у внешней политики Катара значительные религиозные основы. Катар, официально исповедуя, как и Саудовская Аравия, салафизм (ваххабизм), пытается обрести свою собственную религиозную идентичность и играть свою собственную религиозную роль на международной арене, что во многом и объясняет его «девиантное», «отклоняющееся» поведение.

Катар имел противоречия с Саудовской Аравией с самого начала своего независимого существования, однако они стали очевидными лишь в середине 1990-х годов. В 1995 году наследный принц Х. Аль Тани (Хамад) сверг своего отца Х. Аль Тани (Халифу), получившего власть в результате подобного дворцового переворота еще в 1972 году. Переворот середины 1990-х годов привел к усилению политических коллизий Ка-

тара с Саудовской Аравией, подержавшей смещенного эмира. Во время правления Х. Аль Тани (Халифы) Катар находился в политической тени Саудовской Аравии, подчиняя, в частности, свою внешнюю политику требованиям Эр-Рияда. Получив власть, Х. Аль Тани (Хамад) провел ряд политических и экономических реформ, направленных на либерализацию соответствующих сфер жизнедеятельности. Преобразования начались с отмены цензуры СМИ в 1995 году и создания спутникового телеканала «Аль-Джазира» в 1996 году, продолжившись расформированием Министерства информации в марте 1998 году, введением выборов в Центральный муниципальный совет в марте 1999 года и принятием по результатам состоявшегося в апреле 2003 года народного референдума новой конституции. Заменив собой временную конституцию 1972 года, она даровала всеобщее избирательное право и гарантировала гражданские, политические и социальные права. За принятием новой конституции последовали изменения юридической и образовательной систем, а также изменения трудового законодательства. Кроме того, Х. Аль Тани предпринял шаги по либерализации экономики, прежде всего энергетического сектора, создав благоприятные условия для привлечения прямых иностранных инвестиций и иностранных специалистов в области сжижения природного газа.

Именно в 1995 году начинается активная трансформация Катара. Х. Аль Тани, а также ряд других членов семьи, почитали, что Катару необходимо в полной мере воспользоваться возможностями, даваемыми огромными ресурсами природного газа. Они предприняли ряд шагов, чтобы превратить Катар в важного регионального и международного игрока. Катар предложил США более масштабно использовать возможности базы «Аль-Удейд», разрешил гражданам Израиля открывать на своей территории торговые представительства, начал чаще предоставлять убежище различным

иностранным оппозиционерам, учредил «Аль-Джазиру» и «Катарский фонд», которые должны были работать на расширение его влияния в медийной и образовательной сферах соответственно. Канал «Аль-Джазира», спонсируемый Катаром, оказал революционное воздействие на все арабские СМИ. Впервые в истории арабских СМИ события стали освещаться с различных сторон. Как правило, экспертами и гостями приглашались представители трех сторон арабской политики: политического ислама, арабского национализма и прозападного либерализма. Все эти реформаторские начинания Катара вызвали неприязнь Саудовской Аравии, которая поддержала две попытки контрпереворота (в 1996 и 2005 гг.), направленных на возвращение к власти тех членов катарской королевской семьи, которые были готовы следовать ее распоряжениям.

Однако кризис в отношениях Катара и Саудовской Аравии по-настоящему проявился только с началом «Арабской весны». В 2011 году Катар взял на себя роль сторонника арабских восстаний и покровителя сети исламистских групп, связанных с «Братьями-мусульманами». Он оказал политическую и финансовую помощь вооруженным восстаниям против М. Каддафи в Ливии и Б. Асада в Сирии. Он поддерживал правительство М. Мурси в Египте, правительство «Партии возрождения» в Тунисе и правительство ХАМАС в Газе. Поддержка Катаром различных исламистских сил привела к ухудшению его отношений с другими государствами Персидского залива. Так, в 2013 г. ОАЭ арестовали более 60 граждан Катара, обвиненных в подготовке переворота с целью создания в стране исламского государства и в вербовке бойцов для экстремистской группировки «Джебхат ан-Нусра», сражающейся в Сирии против правительственных войск.

Катар посягнул на влияние Саудовской Аравии в Йемене, считавшей его своей «вотчиной» и долгое время финанси-

рующей его правительство. С началом народных протестов в Йемене, Катар первым среди арабских стран предложил президенту А.А. Салеху покинуть свой пост. На это А.А. Салех ответил, что «наша легитимность проистекает от нашего великого народа, а не от Катара, инициативы которого мы не признаем». Катар поддерживал и поддерживает связи с нобелевским лауреатом и известной йеменской активисткой Т. Карман. В 2017 г. она написала, что «те, кто ныне осаждает Катар, уже долгое время осаждают Йемен и убивают его граждан, стремясь расколоть страну». Подразумевая блокаду Катара со стороны Саудовской Аравии и ее региональных союзников, она подчеркнула, что Катар расплачивается за свое положительное отношение к борьбе людей за свободу и достоинство. По мнению Саудовской Аравии, Катар саботировал ее попытки разрешить кризис в Йемене дипломатическим путем, тем самым усиливая хуситов и способствуя окончательной фрагментации этой страны. В интервью, данном в 2011 г. RT, президент А.А. Салех заявил, что «сегодня Катар финансирует хаос и беспорядки в Йемене, Сирии, Египте и, возможно, по всему арабскому миру. У него много денег при небольшой численности населения, и он просто не знает, как их потратить. Он хочет быть значительной страной в регионе Персидского залива и на всем Ближнем Востоке. ... Мы не будем подписывать подготовленное ССАГПЗ соглашение о примирении с оппозицией, если Катар продолжит принимать в этом процессе участие».

В июне 2013 года власть в Катаре перешла от Х. Аль Тани к его сыну, Т. Аль Тани. Уже в первых своих выступлениях и речах Т. Аль Тани сделал акцент на том, что Катар – это суверенное государство, а не политическая партия, и поэтому он будет стремиться выстраивать добрые отношения со всеми правительствами и странами, уважая все политические силы в регионе. Многие наблюдатели интерпретировали

заявления Т. Аль Тани как признак того, что Катар займет более взвешенную позицию в региональных делах, разорвав свои наиболее спорные отношения. Первоначальный ответ Катара на военный переворот в Египте 2013 года, как казалось, подтвердил ожидания относительно его новой линии поведения. Сразу же после свержения М. Мурси Катар официально заявил, что будет как и ранее уважать волю египетских властей и всего египетского народа, положительно оценивая действия египетских военных, защитивших страну и ее национальные интересы. Однако спустя две недели отношения Катара к Египту приобрели уже иную форму. Катар выразил беспокойство относительно продолжающегося кровопролития в стране, потребовав от новых властей более сдержанного поведения и возвращения к диалогу с политическими оппонентами. Вместе с тем Катар потребовал освобождения М. Мурси, удивившись, что новые египетские власти считают его опасностью для достижений «Революции 25 января». В то же время «Аль-Джазира» избрала новый язык для полемики и противодействия изменениям, произошедшим в Египте. Можно сказать, что после прихода к власти Т. Аль Тани «Аль-Джазира» еще более, чем ранее, обозначила свои симпатии к «Братьям-мусульманам».

В сентябре 2013 году отношения между Катаром и Египтом еще более ухудшились, поскольку Доха не изменила своей позиции, продолжая вызывать недовольство Каира. Египет запретил вещание в стране «Аль-Джазире» и закрыл ее местный филиал, назвав ее журналистов непрофессионалами, нарушающими существующие нормы и законы. Египет вернул перечисленные ему Катаром во время правления М. Мурси 2 млрд долларов, которые должны были быть обменяны на государственные облигации. Саудовская Аравия и ОАЭ, наоборот, пообещали выделить Египту поддержку в размере 5 и 3 млрд долларов соответственно в форме поста-

вок нефти и газа, ссуд и безвозмездных переводов. В декабре, после того как Египет причислил «Братьев-мусульман» к террористическим организациям, его власти арестовали трех журналистов, работающих на «Аль-Джазиру», обвинив их в формировании террористических ячеек, распространяющих ложную информацию. Катар сделал заявление, назвав запрет «Братьев-мусульман» прелюдией к политике уничтожения демонстрантов, что привело к вызову его посла Каиром.

Новое обострение в отношениях Катара со своими соседями произошло в июне 2017 года, когда Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн разорвали с ним дипломатические связи, закрыли границы и приостановили авиасообщение, обвинив его в поддержке терроризма, в сотрудничестве с Ираном и «неверной» информационной политике «Аль-Джазире». К концу июня 2017 года Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн и Египет при посредничестве Кувейта, предъявили Катару ультиматум, призвав в течение 10 дней выполнить 13 требований, среди которых особо выделялись требования закрыть канал «Аль-Джазира», понизить уровень дипломатических отношений с Ираном и прекратить военное сотрудничество с Турцией. Катар сразу же отверг возможность уступок со своей стороны, заявив, что выдвинутые требования невыполнимы и нарушают его суверенитет. На начало 2020 года кризис остается неразрешенным, оказывая серьезное влияние на все международные отношения в регионе Персидского залива.

Непосредственным поводом кризиса послужили по крайней мере три события. В апреле 2017 г. Катар заплатил выкуп шиитской военизированной группировке «Катаиб Хезболла» за освобождение членов правящей семьи, захваченных в декабре 2015 года в южном Ираке во время соколиной охоты. Получатель и сумма выкупа вызвали недовольство Саудовской

Аравии, посчитавшей, что Катар тем самым финансирует терроризм и косвенно помогает Ирану, с которым эта группировка, действующая на территории Ирака и Сирии, неразрывно связана. В конце мая 2017 г. на сайте Катарского информационного агентства появилось сообщение от имени эмира страны о необходимости нормализации отношений с Ираном. Катар заявил о хакерской атаке на сайт, однако Саудовская Аравия посчитала его опровержения мало убедительными, настаивая, что слова о сближении с Ираном принадлежат именно эмиру. Интересно, что, по мнению некоторых представителей американских разведслужб, хакерскую атаку организовали ОАЭ, чтобы оправдать готовящуюся дипломатическую атаку на Катар. В начале июня 2017 года Саудовская Аравия и ее ближайшие союзники в регионе упрекнули катарский канал «Аль-Джазира» в чрезмерном внимании к истории со взломом электронной почты посла ОАЭ в США Ю. аль-Отайбы, показавшей неприемлемые для салафитских монархий связи Абу-Даби с израильским Фондом защиты демократий.

Политика Катара показывает, что он ведет себя далеко не так, как ожидается от малых государств. Для неореалистов влиять на международную ситуацию могут только крупные державы, обладающие соответствующими материальными возможностями. Малые же государства, располагающие более скромными возможностями, считаются слабыми акторами, внешняя политика которых зависит от воли крупных держав, характера их взаимодействия или сложившегося баланса силы. Отталкиваясь от этого, неореалисты утверждают, что внутренние факторы не оказывают влияния на внешнюю политику малых государств, поглощенных нейтрализацией последствий анархии в международной системе. Также они подчеркивают, что малые государства выступают лишь объектами мировой политики, подчиняясь воле крупных держав. Неолибералы также скептически относят-

ся к малым государствам и их влиянию на международную систему, хоть и в меньшей степени, чем неореалисты. Они допускают, что малые государства могут иметь вес в определенных областях, в частности в экономике. Однако даже в этом случае они будут подчинены если не воле крупных держав, то международным организациям и институтам. Как следствие, от малых государств следует ожидать строго определенного внешнеполитического поведения. Во-первых, они будут демонстрировать низкий уровень участия в мировых делах. Во-вторых, они будут концентрироваться на собственном географическом регионе. В-третьих, они будут пользоваться только дипломатическими и экономическими инструментами, сторонясь военных. В-четвертых, они будут пытаться сотрудничать с другими государствами, всячески избегая конфликтов.

По мнению неореалистов и неолибералов, малые государства уделяют значительно больше своего внимания собственному выживанию, чем крупные государства. В своей классической работе Р. Арон отмечал, что из-за непропорционального внимания к выживанию малые государства не могут иметь мирополитических амбиций. Их деятельность сводится к ограничению влияния международной среды. Все это означает, что малые государства способны только реагировать, но никак не управлять ключевыми международными событиями. Малые государства, имеющие меньше материальных возможностей, чем крупные государства, склонны концентрироваться на проблемах лишь собственного региона, а не на проблемах глобальных. Согласно М. Исту, обладая меньшими ресурсами, малые государства ограничивают свою внешнеполитическую деятельность довольно узким географическим пространством. Малые государства отдают приоритет дипломатическим и экономическим инструментам. Частично это связано с тем, что их интересуют

экономические вопросы, поскольку из-за своего небольшого внутреннего рынка они вынуждены более активно развивать международную торговлю. Как отмечалось выше, неореалисты подразумевают, что ограниченные возможности малых государств делают их более уязвимыми перед опасностями, исходящими от анархичной международной системы. Следовательно, малые государства будут в целом избегать международных конфликтов, чтобы минимизировать угрозы их выживанию. Скорее они будут демонстрировать поведение, ориентированное на сотрудничество. От них следует ожидать, как предполагается, более активной поддержки различных международных институтов и организаций, поскольку они наделяют их большим политическим влиянием, ограничивая власть крупных государств. Пытаясь защитить позиции, предпочтительные для их выживания, они будут заинтересованы в формировании международной политической культуры.

Катар, будучи малым государством, действует в противоречии с ожидаемыми от него поведенческими паттернами. Процветание, которое Катар добился благодаря своим природным ресурсам, позволяет ему вести необыкновенно амбициозную для подобного рода акторов внешнюю политику. Катар пытается занять место главного примирителя или посредника в урегулировании конфликтов по всему Ближнему Востоку, как межгосударственных, так и внутренних. К настоящему времени ему удалось стать одним из наиболее активных посредников на Ближнем Востоке, обойдя более могущественных традиционных посредников, таких как Саудовская Аравия. Он финансово и логистически поддерживает различные исламистские группы в Сирии, Ливии и Ираке и других странах, а также прагматично воспринимает Иран, не боясь ухудшения отношений с его ближайшими соседями и наиболее потенциальными союзниками Саудовской Аравии и ОАЭ. Он помогал НАТО в ее операции в Ливии, направ-

ляя в страну истребители и спецподразделения. Кроме того, Катар усилил свою «мягкую силу», создав влиятельную глобальную вещательную сеть «Аль-Джазира», и улучшил свой международный статус, получив право на проведение чемпионата мира по футболу в 2022 г.

Поведение Катара, считающегося малым государством, невозможно полноценно объяснить с точки зрения неореалистских и неолиберальных подходов. Несмотря на открытость миру, важной переменной во внешней политике Катара выступает его религиозная идентичность и избранная им религиозная роль. А коль так, то объяснения его поведения можно найти в рамках конструктивизма. Конструктивисты отрицают справедливость неореалистского и неолиберального утверждения, что существует объективная политическая реальность, независимая от ее социальной интерпретации. Наоборот, они указывают на важность влияния на поведение государств норм, ценностей, идей, идентичностей и восприятий. Согласно конструктивистам, поведение малых государств определяется не только структурой международной системы, но и их идентичностью, нормами, идеями и ценностями, которых они придерживаются. Исследовав внешнюю политику Грузии, Г. Гвалиа и его соавторы продемонстрировали, что идеи, идентичности и предпочтения элиты могут оказывать значительное влияние на поведение малых государств. К такому же выводу ранее пришел и К. Браунинг, изучив влияние идентичности и самовосприятия на внешнеполитическое поведение малых государств на примере Финляндии. Таким образом, можно утверждать, что необычное поведение Катара объясняется его самовосприятием и идентичностью, во многом связанными, безусловно, с религией.

Роль религиозных принципов и идей во внешней политике Катара подтверждается множеством эмпирических свидетельств. В 2010 году Х. Аль Тани заявил, что «мы определяем

приоритеты нашей внешней политики исходя из убеждений, ценностей и национальных традиций, изложенных в доктринах исламской религии и арабской цивилизации». Высшие должностные лица Катара не раз отмечали, что его внешней политикой, акцентированной на посредничестве, движет чувство долга – морального, культурного и, главным образом, религиозного. Обязанности, вытекающие из Корана, находят отражение и в конституции Катара.

Саудовская Аравия считает Катар опасным и вызывающим немалое беспокойство соседом, бросающим вызов ее пуританской интерпретации ислама и ведущейся ей антиреволюционной кампании по всему Ближнему Востоку. Катар постепенно оспаривает статус-кво, защищаемый Саудовской Аравией, не желающей распространения в регионе набирающей популярность идеи большей свободы, прозрачности и ответственности властей. При всем том, назвав свою главную мечеть в честь М. аль-Ваххаба, Катар вновь подтвердил свою приверженность салафизму, корни которой уходят в XIX в., когда в результате успешной борьбы с османами к власти пришла семья Аль Тани.

Консерватизм Катара, считающегося традиционным государством Персидского залива, не является простым отражением консерватизма соседней Саудовской Аравии с ее влиятельным духовенством, строгим образом жизни, полной гендерной сегрегацией, отрицанием иных религиозных практик и пр. Среди жителей Катара широко распространено мнение, что они исповедуют «салафизм моря», не похожий на «салафизм пустыни» Саудовской Аравии. Саудовская история борьбы племен за оазисы отличается от истории общинной жизни Катара, сконцентрированной вокруг морской торговли, обращенной далеко за пределы собственного региона. Катар всегда выражал большую готовность принять у себя иностранных политических изгнанников и оппозици-

онеров, опираясь на свои традиции «спасительного оазиса», уходящие корнями в XIX в. Уже тогда на его относительно удаленной и малонаселенной территории находили убежище пираты, беглецы и простые люди, скрывающиеся по различным причинам от преследований в своих родных местах.

Катар двояко относится к салафизму, рассматривая его одновременно как благо и как угрозу. С одной стороны, он служит эффективным средством легитимизации существующего режима, но с другой стороны он способен усилить контроль Саудовской Аравии, поскольку в Катаре нет местного влиятельного духовенства. Если Катар примет решение создать свое духовенство, то будет вынужден обратиться за соответствующей помощью к саудовскому духовенству, которое вряд ли откажется от своего господствующего положения. В этом случае новое местное духовенство, неизбежно восприняв политический ислам саудовского стиля, потребует усиления своего политического веса. Воздерживаясь же от создания своего духовного класса, лидеры Катара способны сохранять значительно большее поле для маневра. Они ограничивают влияние духовенства на политическую и социальную сферу. Вместе с тем прагматическое отношение к салафизму упрощает их диалог с «Братьями-мусульманами», который практически не возможен при его «идеальной» интерпретации и реализации.

В отличие от Саудовской Аравии легитимность правителей Катара никак не связана с духовенством. В Катаре нет религиозной полиции, занимающейся вопросами общественной морали. Все религиозные школы на его территории подчинены министерству образования, а не специальному религиозному органу как в Саудовской Аравии. В Катаре отсутствуют многие привычные для других исламских стран институты. Так, не существует должности Великого муфтия. Само Министерство по делам ислама и вакуффов начало свою

работу лишь 22 года спустя после обретения страной независимости. Отсутствие местного влиятельного духовенства позволяет властям Катара расширять права женщин, допускать употребление немусульманами алкоголя и свинины, финансировать западные культурные мероприятия и принять чемпионат мира по футболу в 2022 году.

Поступая таким образом, Катар создает себе образ менее ограничительного и менее консервативного салафитского общества, которое дает индивидам, независимо от их пола, больше свободы в выборе жизненного пути. В середине 1990-х годах катарские женщины напоминали жительниц Саудовской Аравии, не имея права водить автомобиль, голосовать и работать в правительстве. Сегодня они занимают видные позиции в различных секторах общества, символизируя успешные революционные преобразования. В соседней Саудовской Аравии ситуации практически не изменилась. Избрав подобную политику, Катар бросил вызов религиозным и культурным убеждениям, пропагандируемым Саудовской Аравией. Демонстрируя различия в религиозном мировоззрении между Катаром и Саудовской Аравией, декан колледжа шариата и исламских исследований в Катарском университете и один из ведущих сторонников парадигмы изменений А. аль-Ансари заявил в 2002 году: «Я считаю себя хорошим ваххабитом и одновременно современным человеком, поскольку более широко понимаю ислам. Принимая во внимание изменения в мире, мы [жители Катара] отказались от окостенелого склада ума, характерного для Саудовской Аравии».

Интересно, что альтернативное религиозное видение Катара нашло некий отклик и в самой Саудовской Аравии. Весной 2013 года принц М. Аль Сауд заявил, что религии не место в политике, тем самым вызвав беспокойство в рядах духовенства, потребовавшего встречи с королем. Впервые же о возможном отделении высказался принц Т. Аль

Сауд в начале 2000-х годах, сославшись на аят 4:59 из Корана: «О те, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху, повинуйтесь Посланнику и обладающим влиянием среди вас». По его мнению, данный аят относится исключительно к светской, а не к религиозной и светской власти. Консервативные улемы и салафиты не раз выражали беспокойство, что отдельные ключевые члены правящей семьи разделяют идею отделения государства и религии, забыв, что управляемая ими страна создана на основе пакта между семьей Аль Сауд и духовенством, представляя с тех пор модель исламского правления.

Конечно, свободы, предоставляемые властями Катара своим гражданам, далеки от тех свобод, которыми располагают современные европейские и восточноазиатские общества. Эмир Х. Аль Тани, который отрекся от власти в 2013 г. в пользу своего сына Т. Аль Тани, всегда подавлял оппозицию, настаивающую на необходимости реформ. В 1998 году, например, он арестовал религиозного ученого А. ан-Нуайми, критиковавшего его за улучшение прав женщин. В 2011 году суд приговорил к пожизненному сроку заключения, который впоследствии был сокращен до 15 лет, катарского поэта М. аль-Аджами, обвиненного в подстрекательстве к свержению режима. Однако, как считают многие правозащитники, его вина состояла лишь в том, что он негативно отзывался в своих произведениях о катарской правящей семье. В 2013 году ряд журналистов, рискуя подвергнуться репрессиям, потребовали расширения свобод, указывая на отсутствие закона о СМИ.

И Саудовская Аравия, и Катар стремятся оградить собственный регион от народных восстаний, однако делают это различными способами. Саудовская Аравия пытается бороться с восстаниями, Катар же пытается контролировать их в своих интересах. Саудовская Аравия предпочитает везде, где это возможно, поддерживать статус-кво, прежде всего

ограничивая влияние «Братьев-мусульман». Ее негативное отношение к этой организации объясняется страхом, что исламское правительство в какой-либо другой стране будет угрожать ее претензиям на лидерство в мусульманском мире, обосновываемое владением Меккой и Мединой, пуританской интерпретацией ислама и главенством исламских законов. Вместе с тем успех «Братьев-мусульман» и дальнейшее продвижение Катаром политического активизма могут привести к тому, что концепт исламского джихада уступит место концепту исламского гражданского действия, невыгодного для Саудовской Аравии с ее неприятием гражданских и политических прав.

Катар в конце 1990-х годах запретил организацию «Братья-мусульмане» у себя дома, но активно поддерживает ее в других странах Ближнего Востока и Северной Африки. Он финансирует институты, взрастившие когда-то новое поколение активистов, в том числе и тех, кто превратил «Братьев-мусульман» из маргинальной группы в общественную силу. Поощрение Катаром политического активизма угрожает самой природе контракта, заключенного властями Саудовской Аравии со своими подданными. Суть этого контракта состоит в обмене социальных благ, предоставляемых государством, на отказ подданных от своих политических прав. Практика и идеология «Братьев-мусульман» не совместима с политической пассивностью, которую требуют саудовские власти от своих подданных.

При этом стоит отметить, что оценка политики Катара дана выше лишь в сравнении с Саудовской Аравией и не должна скрывать «обратную сторону медали», существующую за его положительным образом, выстраиваемым в последнее время. Попытки Катара вести самостоятельную политику привели к тому, что он оказался замешан в поддержке ряда террористических организаций. В 2013 году

американский президент Б. Обама предупредил эмира Х. Аль Тани, что Катару следует жестче контролировать продажу оружия, чтобы оно не попало в руки боевиков «Фронта ан-Нусры». По оценкам Financial Times, Катар потратил от 1 до 3 млрд долларов, чтобы обеспечить оружием и деньгами сирийских повстанцев, главным образом повстанцев из «Фронта ан-Нусры», который еще в декабре 2012 году был причислен американским правительством к террористическим организациям. Известны случаи, когда влиятельные катарцы отправляли деньги террористическим организациям, в том числе различным филиалам «Аль-Каиды». Катар поддерживает «Братьев-мусульман», организацию, которую многие правительства, в том числе Россия, Саудовская Аравия и ОАЭ, считают террористической. Видя в ней «политическое будущее арабского мира», Катар перевел миллиардные суммы египетскому правительству М. Мурси. Многие западные лидеры обвиняют Катар в помощи ИГ. Так, часто цитируется немецкий министр экономического сотрудничества и развития Г. Мюллер, заявивший: «Вы должны спросить, кто поставляет оружие и финансирует ИГ? Ключевое слов здесь Катар». Некоторые ведущие мировые издания открыто называли Катар «курортом для террористов».

Таким образом, современная политика Катара, вызывающая трения с другими региональными игроками, не есть следствие смены факторов, лежащих в ее основе. В его поведении прослеживаются религиозные основы, несмотря на его открытость миру и некую либерализацию. Катар, будучи формально малым государством, ведет активную и амбициозную внешнюю политику, выходя за рамки своего ближайшего окружения, позиционируя себя лучшим посредником, предпочитая иногда военные инструменты и не боясь конфликтов с региональным лидером. Выбор и решения Катара, противоречащие ожиданиям неореализма и неолиберализма, могут

быть объяснены только с позиций конструктивизма, учитывающего ценности и идеи. Катар борется за свою уникальную национальную идентичность и свою уникальную национальную роль, не лишённые религиозного окраса. Опираясь на свои исторические традиции, он продвигает «салафизм моря», отличающийся от «салафизма пустыни», присущего Саудовской Аравии. Следовательно, «необычная» политика Катара, хоть она и вносит раскол в суннитский и салафитский блок, находится под влиянием такого внутреннего фактора, как религия, не являясь исключением из правила, свойственного для региона Персидского залива.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итоговая оценка проведенного исследования показывает, что в ходе него была изучена специфика и механика влияния религиозного фактора на внешнюю политику стран Персидского залива в контексте современных событий. Это свидетельствует о достижении поставленной цели, потребовавшей выполнения ряда задач: классификации факторов, детерминирующих внешнюю политику государств в современном мире; выявления векторов воздействия религиозного фактора на современные международные политические отношения; систематизации отличительных особенностей Персидского залива как международного региона; обоснования того, что в основе конфликтов и сотрудничества в регионе Персидского залива лежит религиозный характер национальной идентичности; демонстрации специфики использования Саудовской Аравией и Ираном религиозного фактора в отношении Бахрейна; доказательства того, что «отклоняющаяся» внешняя политика современного Катара детерминирована религиозным фактором. Тем самым была подтверждена выдвинутая гипотеза о том, что внешнеполитические паттерны ведущих стран Персидского залива в значительной степени коррелируют с их попытками обрести религиозную идентичность, усиливая как существующие линии расколов в регионе, так и создавая новые. Для этого использовался анализ как теоретического, так и эмпирического уровня.

Чтобы подтвердить, что религиозный фактор может считаться одним из факторов внешней политики современных государств, была проведена классификация и упорядочение

факторов внешней политики, показавшие, что он занимает отдельное и самостоятельное место в системе этих факторов. Все факторы внешней политики подразделяются на две основные группы – экстернальные, т.е. факторы, формируемые свойствами международной среды, и интернальные, т.е. факторы, формируемые свойствами самого государства. В каждой из этих основных групп выделяются свои подгруппы. На внешнюю политику, если смотреть с точки зрения международной среды, оказывают влияние структура международной системы, активность международных организаций, поведенческие паттерны других государств и внешняя экономическая ситуация. С точки зрения самого государства, на его внешнюю политику оказывают влияние географическое положение, экономическое развитие, политическая система и социально-культурные параметры. Важнейшее место среди социально-культурных факторов занимает религия. В теории никакие факторы не могут быть названы более важными или менее важными, поскольку все они тесно связаны друг с другом, создавая практически бесчисленное множество возможных моделей внешнеполитического поведения. Так, социально-культурные факторы в значительной степени коррелируют с географическим положением, требуя введения понятия региональной локализации.

Обоснованность включения религии в анализ внешней политики доказывает и то влияние, которое она оказала на международную систему. К настоящему моменту почти половина всех государств поддерживает (официально либо неформально) одну религию сильнее, чем другие. При этом выросло значение международных религиозных организаций, в частности Организации исламского сотрудничества, включающей ныне 57 государств с четырех континентов. Интересы государств, отдающих приоритет одной религии, сталкиваются с интересами государств, предпочитающими

другую религию. Хотя межгосударственные религиозные войны крайне редки, локальные религиозные конфликты, число которых только возрастает, формируют собой новую область международного взаимодействия. Государства вмешиваются в дела других государств, пытаясь защитить сторонников своей приоритетной религии. Государства стремятся нейтрализовать внешнее влияние, способное спровоцировать аналогичный конфликт на их территории. Государства, столкнувшиеся с религиозными конфликтами и враждебностью оппонентов, стремятся привлечь на свою сторону третьи государства, чтобы получать помощь и поддержку на международном уровне. Религия широко применяется для легитимизации внешней политики, выступая мощным рычагом убеждения, позволяющим склонять на свою сторону лидеров и население других государств. Религия чаще чего-либо другого питает международный терроризм, т.е. враждебную деятельность, которая может рассматриваться альтернативой традиционной войне, одного государства против другого с использованием террористов в качестве подставных игроков. К подобному виду терроризма прибегают государства, желающие скрыть свое участие, опасаясь либо возмездия со стороны более сильного противника, либо негативной международной реакции. Не случайно, сегодня подчеркивается, что религиозный радикализм заменил собой анархизм, национализм и коммунизм/антикоммунизм в качестве идеологической основы терроризма.

Религия выступает одним из регионообразующих факторов применительно к региону Персидского залива. Международным регионом сегодня называется группа или кластер географически близких государств, обладающих общими политическими, экономическими и культурными свойствами. Страны, составляющие регион Персидского залива, помимо того, что они граничат друг с другом либо напрямую, либо

посредством вод соответствующего залива, обладают общими политическими (авторитарные тенденции), экономическими (упор на углеводородные ресурсы) и, что более важно в русле нашего исследования, культурными (признание ислама государственной религией) характеристиками. Вместе с тем религия выступает для региона Персидского залива и своеобразным дифференцирующим фактором. Помимо повышенного уровня милитаризации, внешнего вмешательства и нестабильности регион Персидского залива отличается от других международных регионов особой ролью религиозного фактора во внешней политике практически всех составляющих его стран.

В рамках региона Персидского залива религиозный фактор внешней политики формируется национальной идентичностью, в которой преобладает религиозный компонент. Известно, что конфликтам может способствовать как отличная, так и схожая идентичность. В рассматриваемом регионе конфликты возникают из-за схожих идентичностей, которые различные акторы стремятся обособить. Враждебность второго вида происходит из-за того, что государство, столкнувшееся с вызовом от культурно похожего государства, утрачивает собственную идентичность, а утрачивая ее, оно автоматически утрачивает свой политический смысл. С появлением культурного конкурента, государства избирают предсказуемую стратегию защиты своей идентичности: они предпринимают попытки переформатировать свою идентичность, параллельно демонизируя конкурентов. Действительно, проведенный анализ показал, что Саудовская Аравия ориентирует себя на сужение границ своей религиозной идентичности, предпочитая, в одних случаях, суннизм панисламизму, а в других, салафизм суннизму. Выделяя себя, она пытается сохранить свою традиционную сферу влияния, включающую окружающие ее арабские монархии, от угроз, исходя-

щих от внутрирегиональных и внерегиональных «других». Иран, наоборот, ориентирует себя на расширение границ своей религиозной идентичности, уходя от шиизма в сторону панисламизма. Тем самым он, не имея иных альтернатив, пытается расширить свою сферу влияния в регионе, где арабы превосходят в численном плане иранцев, а монархическая форма правления преобладает над республиканской.

Влияние религиозной идентичности на внешнюю политику Саудовской Аравии и Ирана хорошо иллюстрируют их реакции на вспыхнувшие в 2011 году в Бахрейне народные протесты. Играя в сложившейся ситуации собственные роли, они подчеркнули существующую между их внешней политикой и религиозной идентичностью прочную связь, отстаиваемую теорией национальных ролей. Согласно этой теории, государства ведут себя в соответствии с избранными для себя ролями, отражающими их идентичность. Национальная роль, что вытекает из этого, есть следствие идентичности, некий способ продемонстрировать ее перед международным сообществом. Стремясь сохранить Бахрейн в сфере своего влияния, Саудовская Аравия провела интервенцию, поддерживая правящую суннитскую семью в ходе шиитских протестов. Иран же довольно сдержанно отреагировал на действия Саудовской Аравии, не воспользовавшись открывшейся возможностью расширить свою сферу влияния в регионе. И Саудовская Аравия, и Иран играли роль защитника веры – первая от деструктивного прогрессивизма, а второй от разъединяющего консерватизма. Саудовская Аравия, игнорируя опасности дальнейшего раскола в мусульманском сообществе, подчеркнула свой особый статус и место в региональной системе международных отношений. Иран, в свою очередь, жертвуя масштабами своей сферы влияния в регионе, подчеркнул недопустимость какого-либо раскола в мусульманском сообществе и свою стойкую приверженность к религиозному

единению, демонстрируя странам Персидского залива свой потенциал в качестве регионального центра силы.

Последний дипломатический кризис в регионе Персидского залива показал, что религиозный фактор задает поведение не только ведущих государств – Саудовской Аравии и Ирана, но и других стран, в частности Катара. Катар может быть причислен к малым государствам, от которых, согласно мнению неореалистов и неолибералов, следует ожидать бесконфликтной политики со своими соседями, т.к. они крайне подвержены внешнему влиянию (крупных держав, международных организаций и институтов). Однако политика Катара не соответствует этому образцу. Известно, что конструктивисты отрицают справедливость неореалистского и неолиберального утверждения, что существует объективная политическая реальность, независимая от ее социальной интерпретации. Наоборот, они указывают на важность влияния на поведение государств норм, ценностей, идей, идентичностей и восприятий. Проведенный анализ показывает, что «отклоняющееся» поведение Катара, действительно, мотивировано религиозным фактором – стратегией сужения религиозной идентичности. Катар, официально исповедуя, как и Саудовская Аравия, салафизм, предпринял попытку обрести свою собственную религиозную идентичность, дающую право играть более значимую роль на международной арене. Опираясь на свои исторические традиции, он противопоставил собственный «салафизм моря» «салафизму пустыни» Саудовской Аравии, вызвав с ее стороны негативную внешнеполитическую реакцию за раскол салафитского блока.

Сопоставив результаты теоретического и эмпирического анализа, мы пришли к следующим выводам, отражающим среди прочего новизну выполненного исследования. Регион Персидского залива может считаться отдельным международным регионом, одной из отличительных особенностей

которого выступает повышенная роль религиозного фактора во внешней политике составляющих его стран, оказавшего уже немалое влияние на международные отношения. В регионе Персидского залива имеют место разнонаправленные тренды развития религиозных идентичностей – Саудовской Аравии и Ирана, определяющие их внешнеполитические шаги в регионе и порождающие особые паттерны внешнеполитического сотрудничества и межгосударственных конфликтов. Шиитский Иран стремится включить Бахрейн в орбиту своего влияния посредством распространения панисламской идентичности, в отличие от Саудовской Аравии, которая стремится сохранить влияние на него через сохранение в этой стране правления суннитского меньшинства. «Отклоняющаяся» политика Катара, наиболее ярко проявившаяся в кризисе 2017 года, связана с его стремлением обрести собственную религиозную идентичность и играть собственную роль на международной арене, независимую от Саудовской Аравии.

Вместе с тем, исходя из вышеизложенного, можно сформулировать несколько рекомендаций, касающихся как развития научного знания в соответствующей области, так и процесса разработки и реализации внешней политики России в отношении стран Персидского залива. Усиление роли России на мировой арене и постепенное ее закрепление в Персидском заливе, сопровождаемые серьезными изменениями геополитических правил игры, требует дальнейших политологических исследований, посвященных этому стратегически важному и одновременно нестабильному региону планеты. Исследования, как представляется, могут вестись как в контексте анализа международных регионов, так и в контексте анализа факторов, детерминирующих внешнюю политику современных государств. В перспективе такие исследования должны составить собой специфическую базу

данных, находящую широкое применение в политической сфере. Считаем, что предстоит работа по созданию практикоориентированной аналитической модели, включающей в себя все факторы, влияющие на внешнюю политику стран Персидского залива. Что касается нынешней политической практики, то, опираясь на результаты настоящего исследования, полагаем, что эффективная внешняя политика России по отношению к странам региона Персидского залива невозможна без учета религиозного фактора их международного поведения. Понять и спрогнозировать их политику можно лишь через призму их национальных идентичностей и национальных ролей, пропитанных религиозной составляющей. Без прогнозирования, осуществляемого таким образом, процесс закрепления России в регионе будет затруднен, сопровождаясь трениями и конфликтами, угрожающими ее национальным интересам.

Библиографический список

1. Ан-Наим А.А. На пути к исламской реформации (гражданские свободы, права человека и международное право). М.: Полиформ-Талбури, 1999. 283 с.
2. Барановский В.Г., Наумкин В.В. «Мир веры» и «мир неверия»: экспансия и редукция религиозности // Полис. 2018. № 6. С. 8–31.
3. Белокреницкий В.Я. Мусульманский Восток в начале XXI века // Ислам и общественное развитие в начале XXI века / Под ред. В.Я. Белокреницкого, А.З. Егорина, Н.Ю. Ульченко. М.: Крафт+, 2005. С. 6–24.
4. Бирюков Е.С. Взаимоотношения Саудовской Аравии и Ирана в сфере безопасности // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 2. С. 21–39.
5. Богатуров А.Д. Международно-политический анализ. М.: Аспект Пресс, 2018. 208 с.
6. Боришполец К.П. Религиозный фактор в международных отношениях: амальгама ценностей, интересов и политических приоритетов // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 3. С. 63–67.
7. Гасымов Н.А. «Политическая весна» в Бахрейне: внутриполитические процессы и региональная политика // Политика и общество. 2014. № 7. С. 815–827.
8. Гобсон Дж. Империализм. Л.: Прибой, 1927. 288 с.
9. Горелова Г.В., Рябцев В.Н. Разработка когнитивных моделей геополитических систем (Черноморско-Каспийский регион) // Известия ЮФУ. Технические науки. 2014. № 6. С. 22–32.

10. Гукасов А.В. Современная внешняя политика США в отношении Бахрейна: основные интересы и механизмы реализации // Современная наука и инновации. 2018. № 4. С. 239–243.
11. Демченко А.В. Внутренние факторы формирования внешней политики стран Арабского Востока // Вестник МГИМО. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennie-factory-formirovaniya-vneshney-politiki-stran-arabskogo-vostoka>.
12. Денисов Е.А. Центральная Азия как регион международной политики // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2012. № 2. С. 74–86.
13. Долгов Б.В. Политический ислам в современном мусульманском мире URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35970>.
14. Драганов А.А., Самохина Г.В. Регион как современная геополитическая и историческая категория // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2016. № 4. С. 162–167.
15. Дудайти А.К. Конфликтные регионы современного мира: Ближний Восток. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова. 2017. 220 с.
16. Дымова Л.А. Проблемы и перспективы европейского регионального порядка // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 4. С. 227–241.
17. Египет вернул Катару \$2 млрд // РИА «Новости». 2013. 19 сентября. URL: <https://ria.ru/world/20130919/964417543.html>.
18. Египетский суд запретил вещание филиала телеканала «Аль-Джазира» // РИА «Новости». 2013. 3 сентября. URL: https://ria.ru/arab_riot/20130903/960429599.html.

19. Егорова Н.И. Влияние иранского кризиса 1945–1946 гг. на становление Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений // 1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства: Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне / Под ред. В.Т. Юнгблюда. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2015. С. 344–356.
20. Емужева Э.А. Развертывание нового мирового порядка сквозь призму монетарной концепции // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 151–154.
21. Жаде З.А., Кумпилов Т.М. Мусульманская идентичность как научная категория // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. № 1 (234). С. 79–88.
22. Задержанные катарцы пытались возродить исламистское движение в ОАЭ // РИА «Новости». 2014. 10 июля. URL: <https://ria.ru/world/20140710/1015413071.html>.
23. Зеленов Е., Озеров О. Исламский фактор на Ближнем Востоке и в Северной Африке: феномен «реисламизации» // Международная жизнь. 2019. № 12. С. 60–74.
24. Иванов О.П. Американская официальная концепция расширения НАТО на Восток: к истокам вопроса // Современная Европа. 2017. № 6. С. 34–46.
25. Ильминская М.Ф. Регион Персидского залива как зона геополитических интересов Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 152–161.
26. Каттуш Х. и др. Идеологии. Национальное и религиозное в политике арабских стран // Ближний Восток: война и политика / Под ред. Г.Г. Исаева, А.А. Сотниченко. М.: ИД Марджани, 2010. С. 171–225.

27. Койбаев Б.Г. Информационный фактор в системе региональной безопасности на Ближнем Востоке на рубеже XX–XXI в. Владикавказ: Изд-во: СОГУ, 2018. 228 с.
28. Корм Ж. Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис постмодерна. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012. 288 с.
29. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: трансформация власти и политики // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 4. С. 59–67.
30. Косач Г.Г. Эволюция внешней политики Саудовской Аравии после «Арабской весны» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 50–62.
31. Косов Г.В., Литвишко О.М. Каспийский регион в системе международных регионов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 6. С. 111–117.
32. Крючков И.В. Внешняя политика Саудовской Аравии на Ближнем Востоке в начале XXI века // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 3. С. 142–147.
33. Кузьмин В.А., Соколов Н.В. Противостояние Саудовской Аравии и Ирана в зоне Персидского залива в конце XX – начале XXI веков // Научный диалог. 2017. № 8. С. 241–260.
34. Кулагина Л.М., Ахмедов В.М. Иран и проблема ближневосточного урегулирования // Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии / Под ред. В.Я. Белокреницкого, А.З. Егорина. М.: Крафт+, 2004. С. 312–321.
35. Лагутина М.Л. Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века (на примере Евразийского союза): Дис. ... д-ра полит. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. 422 с.

36. Ланда Р.Г. Причины и факторы радикализации ислама // Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии / Под ред. В.Я. Белокреницкого, А.З. Егорина. М.: Крафт+, 2004. С. 189–199.
37. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Сочинения / Под ред. Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). В 45 тт. Т. 22. М.: Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 173–290.
38. Ляушева С., Карабулатова И., Жаде З., Ильинова Н. Взаимодействие российской исламской уммы с ИГИЛ: проблема продвижения исламского радикализма в сообществах и тюрко-язычных регионах России // Центральная Азия и Кавказ. 2018. Т. 21. № 1. С. 97–104.
39. Макаров Д.О. Фактор этнорелигиозной идентификации в международных отношениях // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 3. С. 351–360.
40. Мамедова Н.М. Место и роль Ирана в регионе // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2006. № 6. С. 139–148.
41. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 50 т. Том 1 / Под ред. Е.А. Степановой. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 414–429.
42. Мелкумян Е.С. Регион Персидского залива в мировой политике: история и современность // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 82–89.

43. Миргород Д.А. Глобализация и политический процесс на Ближнем Востоке // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2010. № 5. С. 50–56.
44. Миргород Д.А. Операционные модели региональной безопасности на Ближнем Востоке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. № 2. С. 123–129.
45. Мирский Г.И. Ислам, исламизм и современность // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2011. № 6. С. 41–46.
46. Митрофанова А.В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» // Век глобализации. 2008. № 1. С. 109–119.
47. Мохаммад М.Д. Саудовская Аравия и Иран: анализ основных факторов соперничества // ПОЛИТЭКС. 2014. № 4. С. 199–207.
48. Мчедлов М.П. Политика и религия. М.: Советская Россия, 1987. 256 с.
49. Мчедлова М.М. Диффузия религии и политики: участие или управление // Политика развития, государство и мировой порядок: Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунюва, Л.Н. Тимофеевой. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 369–370.
50. Мчедлова М.М. Религия и политика: возможные интерпретации новых реалий // Ценности и смыслы. 2011. № 3. С. 70–80.
51. Наумкин В.В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов. М.: КомКнига, 2005. 64 с.
52. Панин В.Н. Политический процесс на Ближнем Востоке: влияние России и США. Пятигорск: ПГЛУ, 2003. 255 с.
53. Панин В.Н., Рябцев В.Н. Американские технологии «переформатирования» государств Ближнего и Сред-

- него Востока в современных условиях // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 3. С. 175–180.
54. Переяшкин А.В. Религиозный фактор в современной мировой политике: Дис. ... канд. полит. наук. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2015. 210 с.
55. Поляков К.И. Арабский Восток и Россия: проблема исламского фундаментализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. 160 с.
56. Рыжов И.В., Бородин М.Ю., Дорофеев Ф.А. Суннитско-шиитское противостояние: Иран и Саудовская Аравия в борьбе за региональное лидерство // Свободная мысль. 2019. № 1. С. 169–180.
57. Семедов С.А. Причины политизации ислама в современном мире // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-politizatsii-islama-v-sovremennom-mire>.
58. Сикоев Р.Р. От панисламизма к радикальному исламизму // Исламский фактор в истории и современности / Под ред. В.Я. Белокреницкого, И.В. Зайцева, Н.Ю. Ульченко. М.: Восточная литература, 2011. С. 466–474.
59. СМИ: хакерская атака на информагентство Катара была подготовлена в апреле // РИА «Новости». 2017. 8 июня. URL: <https://ria.ru/world/20170608/1496082160.html>.
60. Станкевич Г.В., Косов Г.В. Политизация религиозного фактора: исламская проекция // Исламоведение. 2013. № 3. С. 15–21.
61. Трухин А.С. Эволюция геополитических процессов в контексте этнорелигиозных и цивилизационных изменений в странах Персидского залива: Дис. ... канд. полит. наук. Орел: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2015. 217 с.

62. Усманов Р.Х. Современный политический процесс в каспийском регионе в контексте международных отношений (взгляд из России) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2. С. 126–131.
63. Хайруллин Т.Р. Исламистские проекты как инструмент борьбы за лидерство в арабском регионе: Дис. ... канд. полит. наук. М.: Институт Африки РАН, 2018. 235 с.
64. Ханалиев Н.У. О перспективах политического единства монархий Персидского залива // Власть. 2019. № 6. С. 309–317.
65. Чикаидзе Ц.М., Койбаев Б.Г. Ближний Восток: политическая составляющая (1920–1950-е) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 1 (89). С. 46–54.
66. Шаклеина Т.А., Шаклеин В.В. Структурный фактор во взаимодействии США, России и других ведущих мировых держав // 25 лет внешней политике России: Материалы X конвента РАМИ. В 5 томах. Том 1. Часть 1: Внешняя политика России: глобальное и региональное измерения / Под ред. А.В. Мальгина. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 220–237.
67. Шарипов У.З. Первые десятилетия XXI-го века: империализм и национальные трагедии на Ближнем и Среднем Востоке // М.: Институт востоковедения РАН, 2018. 528 с.
68. Шарипов У.З. Геостратегическая роль Запада в обострении политических и конфессиональных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке // Россия и мусульманский мир. 2018. № 1 (307). С. 79–89.
69. Шарипов У.З. Экономические отношения Ирана с державами Запада до и после Венского соглашения 2015 года // Обозреватель – Observer. 2018. № 12 (347). С. 55–66.
70. Шарипов У.З. Новые действия администрации США в ближневосточной политике в 2018–2019 гг. (сирийская

- территория) // Страны Азии и Африки: экономические, социальные, политические, этноконфессиональные проблемы. Памяти З.И. Левина. Москва, 2019. С. 95–100.
71. Шарипов У.З., Романова Л.А. Запад и масштабные коллизии на Ближнем и Среднем Востоке // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2020. № 2 (361). С. 25–31.
72. Шмитт К. Политическая теология. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. 336 с.
73. Abbott K.W., Snidal D. Why States Act through Formal International Organizations // International Security and Conflict / Ed. by B. Russett. Abingdon: Routledge, 2016. P. 461–490.
74. Abdo C. The New Sectarianism: The Arab Uprisings and the Rebirth of the Shi'a-Sunni Divide. Oxford: Oxford University Press, 2017. 264 p.
75. Acharya A. The End of American World Order. Cambridge: Polity Press, 2014. 150 p.
76. Adler E., Barnett M. A Framework for the Study of Security Communities // Security Communities / Ed. by E. Adler, M. Barnett. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 29–66.
77. Adnan M. Foreign Policy and Domestic Constraints: A Conceptual Account // South Asian Studies: A Research Journal of South Asian Studies. 2014. Vol. 29. № 2. P. 657–675.
78. Afshari R. The Discourse and Practice of Human Rights Violations of Iranian Baha'is in the Islamic Republic of Iran // The Baha'is of Iran: Socio-Historical Studies / Ed. by D.P. Brookshaw, S.B. Fazel. Abingdon: Routledge, 2008. P. 232–277.
79. Aggestam L. Role Theory and European Foreign Policy: A Framework of Analysis // The European Union's Roles

- in *International Politics: Concepts and Analysis* / Ed. by O. Elgstrom, M. Smith. Abingdon: Routledge, 2006. P. 11–29.
80. Al-Muslimi F. Qatar Encroaches on Saudi Influence in Yemen // *Al-Monitor*. 2013. August 20. URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2013/08/qatar-encroaches-saudi-influence-yemen.html>.
81. Al-Rasheed M. Sectarianism as Counter-Revolution: Saudi Responses to the Arab Spring // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2011. Vol. 11. № 3. P. 513–526.
82. Alden C., Aran A. *Foreign Policy Analysis: New Approaches* Abingdon: Routledge, 2017. 196 p.
83. Alfoneh A. Between Reform and Revolution: Sheikh Qassim, the Bahraini Shi'a, and Iran // *AEI Middle Eastern Outlook*. 2012. № 4. P. 1–11.
84. Alhasan H.T. The Role of Iran in the Failed Coup of 1981: The IFLB in Bahrain // *The Middle East Journal*. 2011. Vol. 65. № 4. P. 603–617.
85. Allison W.T. *The Gulf War, 1990–91*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. 224 p.
86. Altoraifi A. *Understanding the Role of State Identity in Foreign Policy Decision-Making: The Rise and Demise of Saudi-Iranian Rapprochement (1997–2009)*: PhD Thesis. London: The London School of Economics and Political Science, 2012. 349 p.
87. An Official Source Speaks on Bahrain // *Saudi Press Agency*. 2011. February 20. URL: <http://www.spa.gov.sa/viewstory.php?newsid=866128>.
88. Aron R. *Peace and War: A Theory of International Relations*. Garden City: Doubleday & Co., 1966. 838 p.
89. Askari H. *Collaborative Colonialism: The Political Economy of Oil in the Persian Gulf*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. 198 p.

90. Axelrod R. The Dissemination of Culture: A Model with Local Convergence and Global Polarization // *The Journal of Conflict Resolution*. 1997. Vol. 41. № 2. P. 203–226.
91. Baker Fox A. The Power of Small States: Diplomacy in World War II // *Small States in International Relations* / Ed. by C. Ingebritsen et al. Seattle: University of Washington Press, 2006. P. 39–54.
92. Banafe A., Macleod R. *The Saudi Arabian Monetary Agency, 1952–2016: Central Bank of Oil*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2017. 280 p.
93. Barakat S. *Qatari Mediation: Between Ambition and Achievement*. Washington: The Brookings Institution, 2014. 58 p.
94. Baskan B., Wright S. Seeds of Change: Comparing State-Religion Relations in Qatar and Saudi Arabia // *Arab Studies Quarterly*. 2011. Vol. 33. № 2. P. 96–111.
95. Bellamy A.J. *Security Communities and their Neighbours Regional Fortresses or Global Integrators?* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. 233 p.
96. Bellin E. Faith in Politics: New Trends in the Study of Religion and Politics // *World Politics*. 2008. Vol. 60. № 2. P. 315–347.
97. Blanchard C.M. *The Islamic Traditions of Wahhabism and Salafiyya*: CRS Report for the Congress. Washington: Congressional Research Service, 2008. 6 p.
98. Bloom W. *Personal Identity, National Identity, and International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 208 p.
99. Bohmelt T., Koubi V., Bernauer T. Civil Society Participation in Global Governance: Insights from Climate Politics // *European Journal of Political Research*. 2014. Vol. 53. № 1. P. 18–36.

100. Bojarczyk B. Geopolitics of the Persian Gulf Region // TEKA Komisji Politologii i Stosunow Miedzynarodowych. 2012. Vol. 7. P. 80–100.
101. Brannagan P.M., Giulianotti R. Soft Power and Soft Disempowerment: Qatar, Global Sport and Football's 2022 World Cup Finals // Leisure Studies. 2015. Vol. 34. № 6. P. 703–719.
102. Bronner E., Slackman M. Saudi Troops Enter Bahrain to Help Put Down Unrest // The New York Times. 2011. March 14. URL: <http://www.nytimes.com/2011/03/15/world/middleeast/15bahrain.html>.
103. Brown L.C. International Politics and the Middle East: Old Rules, Dangerous Game. London: I.B. Tauris & Co., 1984. 363 p.
104. Browning C.S. Small, Smart and Salient? Rethinking Identity in the Small States Literature // Cambridge Review of International Affairs. 2006. Vol. 19. № 4. P. 669–684.
105. Buchta W. The Failed Pan-Islamic Program of the Islamic Republic: Views of the Liberal Reformers on the Religious «Semi Opposition» // Iran and the Surrounding World: Interactions in Culture and Cultural Politics / Ed. by N.R. Keddie, R. Matthee. Seattle: University of Washington Press, 2002. P. 281–304.
106. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 598 p.
107. Canes-Wrone B., Howell W.G., Lewis D.E. Toward a Broader Understanding of Presidential Power: A Reevaluation of the Two Presidencies Thesis // The Journal of Politics. 2008. Vol. 70. № 1. P. 1–16.
108. Carlsnaes W. Foreign Policy // Handbook of International Relations / Ed. by W. Carlsnaes, T. Risse, B.A. Simmons. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2013. P. 298–325.

109. Cavanaugh W.T. The Myth of Religious Violence: Secular Ideology and the Roots of Modern Conflict. Oxford: Oxford University Press, 2009. 296 p.
110. Cerioli L.G. The Saudi-Iranian Rivalry in the Persian Gulf Through the Lens of Role Theory: The Proxy War Case of Bahrain's Arab Spring. Montreal: International Political Science Association, 2015. 32 p.
111. Cetinoglu N. The Gulf Cooperation Council (GCC) after U.S. Led Invasion of Iraq: Toward a Security Community? // Uluslararası Hukuk ve Politika. 2010. Vol. 6. № 24. P. 91–114.
112. Chafetz G., Abramson H., Grillot S. Role Theory and Foreign Policy: Belarussian and Ukrainian Compliance with the Nuclear Nonproliferation Regime // Political Psychology. 1996. Vol. 17. № 4. P. 727–757.
113. Chanlett-Avery E., Rinehart I.E. The U.S. Military Presence in Okinawa and the Futenma Base Controversy // Current Politics and Economics of Northern and Western Asia. 2014. Vol. 23. № 4. P. 467–491.
114. Chin G. T. Asian Infrastructure Investment Bank: Governance Innovation and Prospects // Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations. 2016. Vol. 22. № 1. P. 11–25.
115. Chubin S. Iran and the Arab Spring: Ascendancy Frustrated. Geneva: Gulf Research Center, 2012. 52 p.
116. Clarke S. The Justification of Religious Violence. Chichester: John Wiley & Sons, 2014. 272 p.
117. Cline K. et al. Identifying Regional Powers and Their Status // Major Powers and the Quest for Status in International Politics: Global and Regional Perspectives / Ed. by T.J. Volgy et al. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. P. 133–157.

118. Colombo S. The CCG Countries and the Arab Spring: Between Outreach, Patronage and Repression. Rome: Istituto Affari Internazionali, 2012. 16 p.
119. Cooper A.F., Momani B. Qatar and Expanded Contours of Small State Diplomacy // The International Spectator: Italian Journal of International Affairs. 2011. Vol. 46. № 3. P. 113–128.
120. Cooper S. State-Centric Balance-of-Threat Theory: Explaining the Misunderstood Gulf Cooperation Council // Security Studies. 2003. Vol. 13. № 2. P. 306–349.
121. Cooper S., Taylor B. Power and Regionalism: Explaining Regional Cooperation in the Persian Gulf // Comparative Regional Integration: Theoretical Perspectives / Ed. by F. Laursen. Aldershot: Ashgate Publishing, 2003. P. 105–124.
122. Copper A.S. The Oil Kings: How the U.S., Iran, and Saudi Arabia Changed the Balance of Power in the Middle East. New York: Simon & Schuster, 2011. 544 p.
123. Curtis L. The Reorientation of Pakistan's Foreign Policy Toward its Region // Pakistan in National and Regional Change: State and Society in Flux / Ed. by C.C. Fair, S. Gregory. Abingdon: Routledge, 2013. P. 83–98.
124. Da Lage O. The Politics of Al Jazeera or the Diplomacy of Doha // The Al Jazeera Phenomenon: Critical Perspectives on New Arab Media / Ed. by M. Zayani. London: Pluto Press, 2005. P. 49–65.
125. Darwich M. The Ontological (In)security of Similarity: Wahhabism versus Islamism in Saudi Foreign Policy. Hamburg: German Institute of Global and Area Studies, 2014. 26 p.
126. Davidson C.M. After the Sheikhs: The Coming Collapse of the Gulf Monarchies. Oxford: Oxford University Press, 2013. 320 p.

127. Davidson C.M. The UAE, Qatar, and the Question of Political Islam // Divided Gulf: The Anatomy of a Crisis / Ed. by A. Krieg. London: Palgrave Macmillan, 2019. P. 71–90.
128. Davison R.H. Where is the Middle East? // The Modern Middle East / Ed. by R.H. Nolte. New York: Atherton Press, 1963. P. 13–29.
129. Dawisha A. Arab Nationalism in the Twentieth Century: From Triumph to Despair. Princeton: Princeton University Press, 2016. 368 p.
130. Derouen K. Presidents and the Diversionary Use of Force: A Research Note // International Studies Quarterly. 2000. Vol. 44. № 2. P. 317–328.
131. Desch M.C. The Coming Reformation of Religion in International Affairs? The Demise of the Secularization Thesis and the Rise of New Thinking About Religion // Religion and International Relations: A Primer for Research / Ed. by M.C. Desch, D. Philpott. Notre Dame: University of Notre Dame, 2013. P. 14–55.
132. Destradi S. Regional Powers and Their Strategies: Empire, Hegemony, and Leadership // Review of International Studies. 2010. Vol. 36. № 4. P. 903–930.
133. Deutsch K.W. et al. Political Community and the North Atlantic Area. Princeton: Princeton University Press, 1957. 228 p.
134. DeYoung K., Nakashima E. UAE Orchestrated Hacking of Qatari Government Sites, Sparking Regional Upheaval, According to U.S. Intelligence Officials // The Washington Post. 2017. July 16. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/uae-hacked-qatari-government-sites-sparking-regional-upheaval-according-to-us-intelligence-officials/2017/07/16/00c46e54-698f-11e7-8eb5-cbccc2e7bfbf_story.html?utm_term=.870d542ebc9f.

135. Dickinson E. The Case Against Qatar // Foreign Policy. 2014. September 30. URL: <http://foreignpolicy.com/2014/09/30/the-case-against-qatar/>.
136. Dorsey J.M. Wahhabism vs. Wahhabism: Qatar Challenges Saudi Arabia. Singapore: S. Rajaratnam School of International Studies, 2013. 44 p.
137. Doyle M.W. Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs, Part 1 // Philosophy & Public Affairs. 1983. Vol. 12. № 3. P. 205–235.
138. Doyle M.W. Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs, Part 2 // Philosophy & Public Affairs. 1983. Vol. 12. № 4. P. 323–353.
139. Drury A.C. Economic Sanctions and Presidential Decisions: Models of Political Rationality. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. 225 p.
140. Dunbabin J.P.D. The Cold War: The Great Power and their Allies. Abingdon: Routledge, 2013. 688 p.
141. Dunne M., Ottaway M. Incumbent Regimes and the «King's Dilemma» in the Arab World: Promise and Threat of Managed Reform // Getting to Pluralism: Political Actors in the Arab World / Ed. by M. Ottaway, A. Hamzawy. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2009. P. 13–40.
142. East M.A. Size and Foreign Policy Behavior: A Test of Two Models // World Politics. 1973. Vol. 25. № 4. P. 556–576.
143. Egypt Summons Qatari Envoy after Criticisms of Crackdown // Reuters. 2014. January 4. URL: <https://www.reuters.com/article/us-egypt-brotherhood-qatar/egypt-summons-qatari-envoy-after-criticisms-of-crackdown-idUSBREA0304W20140104>.
144. Elman M.F. The Need for a Qualitative Test of the Democratic Peace Theory // Path to Peace: Is Democracy the Answer? /

- Ed. by M.F. Elman. Cambridge: Harvard University Press, 1997. P. 1–58.
145. Esfandiary D., Tabatabai A. Iran's ISIS Policy // International Affairs. 2015. Vol. 91. № 1. P. 1–15.
146. Fawcett L. Revisiting the Iranian Crisis of 1946: How Much More Do We Know? // Iranian Studies. 2014. Vol. 47. № 3. P. 379–399.
147. Fergusson I.A. et al. The Trans-Pacific Partnership Negotiations and Issues for Congress // Current Politics and Economics of South, Southeastern, and Central Asia. 2013. Vol. 22. № 2. P. 209–286.
148. Finnemore M., Sikkink K. International Norm Dynamics and Political Change // International Organization. 1998. Vol. 52. № 4. P. 887–917.
149. Fitzgerald T. Religion and Politics in International Relations: The Modern Myth. London: Continuum, 2011. 296 p.
150. Fleurant A. et al. Trends in International Arms Transfers. Solna: Stockholm International Peace Research Institute, 2017. 12 p.
151. Flint C. Introduction to Geopolitics. Abingdon: Routledge, 2011. 312 p.
152. Fox J. An Introduction to Religion and Politics: Theory and Practice London: Routledge, 2013. 272 p.
153. Fox J., Sandler S. Bringing Religion into International Relations. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. 219 p.
154. Frerks G., Dietz T., Zaag P. Conflict and Cooperation on Natural Resources: Justifying the CoCooN Programme // Conflicts over Natural Resources in the Global South: Conceptual Approaches / Ed. by M. Bavinck, L. Pellegrini, E. Mostert. Boca Raton: CRC Press, 2014. P. 13–34.
155. Fromherz A.J. Qatar: A Modern History. London: I.B. Tauris, 2017. 226 p.

156. Fuller G.H., Francke R.R. The Arab Shi'a: The Forgotten Muslims. New York: St. Martin's Press, 1999. 290 p.
157. Furtig H. Iran and the Arab Spring: Between Expectations and Disillusion. Hamburg: German Institute of Global and Area Studies, 2013. 22 p.
158. Gartzke, E., Gleditsch K.S. Identity and Conflict: Ties That Bind and Differences That Divide // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12. № 1. P. 53–87.
159. Gaus G.F. The Kingdom in the Middle: Saudi Arabia's Double Game // How Did This Happen? Terrorism and the New War / Ed. by J.H. Hoge, G. Rose. New York: PublicAffairs, 2001. P. 109–122.
160. Gause F.G. The International Relations of the Persian Gulf. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 270 p.
161. Gause F.G. Saudi Arabia in the New Middle East. New York: Council on Foreign Relations, 2011. 64 p.
162. Gengler J. Group Conflict and Political Mobilization in Bahrain and the Arab Gulf: Rethinking the Rentier State. Bloomington: Indiana University Press, 2015. 226 p.
163. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991. 264 p.
164. Glaser C.L., Kelanic R.A. Should the United States Stay in the Gulf? // Crude Strategic: Rethinking the US Military Commitment to Defend Persian Gulf Oil / Ed. by C.L. Glaser, R.A. Kelanic. Washington: Georgetown University Press, 2016. P. 233–250.
165. Gold D. Hatred's Kingdom: How Saudi Arabia Supports the New Global Terrorism. Washington: Regnery Publishing, 2003. 309 p.
166. Goldberg J. The Shi'i Minority in Saudi Arabia // Shi'ism and Social Protest / Ed. by J.R.I. Cole, N.R. Keddie. New Haven: Yale University Press, 1986. P. 230–246.

167. Gray M. Qatar: Politics and the Challenges of Development. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2013. 271 p.
168. Gregg H.S. Defining and Distinguishing Secular and Religious Terrorism // Perspectives on Terrorism. 2014. Vol. 8. № 2. P. 36–51.
169. Gresh G.F. Gulf Security and the U.S. Military: Regime Survival and the Politics of Basing. Stanford: Stanford University Press, 2015. 280 p.
170. Guner S.S. Religion and Preferences: A Decision-Theoretic Explanation of Turkey's New Foreign Policy // Foreign Policy Analysis. 2012. Vol. 8. № 3. P. 217–230.
171. Gvalia G. et al. Thinking Outside the Bloc: Explaining the Foreign Policies of Small States // Security Studies. 2013. Vol. 22. № 1. P. 98–131.
172. Hagan J.D. Political Opposition and Foreign Policy in Comparative Perspective. Boulder: Lynne Rienner, 1993. 274 p.
173. Halliday F. The Politics of the Umma: States and Community in Islamic Movements // Mediterranean Politics. 2002. Vol. 7. № 3. P. 20–41.
174. Hammond A. Saudi Arabia: Cultivating Sectarian Spaces // The Gulf and Sectarianism / Ed. by F. Ayub. London: European Council on Foreign Relations, 2013. P. 5–9.
175. Hammond A. The Controversial Qatar-Brotherhood Alliance // The Daily Star. 2013. April 29. URL: <http://www.dailystar.com.lb/News/Middle-East/2013/Apr-29/215393-the-controversial-qatar-brotherhood-alliance.ashx>.
176. Hatlani I. Of Identities and Institutions: Saudi Arabia is in the Throes of an Identity Crisis That Could Ultimately Lead to a Redefining of its Founding Pact (May 21, 2013). URL: <http://carnegieendowment.org/sada/?fa=51865>.
177. Haynes J. An Introduction to International Relations and Religion. Abingdon: Routledge, 2013. 448 p.

178. Haynes J. Religion, Conflict and Post-Secular Politics. Abingdon: Routledge, 2020. 196 p.
179. Hegemons Want Shia-Sunni War: Ahmadinejad // Tehran Times. 2011. April 9. URL: <http://www.tehrantimes.com/news/238208/Hegemons-want-Shia-Sunni-war-Ahmadinejad>.
180. Helfont S. Saddam and the Islamists: The Ba'athist Regime's Instrumentalization of Religion in Foreign Affairs // The Middle East Journal. 2014. Vol. 68. № 3. P. 352–366.
181. Hendrix C.S., Noland M. Confronting the Curse: The Economics and Geopolitics of Natural Resource Governance. Washington: Peterson Institute for International Economics, 2014. 188 p.
182. Hey J.A.K. Refining Our Understanding of Small State Foreign Policy // Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behavior / Ed. by J.A.K. Hey. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2003. P. 185–196.
183. Hill C. Foreign Policy in Twenty-First Century. London: Palgrave, 2016. 400 p.
184. Holsti K.J. National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy // International Studies Quarterly. 1970. Vol. 14. № 3. P. 233–309.
185. Hopf T. Social Construction of International Politics: Identities and Foreign Policy, Moscow, 1955 and 1999. Ithaca: Cornell University Press, 2002. 320p.
186. Horowitz D.L. Ethnic Groups in Conflict. Berkley: University of California Press, 2000. 711 p.
187. How Did Qatar Back the Houthis in Yemen? // Egypt Today. 2017. August 3. URL: <https://www.egypttoday.com/Article/2/15264/How-did-Qatar-back-the-Houthis-in-Yemen>.
188. Hubbard B. Iran and Saudi Arabia Squabble as Millions of Muslims Begin Pilgrimage // The New York Times. 2016.

- September 6. URL: <https://www.nytimes.com/2016/09/07/world/middleeast/hajj-saudi-arabia-iran.html>.
189. Hudson M.D. The Middle East // World Politics: An Introduction / Ed. by J.N. Rosenau, K.W. Thompson, G. Boyd. New York: Free Press, 1976. P. 476–500.
190. Hudson V.M. Foreign Policy Decision-Making: A Touchstone for International Relations Theory in the Twenty-First Century // Foreign Policy Decision-Making (Revisited) / Ed. by R.C. Snyder, H.W. Bruck, B. Sapin. New York: Palgrave Macmillan, 2002. P. 1–20.
191. Hudson V.M. The History and Evolution of Foreign Policy Analysis // Foreign Policy: Theories, Actors, Cases / Ed. by S. Smith, A. Hadfield, T. Dunne. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 13–34.
192. Hudson V.M., Day B.S. Foreign Policy Analysis: Classic and Contemporary Theory. Lanham: Rowman & Littlefields, 2020. 288 p.
193. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996. 368 p.
194. Hurewitz J.C. Middle East Politics: The Military Dimension. New York: Frederick A. Praeger, 1969. 571 p.
195. International Business Publications (IBP). Qatar Country Study Guide: Strategic Information and Developments. Vol. 1. Washington: IBP, 2015. 276 p.
196. Iran's FM: Persian Gulf States Seek Regional Cooperation to Establish Security // Fars News. 2011. May 19. URL: <https://www.highbeam.com/doc/1G1-256793120.html>.
197. Iran's Support for Uprisings has Nothing to Do with Sunnism, Shiism // Mehr News. 2011. April 8. URL: <https://en.mehrnews.com/news/45349/Iran-s-support-for-uprisings-has-nothing-to-do-with-Sunnism>.
198. Iraqi Blast Damages Shia Shrine // BBC. 2006. February 22. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/4738472.stm.

199. Jahner A. Saudi Arabia and Iran: The Struggle for Power and Influence in the Gulf // *International Affairs Review*. 2012. Vol. 20. № 3. P. 37–49.
200. James P., Oneal J.R. The Influence of Domestic and International Politics on the President's Use of Force // *Journal of Conflict Resolution*. 1991. Vol. 35. № 2. P. 307–332.
201. Jarrett M. The Congress of Vienna and its Legacy: War and Great Power Diplomacy after Napoleon. London: I.B. Tauris, 2014. 544 p.
202. Jensen L. Explaining Foreign Policy. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1982. 288 p.
203. Joffe G. Middle Eastern Views of the Gulf Conflict and its Aftermath // *Review of International Studies*. 1993. Vol. 19. № 2. P. 177–199.
204. Jones M.O. Saudi Intervention, Sectarianism, and De-Democratization in Bahrain's Uprising // *Research in Social Movements, Conflicts and Change*. 2016. Vol. 39. P. 251–279.
205. Juergensmeyer M. Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence. Oakland: University of California Press, 2017. 408 p.
206. Kaarbo J., Lantis J.S., Beasley R.K. The Analysis of Foreign Policy in Comparative Perspective // *Foreign Policy in Comparative Perspective: Domestic and International Influences on State Behavior* / Ed. by R.K. Beasley et al. Washington: CQ Press, 2013. P. 1–26.
207. Kamrava M. Mediation and Qatari Foreign Policy // *The Middle East Journal*. 2011. Vol. 65. № 4. P. 539–556.
208. Kamrava M. Revolution in Iran: The Roots of Turmoil. Abingdon: Routledge, 2017. 186 p.
209. Kamrava M. Royal Factionalism and Political Liberalization in Qatar // *Middle East Journal*. 2009. Vol. 63. № 3. P. 401–420.

210. Kamrava M. The Arab Spring and the Saudi-Led Counterrevolution // *Orbis*. 2012. Vol. 56. № 1. P. 96–104.
211. Kamrava M. The Changing International Relations of the Persian Gulf // *International Politics of the Persian Gulf* / Ed. by M. Kamrava. Syracuse: Syracuse University Press, 2011. P. 1–20.
212. Kamrava M. Troubled Waters: Insecurity in the Persian Gulf. Ithaca: Cornell University Press, 2018. 210 p.
213. Karman T. Qatar is Punished for Supporting Freedom and Dignity (September 11, 2017). URL: <http://www.tawakkolkarman.net/en/news/Qatar-is-punished-for-supporting-freedom-and-dignity>.
214. Katzenstein P.J. A World of Regions: Asian and Europe in the American Imperium. Ithaca: Cornell University Press, 2005. 320 p.
215. Kawczynski D. Seeking Gaddafi. London: Biteback Publishing, 2011. 256 p.
216. Kechichian J.A. Power and Succession in Arab Monarchies: A Reference Guide. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2008. 555 p.
217. Keohane R.O. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // *International Organization*. 1969. Vol. 23. № 2. P. 291–310.
218. Keohane R.O. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // *Small States in International Relations* / Ed. by C. Ingebritsen et al. Seattle: University of Washington Press, 2006. P. 55–76.
219. Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown and Co., 1977. 287 p.
220. Keynoush B. Saudi Arabia and Iran: Friends or Foes? Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. 277 p.

221. Khalaf R., Smith A.F. Qatar Bankrolls Syrian Revolt with Cash and Arms // *The Financial Times*. 2013. May 16. URL: <http://ig-legacy.ft.com/content/86e3f28e-be3a-11e2-bb35-00144feab7de#axzz5d3Q92x52>.
222. Khuri F.I. *Tribe and State in Bahrain: The Transformation of Social and Political Authority in an Arab State*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 302 p.
223. Kinsella D., Russett B., Starr H. *World Politics: The Menu for Choice*. Boston: Wadsworth, 2013. 480 p.
224. Kirkpatrick D.D. Qatar's Support of Islamists Alienates Allies Near and Far // *The New York Times*. 2017. September 7. URL: <https://www.nytimes.com/2014/09/08/world/middleeast/qatars-support-of-extremists-alienates-allies-near-and-far.html>.
225. Klare M.T. *Blood and Oil: The Dangers and Consequences of America's Growing Petroleum Dependency*. New York: Metropolitan Books, 2004. 288 p.
226. Law B. Saudi Crackdown Takes on Sectarian Character // *BBC*. 2011. December 14. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-16052343>.
227. Lee J.-Y. *China's Hegemony: Four Hundred Years of East Asian Domination*. New York: Columbia University Press, 2016. 304 p.
228. Legrenzi M. *The GCC and the International Relations of the Gulf: Diplomacy, Security, and Economic Coordination in a Changing Middle East*. London: I.B. Tauris & Co., 2015. 224 p.
229. Lombaerde P. et al. The Problem of Comparison in Comparative Regionalism // *Review of International Studies*. 2010. Vol. 36. № 3. P. 731–753.
230. Long J.M. *Saddam's War of Words: Politics, Religion, and the Iraqi Invasion of Kuwait*. Austin: University of Texas Press, 2004. 288 p.

231. Louer L. Sectarianism and Coup-Proofing Strategies in Bahrain // *The Journal of Strategic Studies*. 2013. Vol. 36. № 2. P. 245–260.
232. Louer L. The State and Sectarian Identities in the Persian Gulf Monarchies: Bahrain, Saudi Arabia, and Kuwait in Comparative Perspective // *Sectarian Politics in Persian Gulf* / Ed. by L.G. Potter. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 117–142.
233. Louer L. *Transnational Shia Politics: Religious and Political Networks in the Gulf*. New York: Columbia University Press, 2008. 256 p.
234. Lustick I.S. The Absence of Middle Eastern Great Powers: Political «Backwardness» in Historical Perspective // *International Organization*. 1997. Vol. 51. № 4. P. 653–683.
235. Mabon S. The Battle for Bahrain: Iranian-Saudi Rivalry // *Middle East Policy*. 2012. Vol. 19. № 2. P. 84–97.
236. Mahan A.T. *The Persian Gulf and International Relations* // *The National Review*. 1902. Vol. 40. P. 27–45.
237. Manners-Bell J., Cullen T., Roberson C. *Logistics and Supply Chains in Emerging Markets*. London: Kogan Page, 2014. 264 p.
238. Marschall C. *Iran's Persian Gulf Policy: From Khomeini to Khatami*. London: RoutledgeCurzon, 2003. 272 p.
239. Marsden L. *Religion and International Security*. Cambridge: Polity Press, 2019. 256 p.
240. Martin L.L. *Democratic Commitments: Legislatures and International Cooperation*. Princeton: Princeton University Press, 2000. 256 p.
241. Martin M., Bakr A., McDowall A. German Minister Accuses Qatar of Funding Islamic State Fighters // *Reuters*. 2014. August 20. URL: <https://www.reuters.com/article/us-iraq-security-germany-qatar-idUSKBN0GK1I720140820>.

242. Matthiesen T. *Sectarian Gulf: Bahrain, Saudi Arabia, and the Arab Spring That Wasn't*. Redwood City: Stanford University Press, 2013. 208 p.
243. Mazzetti M., Chivers C.J., Schmitt E. Taking Outsize Role in Syria, Qatar Funnel Arms to Rebels // *The New York Times*. 2013. June 29. URL: <https://www.nytimes.com/2013/06/30/world/middleeast/sending-missiles-to-syrian-rebels-qatar-muscles-in.html>.
244. Meiertons H. *The Doctrines of US Security Policy: An Evaluation under International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 330 p.
245. Mesquito B.B., Lalman D. *War and Reason: Domestic and International Imperatives*. New Haven: Yale University Press, 1992. 336 p.
246. Moghadam A. *A Global Resurgence of Religion?* Cambridge: Weatherhead Center for International Affairs, 2003. 71 p.
247. Morin J.-F., Paquin J. *Foreign Policy Analysis: A Toolbox*. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. 359 p.
248. Morrissey J. *The Long War: CENTCOM, Grand Strategy, and Global Security*. Athens: The University of Georgia Press, 2017. 168 p.
249. Muller H. Evilization in Liberal Discourse: From Kant's «Unjust Enemy» to Today's «Rogue State» // *International Politics*. 2014. Vol. 51. № 4. P. 475–491.
250. Murray C. et al. Reporting Dissent in Wartime: British Press, the Anti-War Movement and the 2003 Iraq War // *European Journal of Communication*. 2008. Vol. 23. № 1. P. 7–27.
251. Nayak N.R. *Strategic Himalayas: Republican Nepal and External Powers*. New Delhi: Pentagon Press, 2014. 234 p.
252. Nevo J. Religion and National Identity in Saudi Arabia // *Middle Eastern Studies*. 1998. Vol. 34. № 3. P. 34–53.
253. Niblock T. *Saudi Arabia: Power, Legitimacy and Survival*. Abingdon: Routledge, 2006. 228 p.

254. Nonneman G. Determinants and Patterns of Saudi Foreign Policy: «Omnibalancing» and «Relative Autonomy» in Multiple Environments // *Saudi Arabia in the Balance: Political economy, Society, Foreign Affairs* / Ed. by P. Aarts, G. Nonneman. New York: New York University Press, 2005. P. 315–351.
255. Nye J.S. *Peace in Parts: Integration and Conflict in Regional Organization*. Boston: Little, Brown and Co., 1971. 224 p.
256. Odinius O., Kuntz P. The Limits of Authoritarian Solidarity: The Gulf Monarchies and Preserving Authoritarian Rule During the Arab Spring // *European Journal of Political Research*. 2015. Vol. 54. № 4. P. 639–654.
257. Oneal J.R., Russett B.M. The Kantian Peace: The Pacific Benefits of Democracy, Interdependence, and International Organizations, 1885–1992 // Bruce M. Russett: *Pioneer in the Scientific and Normative Study of War, Peace, and Policy* / Ed. by H. Starr. Cham: Springer, 2015. P. 75–108.
258. Organization of the Petroleum Exporting Countries (OPEC). *OPEC Annual Statistical Bulletin 2017*. Vienna: OPEC, 2017. 148 p.
259. Ostovar A. *Sectarian Dilemmas in Iranian Foreign Policy: When Strategy and Identity Politics Collide*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2016. 40 p.
260. Ostrom C.W., Job B.L. The President and the Political Use of Force // *The American Political Science Review*. 1986. Vol. 80. № 2. P. 541–566.
261. Our Unrest is a Part of the Plot against Middle East – Yemeni President // RT. 2011. May 1. URL: <https://www.rt.com/news/ali-abdullah-saleh-interview/>.
262. Overy R. *The Origins of the Second World War*. Abingdon: Routledge, 2013. 192 p.
263. Owen J.M. *How Liberalism Produces Democratic Peace* // *International Security*. 1994. Vol. 19. № 2. P. 87–125.

264. Ozalp O.N. Where is the Middle East? The Definition and Classification Problem of the Middle East as a Regional Subsystem in International Relations // *Turkish Journal of Politics*. 2011. Vol. 2. № 2. P. 5–21.
265. Payne T. Economic Issues // *Politics, Security and Development in Small States* / Ed. by C. Clarke, T. Payne. London: Allen & Unwin, 1987. P. 50–62.
266. Pereira J.C. Environmental Issues and International Relations, a New Global (Dis)order – The Role of International Relations in Promoting a Concerted International System // *Revista Brasileira de Politica Internacional*. 2015. Vol. 58. № 1. P. 191–209.
267. Perkmann M., Sum N.-L. Globalization, Regionalization and Cross-Border Regions: Scales, Discourses and Governance // *Globalization, Regionalization and Cross-Border Regions* / Ed. by M. Perkmann, N.-L. Sum. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. P. 3–24.
268. Peterson J.E. Sovereignty and Boundaries in the Gulf States: Settling the Peripheries // *International Politics of the Persian Gulf* / Ed. by M. Kamrava. Syracuse: Syracuse University Press, 2011. P. 21–49.
269. Pevehouse J.C.W., Goldstein J.S. *International Relations*. Boston: Pearson, 2016. 504 p.
270. Pew Research Center (PRC). *Many Countries Favor Specific Religions, Officially or Unofficially*. Washington: PRC, 2017. 37 p.
271. Philpott D. Has the Study of Global Politics Found Religion? // *Annual Review of Political Science*. 2009. Vol. 12. P. 183–202.
272. Philpott D. The Religious Roots of Modern International Relations // *World Politics*. 2000. Vol. 52. № 2. P. 206–245.
273. Powers L. W. *The World Energy Dilemma*. Tulsa: PennWell, 2012. 306 p.

274. Priess D. Balance-of-Threat Theory and the Genesis of the Gulf Cooperation Council: An Interpretive Case Study // *Security Studies*. 1996. Vol. 5. № 4. P. 143–171.
275. Prokop M. Saudi Arabia: The Politics of Education // *International Affairs*. 2003. Vol. 79. № 1. P. 77–89.
276. Prosor R. Club Med for Terrorists // *The New York Times*. 2014. August 24. URL: <https://www.nytimes.com/2014/08/25/opinion/qatar-club-med-for-terrorists.html>.
277. Qatar Affirms its Support to People's Choice in Egypt // *Qatar Tribune*. 2013. July 5. URL: <http://archive.qatar-tribune.com/viewnews.aspx?cat=fpg&d=20130705>.
278. Qatar Concerned over Continued Bloodshed in Egypt: QNA // *Reuters*. 2013. July 24. URL: <https://www.reuters.com/article/us-egypt-protests-qatar/qatar-concerned-over-continued-bloodshed-in-egypt-qna-idUSBRE96M13N20130723>.
279. Qatar Says Saudis Seized its Border Post // *The New York Times*. 1992. October 2. URL: <http://www.nytimes.com/1992/10/02/world/qatar-says-saudis-seized-its-border-post.html>.
280. Ramazani R.K. *Iran's Foreign Policy: Independence, Freedom and the Islamic Republic* // *Iran's Foreign Policy: From Khatami to Ahmadinejad* / Ed. by A. Ehteshami, M. Zweiri. Reading: Ithaca Press, 2011. P. 1–16.
281. Ramazani R.K. *Revolutionary Iran: Challenge and Response in the Middle East*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986. 311 p.
282. Rapoport D.C. The Fourth Wave: September 11 in the History of Terrorism // *Current History*. 2001. Vol. 100. № 650. P. 419–424.
283. Razoux P. *The Iran-Iraq War*. Cambridge: Harvard University Press, 2015. 640 p.

284. Remete A. The «Shiite Crescent»: Fact of Fiction? The Reality of Potential Power Shift in the Middle East: M.A. Thesis. Budapest: Corvinus University of Budapest, 2011. 99 p.
285. Rich B., MacQueen B. The Saudi State as an Identity Racketeer // *Middle East Critique*. 2017. Vol. 26. № 2. P. 105–121.
286. Richter T. Saudi Arabia: A Conservative P(l)ayer on the Retreat? // *Regional Powers in the Middle East: New Constellations after the Arab Revolts* / Ed. by H. Furtig. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. P. 177–190.
287. Rieger R. In Search of Stability: Saudi Arabia and the Arab Spring. Gulf Research Center, 2014. 24 p.
288. Roberts D.B. Qatar: Securing the Global Ambitions of a City-State. London: Hurst Publishers, 2017. 356 p.
289. Rohde A. State-Society Relations in Ba’thist Iraq: Facing Dictatorship. Abingdon: Routledge, 2010. 272 p.
290. Romero J. The Iraqi Revolution of 1958: A Revolutionary Quest for Unity and Security. Lanham: University Press of America, 2011. 268 p.
291. Rothgeb J.M. U.S. Trade Policy: Balancing Economic Dreams and Political Realities. Washington: CQ Press, 2001. 250 p.
292. Rousseau D.L., Garcia-Retamero R. Identity, Power, and Threat Perception: A Cross-National Experimental Study // *The Journal of Conflict Resolution*. 2007. Vol. 51. № 5. P. 744–771.
293. Rovner J. Delusion of Defeat: The United States and Iraq, 1990–1998 // *Journal of Strategic Studies*. 2014. Vol. 37. № 4. P. 482–507.
294. Rummel R.J. Libertarianism and International Violence // *Journal of Conflict Resolution*. 1983. Vol. 27. № 1. P. 27–71.

295. Russett B.M. Democracy, War and Expansion through Historical Lenses // *European Journal of International Relations*. 2009. Vol. 15. № 1. P. 9–36.
296. Saideman S.M. The Ties That Divide: Ethnic Politics, Foreign Policy, and International Conflict. New York: Columbia University Press, 2001. 238 p.
297. Saleh Y., Werr P. Qatar Throws Egypt \$2.5 Billion Lifeline to Prop Up Pound // *Reuters*. 2013. January 8. URL: <https://www.reuters.com/article/uk-egypt-economy/qatar-throws-egypt-2-5-billion-lifeline-to-prop-up-pound-idUKBRE9070TE20130108>.
298. Sandal N.A., Fox J. Religion in International Relations Theory: Interactions and Possibilities. Abingdon: Routledge, 2013. 240 p.
299. Sathasivam K. Uneasy Neighbors: India, Pakistan and US Foreign Policy. Abingdon: Routledge, 2017. 208 p.
300. Saudi Arabia Declares Muslim Brotherhood «Terrorist Group» // *BBC*. 2014. March 7. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-26487092>.
301. Saudi Arabia is On the Wrong Path: Salehi // *Tehran Times*. 2011. April 10. URL: <http://www.tehrantimes.com/news/238292/Saudi-Arabia-is-on-the-wrong-path-Salehi>.
302. Saudi-Led Demands Not «Reasonable or Actionable»: Qatar // *Al Jazeera*. 2017. June 24. URL: <http://www.aljazeera.com/news/2017/06/qatar-confirms-receipt-saudi-led-bloc-demands-170623214047175.html>.
303. Seale P. A Fresh Vision of the Security Structure in the Middle East // *Gulf News*. 2004. December 31. URL: <http://gulfnews.com/news/uae/general/a-fresh-vision-of-the-security-structure-in-the-middle-east-1.343341>.
304. Selengut C. Sacred Fury: Understanding Religious Violence. Lanham: Rowman & Littlefield, 2017. 250 p.

305. Shanker T., Sanger D.E. Obama Is Said to Be Preparing to Seek Approval on Saudi Arms Sale // *The New York Times*. 2010. September 17. URL: http://www.nytimes.com/2010/09/18/world/18arms.html?_r=1.
306. Sheikh Qaradawi Makes U-turn, Says Hezbollah is «Party of Satan» // *Al Arabiya*. 2013. June 9. URL: <http://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2013/06/09/Sheikh-Qaradawi-renews-call-for-holy-war-against-Hezbollah.html>.
307. Shuka X. Italy, Secret Treaty of London and the Albanian Issue // *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*. 2016. Vol. 5. № 2. P. 219–226.
308. Sindi A.M. King Faisal and Pan-Islamism // *King Faisal and the Modernization of Saudi Arabia* / Ed. by W.A. Beling. Louisville: Fons Vitae, 2007. P. 184–201.
309. Small M., Singer D.J. The War-Proneness of Democratic Regimes, 1816–1965 // *Jerusalem Journal of International Relations*. 1976. Vol. 1. № 4. P. 50–69.
310. Smith A.D. Ethnic Election and National Destiny: Some Religious Origins of Nationalist Ideals // *Nations and Nationalism*. 1999. Vol. 5. № 3. P. 331–355.
311. Smith A.D. *National Identity*. London: Penguin Books, 1991. 240 p.
312. Smith A.D. The «Sacred» Dimension of Nationalism // *Millennium: Journal of International Studies*. 2000. Vol. 29. № 3. P. 791–814.
313. Snyder J. Introduction // *Religion and International Relations Theory* / Ed. by J. Snyder. New York: Columbia University Press, 2011. P. 1–23.
314. Solomon E. The \$1bn Hostage Deal that Enraged Qatar's Gulf Rivals // *Financial Times*. 2017. June 5. URL: <https://www.ft.com/content/dd033082-49e9-11e7-a3f4-c742b9791d43>.

315. Steinberg G. *Leading the Counter-Revolution Saudi Arabia and the Arab Spring*. Berlin: German Institute for International and Security Affairs, 2014. 27 p.
316. Steinberg G. *The Wahhabi Ulama and the Saudi State: 1745 to Present* // *Saudi Arabia in the Balance: Political Economy, Society, Foreign Affairs* / Ed. by P. Aarts, G. Nonneman. New York: New York University Press, 2005. P. 11–34.
317. Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). *Military Expenditure by Country, 1988–2016*. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/Milex-constant-2015-USD.pdf>.
318. Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). *Military Expenditure by Country as Percentage of Gross Domestic Product, 2003–2017*. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/3_Data%20for%20all%20countries%20from%201988-2017%20as%20a%20share%20of%20GDP.pdf.
319. Tadros M. *The Muslim Brotherhood in Contemporary Egypt: Democracy Redefined or Confined?* Abingdon: Routledge, 2012. 208 p.
320. Terrill W.A. *The Saudi-Iranian Rivalry and the Future of Middle East Security*. Carlisle: U.S. Army War College, 2011. 96 p.
321. TEXT-Excerpts from Accession Speech of Qatar's New Ruler // *Reuters*. 2013. June 26. URL: <https://www.reuters.com/article/qatar-emir-speech/text-excerpts-from-accession-speech-of-qatars-new-ruler-idUSL5N0F23PL20130626>.
322. The Economist Intelligence Unit (EIU). *Democracy Index 2016: Revenge of the «Deplorables»*. London: EIU, 2017. 76 p.
323. The Fund for Peace (FFP). *The Fragile States Index 2018*. Washington: FFP, 2018. 48 p.

324. Thompson M.C. Being Young, Male and Saudi: Identity and Politics in a Globalized Kingdom. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 374 p.
325. Thompson M.C. Saudi Arabia and the Path to Political Change: National Dialogue and Civil Society. London: I.B. Tauris & Co., 2014. 304 p.
326. Thompson W.R. The Regional Subsystem: A Conceptual Explication and a Propositional Inventory // International Studies Quarterly. 1973. Vol. 17. № 1. P. 89–117.
327. Tibi B. Konfliktregion Naher Osten: Regionale Eigendynamik und Grossmachtinteressen. Munchen: C.H. Beck, 1989. 262 p.
328. Toft M.D. Religion, Rationality, and Violence // Religion and International Relations Theory / Ed. by J. Snyder. New York: Columbia University Press, 2011. P. 115–140.
329. Toft M.D., Philpott D., Shah T.S. God's Century: Resurgent Religion and Global Politics. New York: W.W. Norton & Company, 2011. 288 p.
330. Top Muslim Cleric Al-Qaradawi Urges Sunnis to Join Syria War // Al-Ahram. 2013. June 1. URL: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/72857/Egypt/Politics-/Top-Muslim-cleric-AlQaradawi-urges-Sunnis-to-join-.aspx>.
331. Townshend C. «Methods Which All Civilized Opinion Must Condemn»: The League of Nations and International Actions against Terrorism // An International History of Terrorism: Western and Non-Western Experiences / Ed. by J.M. Hanhimaki, B. Blumenau. Abingdon: Routledge, 2013. P. 34–50.
332. Trofimov Y. In Quiet Revolt, Qatar Snubs Saudis with Women's Rights: Qatar is Eschewing Saudi Arabia's Brand of Wahhabi Islam in Favor of Modernization // The Wall Street Journal. 2002. October 24. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB1035412141534780791>.

333. Tucker N.B. The China Threat: Memories, Myths, and Realities in the 1950s. New York: Columbia University Press, 2014. 312 p.
334. U.S. Energy Information Administration. U.S. Imports by Country of Origin. URL: https://www.eia.gov/dnav/pet/pet_move_impcus_a2_nus_epc0_im0_mbb1_a.htm.
335. UAE Envoy's Hacked Emails and Qatar's Escalating Gulf Rift // Al Arabiya. 2017. June 4. URL: <http://english.alarabiya.net/en/features/2017/06/04/ANALYSIS-UAE-envoy-s-hacked-emails-and-Qatar-s-escalating-Gulf-rift-.html>.
336. Ulrichsen K.C. Introduction // The Changing Security Dynamics of the Persian Gulf / Ed. by K.C. Ulrichsen. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 1–22.
337. Ulrichsen K.C. Qatar and Arab Spring. Oxford: Oxford University Press, 2014. 256 p.
338. Ulrichsen K.C. Qatar and the Gulf Crisis: A Study of Resilience. Oxford: Oxford University Press, 2020. 224 p.
339. United Nations (UN). International Migration Report 2015: Highlights. New York: UN, 2016. 36 p.
340. United Nations (UN). World Population Prospects: The 2017 Revision: Key Findings and Advance Tables. New York: UN, 2017. 53 p.
341. Uprising in Bahrain Has Nothing to Do with Shiism or Sunnism: Leader // Tehran Times. 2011. March 17. URL: <http://www.tehrantimes.com/news/237708/Uprising-in-Bahrain-has-nothing-to-do-with-Shiism-or-Sunnism>.
342. Vick B.E. The Congress of Vienna: Power and Politics after Napoleon. Cambridge: Harvard University Press, 2014. 448 p.
343. Vital D. The Survival of Small States: Studies in Small Power/Great Power Conflict. Oxford: Oxford University Press, 1971. 144 p.

344. Vogel H. Small States' Efforts in International Relations: Enlarging the Scope // Small States in Europe and Dependence / Ed. by O. Holl. Vienna: Wilhelm Braumuller, 1983. P. 54–68.
345. Volgy T.J., Rhamey P. Regions in International Politics: A Framework for Integrating Systemic, Regional, Dyadic, and Monadic Approaches // Russian International Studies. 2014. Vol. 1. № 1. P. 113–129.
346. Wald K.D., Wilcox C. Getting Religion: Has Political Science Rediscovered the Faith Factor? // American Political Science Review. 2006. Vol. 100. № 4. P. 523–529.
347. Walt S.M. The Origins of Alliances. Ithaca: Cornell University Press, 1987. 336 p.
348. Waltz K.N. Theory of International Politics. Reading: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. 252 p.
349. Warr K. The Normative Promise of Religious Organizations in Global Civil Society // Journal of Church and State. 1999. Vol. 41. № 3. P. 499–523.
350. Wehrey F. et al. Saudi Iranian Relations Since the Fall of Saddam: Rivalry, Cooperation, and Implications for U.S. Policy. Santa Monica: RAND Corporation, 2009. 158 p.
351. Wehrey F. The Forgotten Uprising in Eastern Saudi Arabia. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2013. 34 p.
352. Weiss C. How Do Science and Technology Affect International Affairs? // Minerva: A Review of Science, Learning and Policy. 2015. Vol. 53. № 4. P. 411–430.
353. Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46. № 2. P. 391–425.
354. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 452 c.

355. Wickham C.R. The Muslim Brotherhood: Evolution of an Islamist Movement. Princeton: Princeton University Press, 2013. 384 p.
356. Wildavsky A. The Two Presidencies // Trans-Action. 1966. Vol. 4. № 2. P. 7–14.
357. Wintour P. Qatar Diplomatic Crisis – What You Need to Know // The Guardian. 2017. June 5. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/jun/05/qatar-diplomatic-crisis-what-you-need-to-know>.
358. Wintour P. Qatar Given 10 Days to Meet 13 Sweeping Demands by Saudi Arabia // The Guardian. 2017. June 23. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/jun/23/close-al-jazeera-saudi-arabia-issues-qatar-with-13-demands-to-end-blockade>.
359. Wivel A. The Security Challenge of Small EU Member States: Interests, Identity and the Development of the EU as a Security Actor // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2005. Vol. 43. № 2. P. 393–412.
360. World Bank (WB). Market Capitalization of Listed Domestic Companies. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/CM.MKT.LCAP.CD>.
361. Wu Y.-S. Under the Shadow of a Rising China: Convergence Towards Hedging and the Peculiar Case of Taiwan // Globalization and Security Relations across the Taiwan Strait: In the Shadow of China / Ed. by M.M. Chu, S.L. Kastner. Abingdon: Routledge, 2015. P. 24–41.
362. Zadeh H.F., Joybari M.Y. Studying Iran's Relationship with the Persian Gulf Cooperation Council During Different Periods // Journal of Political & Social Sciences. 2015. Vol. 2. № 1. P. 1–6.
363. Zarrabi-Kashani H. Iran and the Arab Spring: Then and Now // Muftah. 2014. March 7. URL: <https://muftah.org/iran-arab-spring-now/#.WkIWu9teMzV>.

Научное издание

При поддержке программы Приоритет-2030
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
(стратегический проект № 5)

**ЦИФРОВОЕ
РЕГИОНОВЕДЕНИЕ
БОЛЬШОГО
СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ
РЕЛИГИЯ КАК ФАКТОР
СОВРЕМЕННОГО БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА:
ПРОЕКЦИЯ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА**
коллективная монография

Ответственный редактор *Г.В. Косов*

Издательство – ООО «Книжный мир»
299053, Севастополь, ул. Вакуленчука, 29
Тел.: +79787590463; E-mail: dima@kmbook.ru

Отпечатано в типографии ООО «Книжный мир»
299053, Севастополь, ул. Вакуленчука, 29
Тел.: +79787590463; E-mail: dima@kmbook.ru
Тираж 70 экз.